КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

АПРѢЛЬ

1898 г.

КІЕВЪ.

Типографія **Г. Т. Корчакъ-Новицкаго**, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 15 апрѣля 1898 года.

Вниманію господъ ЮДИНЫХЪ,

ихъ родственниковъ по боковымъ и женскимъ линіямъ,

ИХЪ ЗНАКОМЫХЪ.

Подготовивъ къ печати собиравшійся въ теченіи многихъ лѣтъ матеріалъ о родѣ **Костромичей Іюдиныхъ,** оказавшійся интереснымъ въ историческомъ и бытовомъ отношеніяхъ, восходящій по городу **Чухломѣ** до 1615 года и желая возможныхъ къ нему дополненій, покорнѣйше прошу всѣхъ, имѣющихъ въ своемъ распоряженіи относящуюся къ названному роду письменность: акты, документы, письма, дневники и проч., книги съ надписями: «Изъ библіотеки Чухломскаго купецкаго сына **Михайла Іюдина»**, равно портреты, виды Чухломы и разныхъ мѣстъ какъ Костромской, такъ и другихъ губерній, гдѣ проживали **Іюдины** или ихъ родные, прислать на короткое время нижеподписавшемуся для снятія копій, послѣ чего присланное будетъ возвращено по принадлежности. Желающіе уступить подлинные документы и проч. въ нашу собственность приглашаются вмѣстѣ съ присылкою предлагаемаго, заявить объ условіяхъ продажи. Адресъ въ г. **Красноярскъ,** Енисейской губерніи, Геннадію Васильевичу Юдину.

Затѣмъ считаю не лишнимъ пояснить, что нѣкоторые томы предполагаемаго изданія, имѣющіе исключительно семейный интересъ, въ продажу не поступятъ и предназначаются лишь для раздачи **наличнымъ членамъ нашего рода и другимъ лицамъ,** благосклонно способствовавшимъ издателю къ собиранію фамильной старины.

Въ крайнемъ случаѣ т. е. при полномъ отсутствіи не только письменныхъ, но устныхъ преданій или воспоминаній о комъ-нибудь изъ нашего рода, полезно будетъ даже указаніе, къ кому было бы мнѣ можно обратиться съ своими поисками.

Г. В. Юдинъ (Іюдинъ).

ПЕРЕДЪ РЕФОРМОЙ БУРСЫ.

(*Изъ воспоминаній* *).

I.

Въ ожиданіи.

Реформы ждали, о реформѣ говорили, слово „реформа" склоняли во всѣхъ числахъ и падежахъ, реформы желали, реформы боялись... Сущности ея никто не представлялъ себѣ болѣе или менѣе опредѣленно, зато въ конкретныхъ поясненіяхъ было много правды, и бурсакъ чувствовалъ, что—какъ ни какъ, а въ благодѣтельности этой самой реформы сомнѣнія быть не можетъ. Когда „Мазница" **), начавшій уже говорить бурсаку „вы", хоть и сбивавшійся еще на „ты", прибѣгалъ къ своему излюбленному наказанію—щелчку въ лобъ, бурсакъ, какъ и прежде, не грубилъ, не протестовалъ, но и кротости прежней уже не обнаруживалъ: „ну! защелкаешь ты зубами послѣ реформы!" говорилъ онъ мысленно, стиснувъ кулакъ и показывая его въ спину спокойно удалявшемуся инспектору. Украшенный шишкой, величиной съ волошскій орѣхъ, бурсакъ совершенно искренно былъ въ этотъ моментъ убѣжденъ, что, въ самомъ крайнемъ

*) Настоящій очеркъ изъ быта дореформенной бурсы имѣетъ близкую связь съ очеркомъ того-же автора подъ заглавіемъ „Майскія рекреаціи въ бурсѣ", по мѣщеннымъ въ „Кіевской Старинѣ" 1896 г., № 5.

**) Такъ пер—вскіе бурсаки прозвали своего инспектора; о немъ см. въ прежнемъ очеркѣ „Майскія рекреаціи".

случаѣ, реформа дастъ ему право откинуться назадъ и показать тирану носъ: „а дудки не хочешь?“ Когда сторожъ многозначительно давалъ понять, что сила его еще не ослабѣла, бурсаки не вступали въ явныя пререканія, но каждый думалъ уже одно: „постой, постой!... почувствуешь ты силу!“ Реформа не была-бы реформой, если бы не принесла съ собой права дать зуботычину сторожу. Когда симпатичнѣйшій отецъ Өедоръ, не прибѣгая, по обыкновенію, къ ругани и линейкѣ, дѣлалъ внушеніе: „о чемъ-молъ-вы думаете? какъ вамъ не стыдно?“ и т. под, бурсаки перешептывались: „онъ понимаетъ реформу!“ Даже квартирныя хозяйки должны были слово „реформа“ внести въ свой обиходный лексиконъ. И, если сказать правду, врядъ ли кто-нибудь, не считая, конечно, бурсаковъ, такъ интересовался грядущей реформой, какъ эти самыя хозяйки.

„А казенныхъ тоже будемъ держать?“ тревожно спрашивали онѣ, жадно вслушиваясь въ разговоры синтактиковъ и готовыя за отрицательный отвѣтъ увеличить порцію и блиновъ, и „пампушекъ“. Въ самомъ дѣлѣ, „казенные“ составляли для нихъ „наказаніе Господне“: при какихъ-нибудь четырехъ своекоштныхъ, платившихъ и мало, и больше натурой, онѣ должны были непремѣнно держать одного казеннаго, получая за все— и за уголъ, и за столъ, и за стирку бѣлья, и даже за починку платья—всего-на-всего 20—22 рубля въ годъ! Но и синтактики рѣдко оказывались на высотѣ пониманія, и хозяйкамъ все-таки оставалось одно: вздыхать и чего-то ждать. А столъ улучшался таки: сообразительныя мѣщанки прекрасно понимали, что лишней ложкой масла каши не испортишь, и что разъ явится ревизоръ (а пріѣздъ его, какъ послѣдняго предвѣстника реформы, не вызывалъ уже сомнѣній), легко возникнетъ вопросъ о правѣ ихъ содержать квартиру... Главное же, что смущало старыхъ квартиро-хозяекъ, это—рѣшенный уходъ стараго инспектора послѣ реформы. Явится новый, и тогда не возможно будетъ хотя-бы-то, что случалось на одной квартирѣ.

Сговорились бурсаки жаловаться „Мазницѣ“, что такая-то хозяйка плохо кормитъ. Инспекторъ выслушалъ жалобу и обѣ-

щалъ посѣтить квартиру во время обѣда. Проходитъ недѣля, другая—инспектора нѣтъ. Терпѣніе бурсаковъ истощается. Отвѣдавъ какъ-то постнаго борщу и увидѣвъ, что хозяйка перешла всякія границы возможнаго, что порядочный хозяинъ даже свиньямъ не дастъ никогда ничего подобнаго, они снаряжаютъ депутата къ инспектору, а сами чинно сидятъ, не ѣдятъ „перваго“, не требуютъ и „слѣдующаго“, ждутъ. Инспекторъ является: надутый, сердитый... Молча подходитъ онъ къ столу, беретъ ложку, пробуетъ борщъ..

„У васъ всегда такой борщъ?“

— Часто бываетъ хуже, господинъ инспекторъ! врутъ бурсаки въ одинъ голосъ, не обнаруживая ни малѣйшаго состраданія къ хозяйкѣ, которая, разумѣется, стоитъ тутъ же съ готовымъ запасомъ оправданій, что, молъ, такъ случилось, вышелъ запасъ своей капусты, взяла у такой-то, а у нея не столько квартирантовъ и т. под.

„Ты коноводилъ?“ спрашиваетъ инспекторъ великовозрастнаго грамматика, вовсе даже не по желанію попавшаго въ депутаты. Чуется наступленіе грозы: ея признаки—и на суровой физіономіи инспектора, и на просвѣтляющемся лицѣ хозяйки...

— Нѣтъ, я... робко начинаетъ тотъ.

„Сынъ отца протоіерея“... язвитъ инспекторъ по адресу грамматика, какъ разъ сына пономаря, да еще и заштатнаго: „у папиньки привыкъ пундики кушать... Вотъ я тебѣ покажу, какъ бунтовать!... Да знаешь ли ты, глупое животное, какъ *насъ* кормили?!“

И начинается внушеніе, за внушеніемъ неизбѣжно слѣдуютъ: полный конфузъ бурсаковъ, явное торжество хозяйки, донесеніе ректору, „неблаговолъ“ ко всѣмъ квартирантамъ...

„Ну!... наступитъ реформа!...

И въ этомъ—все утѣшеніе голодныхъ бурсаковъ, дѣйствительно не избалованныхъ „пундиками“, но все же способныхъ отличать борщъ отъ помоевъ. Съ реформой и новымъ инспекторомъ ничего подобнаго не можетъ быть...

Меньше всего смущалъ бурсаковъ вопросъ о томъ, что принесетъ реформа для ихъ убогой науки. Въ критику программъ и способовъ ихъ выполненія никто и никогда не вдавался. А между тѣмъ и съ этой стороны подходило что-то новое... Вдругъ, напр., откуда ни возьмись, появляется новая греческая грамматика. Получено всего нѣсколько экземпляровъ, досталось по одному на добрый десятокъ учениковъ, вмѣнено въ строжайшую обязанность бережно хранить, передавать и другимъ классамъ, а къ концу года сдать въ цѣлости. Не умѣли-ли взяться за нее, мало-ли ужъ очень было экземпляровъ, только злосчастная грамматика поселила паническій страхъ среди бурсаковъ, которые почувствовали себя, какъ крестьяне въ Юрьевъ день: „вотъ она—реформа!“ И невольные вздохи сопровождали полеты этой ласточки изъ класса въ классъ... Или вдругъ ни съ того, ни съ сего отмѣнили полугодовые экзамены. Положимъ, экзамены и передъ Рождествомъ, и передъ каникулами—дѣло, конечно, не легкое; положимъ, зимніе экзамены больше лѣтнихъ огорчали бурсаковъ, которые въ это какъ разъ время такъ аппетитно мечтали о домашнихъ колбасахъ и такъ жадно смотрѣли за ворота, не покажется ли подвода... Но изъ противорѣчій созданъ весь человѣкъ: тѣ же бурсаки и пожалѣли о зимнихъ экзаменахъ, прекрасно понимая, что теперь прійдется все сдавать сразу за цѣлый годъ, сдавать притомъ въ іюнѣ, когда и безъ экзаменовъ жарко... Стали давать книги для чтенія... Это ужъ и совсѣмъ нѣчто несуразное. Какъ читать? Зачѣмъ читать? Всѣ такъ привыкли учить, зубрить, сдавать вызубренное авдитору*), потомъ учителю и получать отмѣтку со всѣми ея послѣдствіями, что чтеніе безъ столь опредѣленной цѣли рѣшительно не укладывалось въ головѣ. Чтеніе-то, конечно, существовало: учителя часто носили подъ мышкой толстыя книги, какія-то книги стояли въ шкафу въ учительской, по рукамъ бурсаковъ очень часто ходили списанные стихи... Послѣдніе получались обыкновенно такъ: ученики, живущіе на

*) См. ниже.

квартирѣ учителя, первые узнавали и списывали, а отъ нихъ уже рукопись распространялась по всему училищу. И странное дѣло! Никому въ голову не приходило обратить вниманіе на то, что, вѣдь, бурсаки удивительно свособны увлекаться поэзіей. Попалась имъ ода „Богъ“ Державина. Я рѣшительно готовъ думать, что даже современники, не исключая и самой Екатеринѣ II, не увлекались такъ этой одой въ годъ ея появленія, какъ увлекались бурсаки чрезъ 80 лѣтъ...

„Отъ, братъ, написалъ!!“

Это—высшая похвала, похвала отъ такого избытка сердца, когда уста отказываются глаголать. Изъ другихъ поэтовъ больше всѣхъ посчастливилось Шевченку. Отчасти повліяла на это „Основа“, главнымъ же образомъ—общее увлеченіе твореніями великаго поэта, увлеченіе, коснувшееся всѣхъ уголковъ Малороссіи. Было, впрочемъ, одно еще частное обстоятельство: жительство въ томъ городѣ друга Шевченка, доктора Козачковскаго... Послѣдняго и не знали вовсе, но тѣмъ умилительнѣе было это благоговѣніе къ деревянному забору, окружавшему дворъ, гдѣ бывалъ когда-то Шевченко *). Изъ устъ въ уста ходили экспромпты, будто бы сказанные поэтомъ въ домѣ Казачковскаго остроты, анекдоты. Я склоненъ думать, что Тарасу Григорьевичу было приписываемо то, въ чемъ онъ рѣшительно не былъ повиненъ, но—повторяю—обо всемъ этомъ нельзя вспомнить безъ какого-то умиленія...

Ввели вдругъ уроки рисованія. Положимъ, это—чисто дѣло случая: отцу діакону Д-му, изрядному рисовальщику, захотѣлось попасть въ учителя духовнаго училища, такъ или иначе—высшаго въ П. разсадника просвѣщенія; но кто же думалъ объ этомъ? Положимъ, дѣло не наладилось и не могло наладиться: ни пособій не было, ни мало-мальски подходящей обстановки,

*) Здѣсь возможно допущеніе нѣкоторой неточности. Все основано на припоминаніи: бурсаки не могли пройти мимо „дома Козачковскаго“, чтобы не остановиться, не сказать о Шевченкѣ, не повторить одного и того-же въ сотый разъ. Домъ—по дорогѣ къ купанью, потому часто приходилось ходить мимо. За 30—35 лѣтъ многое можно забыть. Оговариваю возможную неточность. Авторъ.

ни умѣнья у господина учителя; но дѣло не въ этомъ, и однимъ признакомъ наступленія реформы стало больше. И отецъ діаконъ говорилъ: „*теперь* нужно учиться рисовать.“ И учились. Вотъ получили для „перерисовки“ какую-то иллюстрацію. Картина изображала козака, вооруженнаго съ ногъ до головы. „Перерисовывали“ ее и при помощи прозрачной бумаги, т. е. смазанной свѣчнымъ саломъ, и при помощи оконнаго стекла, и „на глазъ“,—и всего одинъ получилъ похвалу, да и то съ оговоркой: „хорошо, только усы—настоящіе усы!“

Разговоры объ ожидаемой реформѣ наполняли всѣ досуги бурсаковъ, и въ бесѣдахъ этихъ обнаруживалось далеко не малое число скептиковъ, которые, въ сущности, и поддерживали оживленные разговоры. Скептики умѣли подбирать какъ разъ то, что составляло наименѣе отрадные признаки реформы, группировали факты и самоё реформу ѣдко рисовали въ образѣ какой-то бабы-яги, шествующей въ классическихъ мокроступахъ Мазницы и заметающей слѣдъ помеломъ изъ березовыхъ прутьевъ...

— „Чорта съ этой реформы! Реgреаціи *) похѣрятъ, засадятъ за новую греческую грамматику, напрутъ на годовой экзаменъ, вмѣсто порки среди двора будутъ драть въ карцерѣ, будутъ турить **) изъ училища за всякую малость и при этомъ, конечно, называть „вы“: „вы“—молъ—исключены...“

— Ну, а теперь не исключаютъ?

— „Да пойми же ты, глупая голова, что теперь хоть исключаютъ, но не сразу: по три—четыре года держатъ...“

— Да *тебѣ*-то чего кипятиться? Вѣдь, въ первый разрядъ уже перелѣзаешь...

— „А я развѣ за себя? Реформа не для меня одного...“ Больше всего интересовали бурсаковъ бесѣды на ту же тему съ учителями. Уже самый фактъ, что учителя вступали въ бесѣду, въ подобный разговоръ съ учениками, конечно, говорилъ

*) Рекреація на обыденномъ языкѣ бурсаковъ, со вставкою латинскаго g.

**) Выгонять вонъ.

о реформѣ. Учителя знаютъ все. Если они многое скрываютъ, то иначе нельзя: права не имѣютъ говорить все. Однако жъ, на вопросы учениковъ отвѣчаютъ, а съ синтактиками часто сами и разговоръ начинаютъ.

— „Отецъ Ѳедоръ! Правда-ли, что бить не будутъ?"

— Будто васъ теперь бьютъ! уклончиво отвѣчаетъ отецъ Ѳедоръ.

— „Ого! А зимой Осипъ Карповичъ не далъ корешковъ за то, что грѣлись?"

Это было въ морозное утро. Сараи—классы не отапливались. Въ передней, раздѣлявшей два класса, бурсаки „грѣлись", устроивъ общій кулачный бой—свалку. Поднялся невообразимый шумъ. Пыль стояла, точно облако. Осипъ Карповичъ нагрянулъ... Услышавъ шумъ, онъ не пошелъ въ учительскую за журналомъ, и бурсаки ошиблись въ разсчетѣ—не могли его видѣть. Онъ прошелъ изъ воротъ прямо въ классы. Виноваты были всѣ, и всѣмъ „влетѣло": каждый, по очереди, получилъ нѣсколько ударовъ корешками пучковъ розокъ въ ладони...

Отецъ Ѳедоръ улыбается, отъ прямого отвѣта на вопросъ уклоняется; ясно, что „вопросъ" не рѣшенъ,—скептикамъ на руку.

— „И все по новой грамматикѣ будутъ учить?"

— О, да!

— Трудно...

— Что вы?—И отецъ Ѳедоръ начинаетъ выяснять: Напротивъ, именно—легко. Подумайте: въ новой—слова, примѣры, форма, потомъ правило...

Увы! Бѣдный бурсакъ слишкомъ привыкъ къ иному методу, и самые убѣдительные доводы даже любимаго учителя не сразу могли убѣдить его въ легкости новаго.

Когда вопросъ о реформѣ и ея благодѣяніяхъ обращался къ самому инспектору, послѣдній останавливался, молчалъ, измѣрялъ взглядомъ вопрошавшаго и потомъ изрекалъ многозначительно: „Глупое ты животное!" Бесѣда тѣмъ и кончалась... Впрочемъ, инспекторъ, смотря по расположенію духа, добавлялъ иногда: „Вамъ же будетъ хуже!" И тогда слова его передава-

лись изъ устъ въ уста, на всѣ лады комментировались, подтверждали близость реформы, но укрѣпляли скептиковъ въ недовѣріи и опасеніяхъ.

— „Ѳедоръ Степановичъ! Скоро реформа?“

— А вамъ-то что?

Вопросившій становится въ тупикъ, кто-то является на выручку: „хочетъ—молъ—сосчитать, сколько еще шишекъ на лбу выростетъ...“

Довольно ординарная острота вызываетъ всеобщій смѣхъ: бурсакъ радъ, что представился случай безнаказанно подсмѣяться надъ Мазницей.

— „А правда, что передъ самой реформой ревизоръ пріѣдетъ?“

— О, это весьма вѣроятно!

Учитель принялъ серьезный видъ. Веселое настроеніе всѣхъ оставляетъ. Можно подумать, что ревизоръ уже за спиной...

II.

Авдиторы и эраты.

Учителя, видимо, стали мало придавать значенія излюбленному пріему провѣрки учениковъ—*эратамъ*, иные вовсе ихъ похѣрили,—это тоже явный признакъ наступленія реформы. Ученики почувствовали это, и постарались помочь окончательному упраздненію эратъ, составлявшихъ во многихъ отношеніяхъ преоригинальное явленіе, стоющее воспроизведенія.

Обыкновеннно изъ учениковъ, заслужившихъ довѣріе учителей, т. е. исправно учившихъ уроки, избирались такъ называемые „авдиторы,“ отъ латинскаго слова „audio“ слушаю. Авдитору назначали отъ 2 до 5-ти и даже больше учениковъ, которыхъ они „выслушивали“. Авдиторъ заводилъ у себя особую тетрадь—вѣдомость, называвшуюся „эратой“. Въ эратѣ писались всѣ ученики, порученные авдитору, ихъ имена и фамиліи, затѣмъ—отводились клѣтки подъ числами мѣсяца, какъ это дѣ-

лается въ обыкновенномъ классномъ журналѣ. Въ клѣткахъ дѣлались соотвѣтствующія отмѣтки: знаетъ урокъ—„sc“ (т. е. scit), не знаетъ—„nsc“ (non scit), ошибается—„er“ (т. е. errabat). Ежедневно передъ урокомъ авдиторъ долженъ былъ „выслушать“ всѣхъ своихъ кліентовъ и каждому сдѣлать отмѣтку, какой заслужилъ. Послѣ этого эраты тщательно складывались на столѣ, и учитель, просматривая ихъ во время урока, вызывалъ однихъ, распекалъ другихъ, хвалилъ третьихъ.

Сколько забавныхъ и печальныхъ недоразумѣній порождалось этимъ оригинальнымъ пріемомъ провѣрки!

— „Ты у кого въ эратѣ?“

— У N...—слѣдуетъ нецензурное прозвище авдитора.

— „Ну?“

— Ей-Богу!

— „А я, братъ, у Васьки.“

— Э! тебѣ—лафа!

Чтобы понять всю соль этого діалога, надо знать отношеніе авдиторовъ къ своимъ обязательствамъ. Авдиторъ—подлиза къ начальству, начиналъ съ того, что готовилъ позолоченную пилюлю—роскошную эрату: онъ графилъ ее, какъ заправскій чертежникъ; заглавіе писалъ самъ или даже заказывалъ писать тому, кто особенно искусился въ дѣланіи всякихъ виньетокъ; нерѣдко пускались въ ходъ краски, и получалась „шикозная“ эрата, невольно обращавшая на себя вниманіе учителя, который готовъ былъ видѣть въ этомъ особенное стараніе и почтительность авдитора. Увы! дальнѣйшія украшенія эраты были уже иные: „nsc“ и „er“ занимали всѣ клѣтки, „sc“ попадалось, какъ оазисъ въ пустынѣ, распеканіямъ и всевозможнымъ возмездіямъ не было конца. Это—дѣйствія авдитора самоувѣреннаго, подлипайлы, зазнавшагося. „Настоящій“ авдиторъ пренебрегалъ формой и заискивающе держалъ себя по отношенію къ находящимся въ его эратѣ. Правда, такое отношеніе не всегда отличалось безукоризненной нравственной чистотой: иной боялся самъ попасть въ эрату, иной зорился на деревенскія лакомства; но въ „настоящемъ“ авдиторѣ часто крылось спасеніе отъ бѣды...

Утро. До начала урока остается немного. По двору ходятъ парами: „выслушиваніе“ въ разгарѣ. Иные отдѣлились: то—повторяющіе уроки въ ожиданіи призыва со стороны авдитора. Иные весело или понуря голову направляются въ классъ: это—спрошенные и получившіе свое „sc“ или „er“. Иные идутъ съ гордо поднятой головой и окруженные товарищами: это—авдиторы, глухіе къ мольбамъ плохо сдавшихъ урокъ... Посторонній ничего не разобралъ бы въ этой разошедшейся по просторному и далеко не уютному двору толпѣ, но тотъ, кто зналъ, въ чемъ дѣло, и во-время прислушался къ жужжанію, могъ услышать подъ-часъ такіе разговоры.

— „Ну, нѣтъ, братъ, я тебѣ отплачу за твои „несциты“ (nsc)... Покряхти теперь...“

Это говоритъ грамматикъ своему подневольному товарищу. Послѣдній попалъ въ эрату къ первому, какъ часто попадали по игрѣ злой судьбы: былъ самъ авдиторомъ, но залѣнился, сталъ проказить и мало того, что лишенъ авдиторства,—на это бы наплевать, но вотъ главное горе—онъ отданъ еще въ эрату тому, кто былъ въ его эратѣ, да постарался, исправился, „перегналъ“ самого авдитора, „ссадилъ“ его и теперь мститъ... И разъяреннѣйшій инквизиторъ не придумалъ бы большей пытки, какую изобрѣлъ Мазница... И, вѣдь, это чучело еще само прибавитъ мученій: посмотритъ въ эрату, увидитъ „nsc“, подыметъ хохотъ, за нимъ разразится хохотомъ весь классъ,—чортъ знаетъ, что такое!

— „А ты учись, опять будешь авдиторомъ!“

И мудрый педагогъ не шутя думалъ, что его алюры—безподобное средство заставитъ учиться!...

— „Дать?“

Авдиторъ смотритъ: „галда“ *). Слюнки текутъ; но дающій, вѣдь, ровно ничего не знаетъ... Куда ни шло! Авдиторъ аппетитно уплетаетъ какіе-нибудь „вергуны“ **), въ эратѣ красуется „sc“. Хорошо, если сойдетъ, а попадешься?

*) Угощеніе.

**) Хрусты.

— „А ты что-жъ это поставилъ „sc“, а? Это, по-твоему, „scit?“

— Онъ, зналъ, ей-Богу, зналъ...

„Ахъ, ты...“ И пошла писать!...

А, вѣдь, „онъ“ и въ самомъ дѣлѣ могъ знать? Раздумываетъ учитель, соображая возможные фокусы.

„Ивановъ! Ты зналъ?“

— Зналъ...

— „Когда жъ ты успѣлъ забыть?“

— Голова болитъ, господинъ учитель...

— „Врешь, шельмецъ, врешь... Петровъ! Сдай эрату такому-то: не стоишь...“

Петрову, однако, не стыдно и не обидно: онъ попадаетъ даже въ герои бурсы, какъ падающій въ яму, которой не рылъ. А вотъ Семенову—о! тому жутко... Взъѣлись на него эратные и сговорились допечь. Спрашиваетъ—ни одинъ ни въ зубъ. Просто не вѣрится.

„Послушай! Ты жъ вчера училъ!“

— Училъ.

„Ну?“

— Трудно, въ головѣ путается....

Семеновъ пишетъ: „er“, „nsc“, „er“, „nsc“,—всѣ плохо. Инспекторъ щуритъ глаза, себѣ не вѣритъ.

„Ни одинъ?“

— Я зналъ!

— И я зналъ!

— И я!

— И я!

„Ступайте сюда!“

Квартетъ у стола. Лица—ясныя, смотрятъ увѣренно, лукавая улыбка скользитъ по физіономіямъ, классъ приготовился къ спектаклю.

— „Говори ты урокъ!“

Первый говоритъ безъ запинки. Семеновъ волнуется. Инспекторъ недоумѣваетъ, классъ оживляется.

— „Продолжай ты!“

Еще лучше. Что за исторія? Семеновъ пытается оправдаться: сговорились...

— „Не мѣшай!“

Третій не уступаетъ первому, четвертый—второму. Классъ ажитированъ. Семеновъ—подлиза, не „настоящій“ авдиторъ, провалъ его готовъ. Инспекторъ хочетъ разслѣдовать.

— „Сговорились?“

— Нѣтъ! И всѣ четверо, какъ невинные агнцы, переглядываются.

-- „Сговорились?“

— Ей-Богу, нѣтъ! И физіономіи всѣхъ принимаютъ и серьезное, и обиженное, и недоумѣвающее выраженіе.

Инспекторъ настроенъ довольно благодушно. Резолюція—милостивая для бунтовщиковъ, но все-таки непріятная для Семенова: „насильно милъ не будешь“, и... эрата передается другому. Торжество полное. Инспекторъ не вышелъ еще изъ класса, какъ всѣ четверо показываютъ Семенову длиннѣйшій носъ...

— „Что записать?“ спрашиваетъ авдиторъ-либералъ, не симпатизирующій эратѣ и пользующійся большими симпатіями эратныхъ.

— Scit.

— „А тебѣ?“

— Errabat...

Записи дѣлаются безъ спрашиванія. И—странное дѣло!—такія именно записи всегда и оказывались наиболѣе вѣрными...

Выдѣлялись авдиторы, попасть къ которымъ не одинъ бурсакъ считалъ за большое счастье. Это своего рода идеалисты. Для такого авдитора написать „nsc“ или „er“—сущее наказаніе, и онъ уже наканунѣ торгуется съ эратными, часто, и даже въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не понимавшими чудака-авдитора.

— „Что-жъ ты не учишь?“

— Выучу!

— „Знаемъ мы—выучу. Давай вмѣстѣ учить."

— Давай.

И учатъ вмѣстѣ, хотя самъ авдиторъ давно уже выучилъ.

— „Чудакъ!" судятъ эратные.

— Чудакъ, а молодчина!

— „И что ему нужно? Похвалы?"

— И не думалъ: добрый.

— „Какъ же! Открывай ротъ...

— А то что?

— „Подлизаться."

— Врешь!

Отъ спора недалеко и до потасовки, иногда довольно солидной, отвѣчающей важности причинъ и повода, обнаруживающей благородство одного и свинство другого.

„Сговоры" противъ авдиторовъ, „ошибки" послѣднихъ, какъ отмѣчавшихъ безъ спрашиванія, нерѣдко даже просьбы освободить отъ авдиторства,—все это были слабые, правда, протесты противъ неудачнаго способа контроля, но протесты, которые въ связи съ взглядами иныхъ учителей и въ виду грядущей реформы не могли не повести къ окончательному уничтоженію эратъ. Остались одни воспоминанія, часто веселыя, но нерѣдко заставляющія бурсака съ омерзѣніемъ вспоминать и того, кто назначалъ ему авдитора, и того, кто былъ его авдиторомъ...

III.

Гоненіе на „кула̀чки".

А строгое и явное преслѣдованіе участія бурсаковъ въ кулачныхъ битвахъ, по-просту въ „кулачкахъ", развѣ это преслѣдованіе не признакъ все той же ожидаемой реформы? Да какой еще! Не вчера ли сами учителя не только любовались кулачками издали, не только, видя участіе бурсаковъ, не „гонили", а даже еще одобряли; сегодня—на тебѣ: не смѣть и—баста!

Въ сущности участіе бурсаковъ въ кулачныхъ бояхъ, послѣ перевода изъ П. семинаріи, было ничтожно и сохранялось больше по традиціи. Кулачки—дѣло „шкурниковъ", иначе—кожевниковъ; но, живя на квартирахъ у тѣхъ же „шкурниковъ", могли ли они не обнаружить нѣкоторой общности интересовъ, а тѣмъ болѣе, когда дѣло касается поддержанія чести бурсы, хранившей преданія столь недавняго прошлаго? Между тѣмъ, самая организація кулачекъ уже вела къ тому, что не только „силачи" бурсы, но даже и мелюзга—фара, и та оказывалась пригодной и не безполезной.

Уже осенью, съ наступленіемъ первыхъ холодныхъ дней, открывался сезонъ кулачекъ. Послѣ ранняго праздничнаго обѣда, на громадномъ валу, раздѣляющемъ городъ на двѣ части и составляющемъ его, кажется, необслѣдованный историческій памятникъ, начинали собираться: дѣти, подростки, юноши, взрослые и даже старики. Таковъ былъ нормальный порядокъ сбора. Взрослые и старики еще отдыхали, юноши норовили пристать къ старшимъ, и собирались раньше всѣхъ дѣти да подростки. На обязанности ихъ лежало „зарывать", иначе—подзадоривать, начинать бой, вовлекать въ него, быть застрѣльщиками. Бой—не бой безъ надлежащей постепенности. Нельзя же явиться старшимъ и ни съ того ни съ сего начать тузить другъ друга! На городской сторонѣ, по сю сторону вала, среди дѣтей и подростковъ были уже и бурсаки. Въ подбитыхъ вѣтромъ пальтишкахъ, рваныхъ шапченкахъ изъ фиктивнаго барашка, заплатанныхъ сапоженкахъ, бѣгали они по валу и, купно съ товарищами по улицѣ, кричали они задорное: «Давай, давай, давай!» Получалось согласіе въ видѣ такого же приглашенія; бойцы—пигмеи сходились, награждали другъ друга тумаками, разбѣгались, снова сходились. Если схватка принимала сколько-нибудь серьезный характеръ, подростки оставляли свои мѣста зрителей, спѣшили на помощь «своимъ», и одна изъ сторонъ или сдавалась (садились—«сидячихъ не бьютъ», убѣгали), или побѣждала. Смотря, однако, по количеству собравшихся силъ, на подмогу налетали юноши, а если дальнѣйшій ходъ дѣла того

требовалъ, то одинъ за однимъ выскакивали «изъ засады», обязательной для обѣихъ сторонъ, и взрослые, извѣданные бойцы, но выскакивали, строго соблюдая постепенность силы и ловкости, иногда включительно до «перваго силача». Такъ постепенно образовывался какой-то снѣжный комъ, непрерывно увеличивавшійся бойцами все посильнѣе и посильнѣе, пока, наконецъ, уже въ сумеркахъ, не вылетѣлъ изъ засады тотъ, о комъ не говорили даже «силачъ», но чьего имени страшилась даже противная сторона... Онъ рѣшалъ дѣло безъ боя: своимъ неожиданнымъ появленіемъ вызывалъ панику, слабые противники показывали тылъ, въ который безцеремонно и влетали подзатыльники, какъ послѣдній даръ побѣдителей. Зимой, когда рѣка,—историческая рѣка, видѣвшая смерть Бориса и Глѣба,—замерзала; когда дѣйствіе переносилось на ледъ, и схватки происходили уже между городомъ и Зарѣчьемъ; когда страшныхъименемъ имѣли обѣ стороны, появленіе этихъ богатырей обозначало наступленіе момента страшнаго, кроваваго боя, за которымъ, конечно, слѣдовало то же бѣгство, побѣда, торжество, пораженіе, позоръ. Прозрачный ледъ рѣки долго хранилъ слѣды побоища и не знающій, въ чемъ дѣло, могъ бы подумать, что на льду недавно шелъ убой скота...

Предреформенная низшая бурса представляла блѣдную, конечно, копію старой бурсы съ семинаріей, но все же копію. Въ ней еще оставалась и прежняя организація кулачекъ. Были и «зарывавшіе», и «кулачники», и даже два—три силача, о которыхъ съ пренебреженіемъ говорили богатыри шкурники, рѣшавшіе битвы, но которые славились среди заурядныхъ бойцовъ и въ интимной бесѣдѣ между собой допускали несбыточныя мечты когда-нибудь соединенными, не ослабленными раньше силами дать отпоръ и самому богатырю противной стороны... Увы! Мечты такъ и оставались мечтами... Несчастный П-въ разъ навсегда лишился силачей большой бурсы, и ни для кого не было тайной, что маленькіе сравнительно силачи маленькой бурсы олицетворяютъ собою предсмертный вздохъ и этой предсмертной хранительницы традицій.

На квартирахъ, особенно на одной, у самаго вала, съ садикомъ, чрезвычайно удобнымъ для «засады», уже во время обѣда шли оживленные разговоры бурсаковъ: будутъ кулачки. Мало-по-малу сюда являются и изъ другихъ квартиръ, сосѣднихъ и отдаленныхъ. Затѣвается что-то недоброе, и старая Варочка, хозяйка, не шутя тревожится!

— «Ой, смотрите... наживу я съ вами горя!»

Опасенія понятны. Сами же бурсаки днемъ и ночью толкуютъ о реформѣ, сами же такіе страхи разсказываютъ про нее, что упаси, Боже: ну не ровенъ часъ... непремѣнно лишатъ квартиры...

— «О! Уже опять тащутся... И чего? Сидѣли бъ себѣ дома да уроки учили... Вотъ, ей Богу, возьму да и скажу инспектору... Что это такое за новости?!

Конечно, не Варочка сказала инспектору,—скорѣе всего—самъ онъ узналъ,—только на валу поставлены дежурные, которымъ вмѣнено въ непремѣнную обязанность не допускать туда учениковъ, а буде кто прорвется, одинъ изъ дежурныхъ долженъ безъ оглядки бѣжать къ инспектору... Мыслимое ли однако дѣло, чтобы подобный приказъ былъ исполненъ? Въ крайности, сами же дежурные докажутъ, что шкурники ворвались въ садъ, и что ученики только вынуждены были ихъ гнать...

Сезонъ кулачекъ уже не тотъ, когда выступаетъ «вся сила», но народу собралось довольно. «Зарывавшіе»—фары и младшіе грамматики сдѣлали свое дѣло и стушевались: ихъ скромная, но вмѣстѣ и почетная роль теперь—хранить верхнее платье синтактиковъ, которые рѣшили во чтобы то ни стало сегодня кому-то «накласть». Крикъ, шумъ, схватка за схваткой... Еще минута, и—все слилось въ одну безпорядочную группу. Всякихъ размѣровъ кулаки усердно гуляютъ по головамъ. Уже и послѣдніе силачи бурсы оставили свои „засады“... Чья возьметъ? вопросъ если не жизни, то во всякомъ случаѣ чести...

„Учителя!!!“

— Го-го-го!... Ха-ха-ха!... Давай, давай!... Тю-тю-ю-у-у!

Что произошло—передать трудно. Вдали на одномъ изъ холмовъ вала стояла группа: инспекторъ съ своей палкой-клюкой, учитель одинъ, учитель другой, кто-то неизвѣстный, еще кто-то.—Бурсаки бросились назадъ. Ослабѣвшіе сторонники ихъ сѣли. Противники съ крикомъ, хохотомъ и гикомъ погнались за убѣгавшими. Но бурсаковъ уже и слѣдъ простылъ, точно сметены они были однимъ порывомъ вѣтра, точно вдругъ всѣ провалились сквозь землю... На валу остались только дежурные, предвкушавшіе удовольствіе похмелья въ чужомъ пиру...

Въ чаяніи немедленнаго посѣщенія квартиръ и строжайшаго слѣдствія, явно провинившіеся бурсаки разбѣжались по квартирамъ и... чинно усѣлись за книги... Не одна хозяйка встрѣтила ихъ укоризненнымъ возгласомъ: „А что? Нарвались? Говорила я...“ Но слушать „нотацій“ хозяекъ было некогда. Если прійдетъ инспекторъ или кто-либо изъ учителей, квартирная хозяйка должна божиться и клясться, что изъ ея „паничей“ никто и не думалъ уходить изъ дому, что отъ обѣда и до сихъ поръ всѣ сидятъ за книгами, что даже лампы и свѣчи потребовали раньше, что чужіе еще съ обѣда тутъ—пришли вмѣстѣ учить уроки,—словомъ: должна была показывать вполнѣ согласно съ тѣмъ, какъ будутъ показывать и бурсаки. Бѣдные воины не соображали, что далеко не нужно было обладать дарованіями Лекока, чтобы всѣхъ уличить во лжи: разгорѣвшіяся отъ холода лица, взъерошенные волосы, у иного—даже свѣжіе синячки, вовсе не на урокахъ съ точнымъ „отсюда до сюда“ раскрытыя книги, присутствіе и такихъ чужихъ, которымъ совсѣмъ было не мѣсто,—все такъ ясно говорило о томъ, что не ясно было только для испуганныхъ бурсаковъ... Посѣщенія, однако, не было, а слѣдствіе произвели на другой день. Виноваты были всѣ, пострадали да и то не сильно—одни дежурные. Хотѣли, правда, жестоко наказать двухъ силачей, особенно, когда на физіономіи одного открыли черезъ-чуръ явные слѣды вчерашней битвы въ видѣ кровоподтековъ, а у другого нанковый сюртукъ оказался невозможно изорваннымъ, но... и того не сдѣлали: во-первыхъ, не такое время, чтобы затѣвать исторіи

которыя гораздо полезнѣе тушить;—во-вторыхъ, и мальчику извѣстно, что съ одного вола двухъ шкуръ не дерутъ;—въ-третьихъ,—наконецъ, для каждаго изъ этихъ немногихъ могиканъ такъ близка семинарія, что грѣшно губить карьеру... Все это такъ, тѣмъ не менѣе рѣшено, твердо и безповоротно рѣшено, „въ сурьезъ", положить предѣлъ кулачкамъ. И его положили, положили путемъ простой бдительности, которая если еще и обходила иногда силачей, то развѣ только силачей...

— „Слава Богу!" облегченно вздохнула не одна квартирохозяйка, особенно, конечно, изъ сосѣднихъ къ валу, а наипаче—Варочка: „Та то-жъ, Господы, дошлы до ка-зна чого... Чи ихъ же то дило?"

IV.

Ревизоръ.

Смутно представляя себѣ реформу, олицетворяя ее въ какомъ-то сказочномъ образѣ, улавливая нѣкоторые признаки ея наступленія и не будучи въ состояніи, на основаніи этихъ признаковъ, нарисовать себѣ нѣчто цѣльное и болѣе или менѣе опредѣленное, бурсаки узнали одно: появится предтеча реформы—ревизоръ, и за нимъ уже, не медля, вступитъ во всѣ свои права и реформа. Удивительно ли, что вниманіе всѣхъ было сосредоточено на ожиданіи резизора? Страхъ ревизора не поддается рѣшительно никакому описанію... Его боялись прежде всего учителя, за учителями дрожали и ученики; о немъ не безъ смущенія проговаривался иногда ректоръ, при его имени что-то непостижимое творилось и съ инспекторомъ; даже сторожъ, наэлектризованный разговорами всѣхъ о ревизорѣ, начиналъ глупо суетиться, какъ бы готовясь къ пріему. Всѣ эти страхи имѣли, конечно, большое основаніе. Низшая бурса тогда не знала, какъ теперь, учителей съ высшимъ образованіемъ: должности ихъ занимали прошедшіе только курсъ семинаріи. Ректоръ, положимъ, былъ академистъ, Мазница тоже, говорятъ, учился нѣсколько лѣтъ въ академіи; но, во-первыхъ, это не

было общее явленіе, а во-вторыхъ, потому же ректоръ и не стѣснялся аттестовать всѣхъ учителей „бурсачвой" и даже „дрянью". Ревизоръ, между тѣмъ, долженъ былъ быть никто иной, какъ „профессоръ семинаріи". Многолѣтняя служба въ глухомъ городишкѣ, безконтрольное веденіе дѣла приводило къ тому, что учителя черезъ-чуръ уже отставали въ своей несложной наукѣ. По познаніямъ, они стояли, конечно, выше даже синтактиковъ, но „профессоръ семинаріи", будь онъ какой угодно спеціальности, могъ легко „срѣзать" каждаго. Вотъ этого-то и боялись учителя, боялись не на шутку... Среди бурсаковъ ходило не мало анекдотовъ о ревизорахъ. Анекдоты эти распространялись семинаристами, бывшими воспитанниками того-же училища и въ письмахъ своихъ врявшими немилосердно... Теперь они пророчили пріѣздъ то одного, то другого „профессора", приписывали каждому черты Юпитера, безбожно запугивая не только учениковъ, но и учителей, которые часто переписывались съ семинаристами же. Все сводилось къ одному: дока и гроза! Объ одномъ писали, что когда онъ читаетъ „лекціи" (непремѣнно—„лекціи", ибо уроки—въ училищѣ...), то никто ничего не понимаетъ,—высшая похвала и наиболѣе устрашающій отзывъ! Другаго аттестовали геніемъ, отъ котораго ничто не укроется, какъ отъ какого-то ясновидящаго,—похвала администратору. Третій—сила: и не боится и самаго архіерея, съ которымъ на экзаменѣ вступаетъ въ споръ. Словомъ: который бы ни пріѣхалъ, все-равно, держи ухо востро. Оставалось вздыхать, говорить и ждать пріѣзда барина.

Раннее зимнее утро. Чуть свѣтаетъ. Въ квартирѣ не спитъ только хозяйка, занятая варкой галушекъ, обычнаго завтрака бурсаковъ *). Въ наружную дверь кто-то немилосердно стучитъ. Слышится въ сѣняхъ вопросъ хозяйки, желающей знать, въ чемъ дѣло. Утренній вѣстникъ полноправно врывается въ квартиру и выкрикиваетъ, еле переводя духъ, страшное слово, которое у

*) Конечно, кромѣ субботы съ ея традиціонными блинами.

меня, по крайней мѣрѣ, и до сихъ поръ звучитъ въ ушахъ: „Ревизоръ!“

Выстрѣломъ изъ пушки не удалось-бы поднять такъ вдругъ на ноги всѣхъ бурсаковъ... Не минута, не пол-минуты, прошла буквально секунда—и десятокъ синтактиковъ, грамматиковъ и фаръ, въ однѣхъ рубахахъ и босыхъ, окружили вѣстника, уже готоваго бѣжать дальше.

«Что—о—о? Какъ? Куда? Постой-же!..»

Вѣстникъ не въ силахъ выговорить ничего больше. Онъ едва успѣваетъ показать нѣсколькимъ счастливцамъ манускриптъ самого ректора, начинающійся словами: «Пріѣхалъ ревизоръ О-въ...» Этотъ манускриптъ онъ долженъ показать учителямъ, наскоро сообщить содержаніе его по всѣмъ квартирамъ и принести обратно ректору,—понятно опасеніе, чтобы бурсаки не проглотили столь важнаго клочка бумажки. Вѣстникъ свое дѣло сдѣлалъ и исчезъ, ошеломивъ бурсаковъ...

Одѣться, помолиться Богу, собрать книжки, было дѣломъ не многихъ минутъ, молчаливыхъ, но полныхъ суетливаго страха. Недоварившіяся галушки остались въ полное распоряженіе хозяйки; некогда,—надо спѣшить въ классъ... Почему спѣшить? Для чего? Что дѣлать тамъ? Объ этомъ никто не думалъ и думать не могъ: если бы извѣстіе о пріѣздѣ ревизора получилось и среди ночи, навѣрное не стали бы ждать утра... Понималъ это и сторожъ. Сдѣлавъ необычно тщательную приборку классовъ ночью, онъ оставилъ ихъ отпертыми,—кстати, красть въ нихъ нечего было,—а когда ввалила толпа бурсаковъ, онъ только замѣтилъ серьезно и многозначительно:

— „Не шумѣть же!“

Можно было подумать, что ревизоръ уже въ какомъ-нибудь классѣ. Предостереженіе сторожа было совершенно лишнее: бурсаки не только не расположены были «шумѣть», но каждый былъ больше, чѣмъ когда-либо, озабоченъ и серьезенъ; казалось, самый пріѣздъ ревизора каждый бурсакъ понималъ не иначе, какъ состоявшимся исключительно для него одного... Въ полутемныхъ еще классахъ всѣ чинно усѣлись за парты и, тре-

вожно поглядывая въ окна, принялись зубрить и пройденное, и на сегодня заданное. Разговоровъ почти не слышно.

— „Охъ... Что-то будетъ?!“

— Не мѣшай!...

И сосѣдъ долженъ замолчать, хотя и чувствовалъ непреоборимое желаніе поговорить, высказаться.

— „Господа!“ обращается кто-то въ пол-голоса къ классу: „скажемъ, что этого еще не учили... собьетъ“...

— Чш—ш...!

У всѣхъ ёкнуло сердце. Оказалось, что явился еще только предвѣстникъ—Мазница. Ускореннымъ шагомъ обошелъ онъ классы и всюду далъ одно и тоже наставленіе:

— „Эратъ подавать не нужно. Пока не скажутъ, не садиться. На всѣ вопросы отвѣчать стоя. Не забывать кланяться. Не сорить. На перемѣнахъ ходить смирно. Молитву читать не спѣша. Ногами не топать. Рукъ на парты не выставлять“...

— „А въ рукава, господинъ инспекторъ, можно?“ робко и невольно вставляетъ кто-то.

Вопросъ, въ самомъ дѣлѣ, не праздный. Сараи—классы никогда не отапливались. Холодъ всегда былъ нестерпимый. Галошъ никто не имѣлъ. Удивительно-ли, что ноги согрѣвали топаньемъ, а руки держали заложенными въ рукава байковыхъ пальтишекъ?

— „У кого истрепанныя и замаранныя книги, не вынимать. Не перешептываться. Не подсказывать. Смотрѣть на ревизора...“

Если бы, однако, господинъ Мазница и вовсе умолчалъ о направленіи взоровъ учениковъ, послѣдніе не поступили-бы иначе: слишкомъ ново, долгожданно и необычно было появленіе ревизора, чтобы потерять случай навсега запечатлѣть фантастическій образъ того, въ чьихъ рукахъ теперь судьба всей бурсы, а послѣ—судьба каждаго бурсака, непремѣнно мечтающаго быть въ семинаріи.

Ревизоръ не заставилъ себя долго ждать. Да и что было дѣлать въ П-вѣ? Общежитія не было, библіотека помѣщалась

въ одномъ небольшомъ шкафикѣ въ учительской, канцелярія... но, вопреки мнѣнію о старинной канцеляріи, ея-то именно и незнало почти училище. И ревизору совершенно достаточно было посѣтить уроки да квартиры. Такъ онъ и сдѣлалъ.

Вошелъ въ классъ маленькій, юркій человѣкъ. Низкимъ поклономъ и привѣтливымъ обращеніемъ онъ сразу же подкупилъ всѣхъ. Отлегло отъ сердца, такъ тревожно бившагося въ ожиданіи чего-то, непремѣнно страшнаго. Онъ сѣлъ за скамью, не смотря на ея крайнія неудобства и на то, что стулъ для него былъ приготовленъ. И это всѣмъ понравилось. Начался урокъ. Учитель географіи велъ его смѣло и увѣренно. Говорили, что въ старшемъ классѣ урокъ его прошелъ хорошо, ревизоръ похвалилъ, слѣдовательно, понятна смѣлость.

— „Холодно вамъ..." не то спросилъ, не то такъ себѣ замѣтилъ, но съ видимымъ участіемъ „профессоръ", обращаясь къ ученикамъ, когда урокъ кончился.

— Нѣтъ, тёпло!.. тёпло!... вдругъ загалдѣли смѣло голоса.

Ревизоръ разсмѣялся. И было чего: бѣдные бурсаки никакъ, вѣдь, не могли себѣ представить, чтобы можно было иначе отвѣчать и не выручить начальства... Они готовы были для поддержанія чести заведенія конюшню превратить въ баню.. Вмѣшался учитель. Онъ пояснилъ, что холодъ въ классахъ очень большое неудобство. Ревизоръ ничего не сказалъ и снова обратился къ ученикамъ съ какимъ-то вопросомъ. Къ этому времени вошелъ Мазница и нашелъ случай доложить, что на предшествующемъ урокѣ онъ занимался въ этомъ классѣ переводомъ съ русскаго на латинскій примѣровъ...

— «Я имъ такъ, безъ книги... наизусть...

— Ну, и вретъ же! подумалъ, конечно, каждый бурсакъ.

Ревизоръ заинтересовался. Спросилъ, какой послѣдній примѣръ переводили. Мазница поспѣшилъ ткнуть пальцемъ въ одного бойкаго ученика.

— «Читай!»

— Читайте, читайте! повторилъ ревизоръ, подчеркивая множественное число.

Пока ученикъ бойко отчеканивалъ длинный примѣръ, который заучивали цѣлый часъ, и разъяснялъ, почему «non locus et vestis discipulum ornat», а наоборотъ, прочіе съ явнымъ злорадствомъ поглядывали на Мазницу, по общему мнѣнію, уже сконфуженнаго: обратился на «ты» и—осѣкся,..

На другой день повторилось почти тоже самое, только ревизоръ слушалъ урокъ уже не географіи, а русскаго языка; на третій—Закона Божія,—по три урока въ день въ трехъ классахъ. Никого не «срѣзалъ», если не считать недоразумѣнія на урокѣ русскаго языка, когда ученикъ эффектно прочелъ періодъ въ стихахъ, а учитель, вынужденный объяснить слова «ложная мудрость» понесъ такую чепуху, что ревизоръ посовѣтовалъ «оставить это»; ни на кого не кричалъ, былъ тихъ и деликатенъ; внушилъ къ себѣ необычайное довѣріе учениковъ... *Не того ждали!* Это и было темой разговоровъ за обѣдомъ и на сонъ грядущій во дни ревизіи... Отличившіеся ученики были, конечно, героями дня...

— «Что же врали семинаристы въ письмахъ про О-ва?»

— Какъ врали?

— «Да такъ: врали и—баста...

— А, можетъ и не врали!

— «Какъ же! Этотъ-то все узнаетъ? Ожидай...»

— А можетъ и узнаетъ?

— «Да что онъ узнаетъ? Посидитъ, посидитъ на урокахъ и кончитъ ревизію...»

Скоро, однако, и скептики должны были признать, что О-въ дѣйствительно много узналъ. Перемѣна взгляда произошла главнымъ образомъ послѣ того, когда онъ на четвертый день посѣтилъ квартиры. Во-первыхъ, умудрился посѣтить чуть-ли не всѣ въ одно время, очень искусно лишивъ возможности заранѣе узнать суть его осмотра. Во-вторыхъ, на квартирахъ въ 5—10 минутъ успѣлъ заглянуть въ такія норы, что не одна хозяйка только руками всплеснула. Наконецъ, внушеннымъ ученикамъ довѣріемъ воспользовался такъ ловко, что иные учителя и даже нѣкоторые ученики послѣ отъѣзда ревизора должны были почувствовать себя прескверно.

Какъ это могло случиться? Ларчикъ открывался довольно просто.

Ревизоръ, очевидно, уже прибылъ со значительной подготовкой: услужили вовсе даже неумышленно семинаристы, недавніе питомцы II-ой бурсы... Осмотрѣвъ извѣстную квартиру, онъ бралъ одного ученика, который долженъ былъ проводить его до воротъ слѣдующей, названной ревизоромъ. Во время осмотровъ не только на неосмотрѣнныхъ квартирахъ всѣ ученики оставались дома, но даже изъ посѣщенныхъ никто не рѣшался выйти за ворота: было что-то и сказано, было и повторное, чреватое послѣдствіями, посѣщеніе квартиры... «по ошибкѣ» что-ли. По недлинному пути «проффесоръ» успѣвалъ поставить осчастливленному чичероне нѣсколько вопросовъ съ такой простотой и такъ подъ-часъ незамѣтно, что никакое чувство чести бурсы не могло спасти: и бурсакъ «проговаривался», наивно обнаруживая то, что, при другихъ условіяхъ, имъ же самимъ было бы прикрыто.

— «А вы тоже были въ числѣ тѣхъ, кому инспекторъ «пали корешками" *) давалъ?

— Въ этомъ году никого не били! увѣренно и наивно отвѣчаетъ чичероне.

— «Да, да... а въ прошломъ году и васъ били?

— Разъ... шепчетъ бѣдный, сконфуженный бурсакъ...

— «А кто же бывалъ на урокахъ, когда учителя выѣзжали изъ города?»

Это случалось въ праздничные дни. Чудныя окрестности, гостепріимные сельскіе батюшки и матушки,—какъ не провести праздничный вечеръ гдѣ-нибудь въ деревнѣ на берегу Днѣпра? И на другой день какъ поспѣть на уроки? Да и къ чему? Кто узнаетъ? Спрошенный жмется, не находитъ, что отвѣчать, ревизору и не нужно больше...

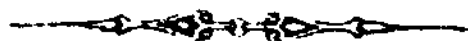
*) „Па́ли" соб. битье линейкой по ладони. Мазница любилъ прежде линейку замѣнять корешками пучка розокъ. Не придумали другого названія, остались „пали" и тутъ.

И сколько несчастныхъ бурсаковъ, безусловно даже ставившихъ выше всего честь бурсы, попались, какъ куръ во щи, нечаянно сошпіонничавъ! Можно себѣ представить и то, какое впечатлѣніе произвели на всѣхъ разсказы объ этихъ бесѣдахъ на улицѣ!... Иные даже съ счастливѣйшей улыбкой передавали разговоры, иные прилагали къ нимъ и лишнее; но... улыбка довольнаго вдругъ смѣнялась гримасой натворившаго бѣдъ, когда выяснились «фокусы» дипломата.

Говорилъ ли ревизоръ что-нибудь учителямъ,—осталось тайной, только училище послѣ отъѣзда ревизора стало во многомъ неузнаваемымъ... Что укрѣпилось «вы»—это конечно вздоръ. Но откуда у учителей явилось столько прыти? Съ чего стали они вдругъ «ужасно» исправными? Почему такъ откровенно присмирѣлъ Мазница? Какія это завелись собранія учителей безъ выпивки и преферанса? О какихъ бумагахъ изъ «Правленія Семинаріи» толкуютъ они? Что такое?

Увы! бѣдные бурсаки, терявшіеся въ догадкахъ, что принесетъ имъ реформа, которую долженъ же былъ привезти съ собой ревизоръ, теперь еше больше растерялись. Когда же 18-лѣтнему верзилѣ, уже второе пятилѣтіе сидѣвшему въ 1 (по счету бурсы—второй) классѣ *) и рѣшительно недоумѣвавшему, какъ выкарабкаться изъ фаръ, было объявлено, что на четверый повторительный курсъ уже нельзя оставаться, онъ выразилъ настроеніе многихъ длительнымъ звукомъ: «фю—ю—ю!...»

П. Борзаковскій.

*) Курсъ класса—2 года; былъ одинъ, просидѣвшій 3 или 4 курса, не помню но изъ перваго класса вышедшій прямо „въ жизнь“.

Западно-русская церковь при митр. Петрѣ Могилѣ.

(1633—1646 гг.).

(Продолженіе) [1]).

V.

Наиболѣе крупные факты, характеризующіе борьбу между православными и уніатами во время, близкое къ сейму 1638 г.—Инструкція посламъ на этотъ сеймъ со стороны Волынскаго дворянства.—Сеймъ 1638 г. и бурная борьба изъ-за вопросовъ религіозныхъ.—Конституція означеннаго сейма о греческой религіи и занесенные противъ нея протесты латино-уніатовъ.—Отнятіе у православныхъ Люблинской Спасо-Преображенской церкви.—Подготовленія къ сейму 1639 г. со стороны обѣихъ враждующихъ сторонъ: инструкціи посламъ отъ православныхъ и противоположныя требованія уніатовъ.—Отрывочныя свѣдѣнія о сеймѣ 1639 года („сорванномъ"), и проектированная на немъ конституція, благопріятная православнымъ.—Нападеніе въ Кіевѣ на студента Кіево-Могилянской коллегіи и казнь его безъ разслѣдованія дѣла.—Впечатлѣніе, произведенное этою казнью на П. Могилу и С. Коссова.—Подготовленія П. Могилы къ сейму 1640 г.—Рѣчь на означенномъ сеймѣ Оссолинскаго.—Результаты сейма.—Продолжающіяся волненія въ Холмщинѣ вслѣдствіе притѣсненій православныхъ М. Терлецкимъ.

Между тѣмъ пререканія, обоюдныя оскорбленія и судебные процессы среди православныхъ и уніатовъ не прекращались. Отъ этихъ неурядицъ страдали обѣ стороны, не менѣе страдало и само государство, правильное теченіе дѣлъ въ которомъ нерѣдко нарушалось безконечными религіозными распрями. Намъ нѣтъ надобности подробно излагать исторію борьбы съ латино-уніатами за разсматриваемое время. Для яснаго представленія объ этой борьбѣ

*) См. „Кіевская Старина" 1898 г. мартъ.

достаточно указать на болѣе крупные факты, ее характеризующіе, и въ общихъ чертахъ изобразить картину религіозныхъ раздоровъ.

Самымъ печальнымъ для православныхъ событіемъ, случившимся вскорѣ послѣ несостоявшагося въ 1637 году сейма, былъ декретъ Петроковскаго трибунала, осудившій на „инфамію" перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича и многихъ другихъ православныхъ (большею частію дворянъ) за нападеніе и насильственное отнятіе отъ уніатовъ монастыря св. Спаса" [1]). Инфамія была однимъ изъ самыхъ тяжелыхъ наказаній въ Рѣчи-Посполитой; она подвергала подпадавшихъ ей лицъ лишенію всѣхъ гражданскихъ правъ и покровительства закона. Какъ человѣкъ, лишенный „чести", Гулевичъ чрезъ то самое утрачивалъ тѣ права, которыя предоставлены были ему, какъ „привилегированному" (оффиціально признанному правительствомъ) епископу, лишался и тѣхъ бенефицій, которыя пріурочены были къ занимаемой имъ каѳедрѣ. Въ виду этого перемышльскій уніатскій епископъ Аѳанасій Крупецкій сталъ хлопотать о возвращеніи ему Спасскаго монастыря и другихъ духовныхъ бенефицій, предоставленныхъ статьями примиренія и королевскою, на основаніи ихъ, привилегіею православной перемышльской каѳедрѣ, и эти притязанія Крупецкаго судебныя мѣста признали подлежащими удовлетворенію. Естественно, что Петроковскій декретъ вызвалъ сильное неудовольствіе и волненіе въ средѣ православныхъ. Появились протесты противъ него и прилагались всевозможныя старанія къ его уничтоженію. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ православные были сильны, дворянство въ инструкціяхъ посламъ, отправляемымъ на сеймы (начиная съ приготовленій къ сейму 1638 г.), наказывало имъ ходатайствовать предъ его королевскою милостію и усердныя прилагать старанія предъ чинами Рѣчи-Посполитой, чтобы Гулевичъ и другія, вмѣстѣ съ нимъ невинно осужденныя на инфамію лица были освобождены отъ нея и ихъ честь (honory) была возстановлена. Дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ принималъ и Петръ Могила, какъ представитель православной церкви, интересы которой существенно были затронуты инфаміею Гулевича. Послѣ передачи Крупецкому нѣкоторыхъ «духовныхъ бенефицій», пріуроченныхъ къ перемышльской православной епархіи, Могила послалъ своихъ уполномоченныхъ (духовныхъ лицъ о. о. Антонія и Филоѳея) въ Перемышль, гдѣ по этому поводу учиненъ былъ въ гродскомъ судѣ процессъ. Эти уполномоченныя отъ имени митрополита лица заявляли

---

[1]) Ind. inscrip. castr. Premisl., въ Львов. Берн. Архивѣ. № кн. 359, л. 435 и слѣд.

въ судѣ, что передача уніатскому епископу бенефицій, пріуроченныхъ статьями примиренія къ православной перемышльской каѳедрѣ, противорѣчитъ сеймовому постановленію, утвердившему эти статьи, и выданному на основаніи онаго королевскому «диплому», что въ данномъ случаѣ дѣло касается не одного Гулевича, такъ какъ не ему одному принадлежитъ перемышльская епископія, но всего, не находящагося въ уніи, русскаго народа, права и интересъ котораго въ этомъ дѣлѣ подвегаются ущербу и попранію... [1]). Тѣмъ не менѣе, не смотря на энергичные хлопоты разныхъ слоевъ православнаго общества, прискорбное дѣло объ инфаміи Гулевича довольно долго, до сейма 1641 года, не получало благопріятнаго исхода, да и тогда окончено было—какъ увидимъ—не безъ жертвы со стороны православныхъ.

Въ луцкой епископіи отношенія между владыками православнымъ (Пузыною) и уніатскимъ (Почаповскимъ) были тоже не мирныя. Послѣдній былъ недоволенъ тѣмъ, что Пузына при посредствѣ комиссаровъ отобралъ отъ уніатовъ въ Луцкѣ церкви Михайловскую, Рождественскую и Пятницкую и поступилъ въ этомъ случаѣ „мимо конституцію и привилегій его королевской милости", такъ какъ, по добровольному соглашенію самого Пузыны и волынскихъ обывателей, „владыцтво луцкое" ему, Почаповскому, предоставлено было пожизненно [2]). Дѣло объ этомъ доходило до трибунала, гдѣ состоялось опредѣленіе—возвратить церкви уніатскому епископу. Но когда судебныя власти хотѣли было привести въ исполненіе это опредѣленіе, то намѣстникъ Пузыны и его слуги „не допустили" ихъ до этого „именемъ его милости пана и пастыря своего", при чемъ слугою Типицкимъ, находившимся около Пятницкой церкви, произнесена была такая угроза: „скорѣе его милость отецъ Почаповскій головы своей лишится, нежели эту церковь въ посессію свою возьметъ"... Недоволенъ былъ Почаповскій и тѣмъ, что Пузына грунтъ церковный, на которомъ, якобы еще отъ временъ Витовта, „на святую унію" церковь во имя Покрова была фундована, насильственно отнялъ и построилъ на немъ новую церковь. Совершая въ ней служеніе (11 октября 1637 г.) Пузына,—какъ значится въ протестаціи противъ него, занесенной отъ имени Почаповскаго,—говорилъ проповѣдь, въ которой „словами непристойными, славѣ доброй и гонорови его милости отца Почаповского, епископа луцкого и острожского, шкодячими, лжилъ, соромотилъ, за якогось

---

[1]) Копія наход. въ библ. греко-ун. Перемышльскаго собора.

[2]) Древн. акты Холм. епархіи. т. I (рукоп.)

геретика и одщепенца такъ самого его милость епископа, яко и все духовенство въ уніи святой будучее, на здоровье оного одповедаючи, поличилъ“ [1])...

Въ томъ же октябрѣ 1637 года Іеремія Почаповскій скончался. Послѣ его смерти „луцкая епископія со всѣми принадлежащими къ ней имѣніями“ должна была перейти въ вѣдѣніе православнаго луцкаго епископа. Поэтому Аѳанасій Пузына тотчасъ же по смерти Почаповскаго вступилъ въ фактическое владѣніе означенною епископіею. Но латино-уніатская партія нашла возможнымъ протестовать и противъ этого на томъ основаніи, что Пузына учинилъ это „безъ вѣдомости короля, какъ верховнаго подавцы всѣхъ добръ и хлѣбовъ духовныхъ“, и, такимъ образомъ, якобы оказалъ неуваженіе верховной власти. И король, подъ давленіемъ латиноуніатской партіи, 28 октября 1637 г. издалъ универсалъ, въ которомъ приказывалъ Пузынѣ каѳедру, церкви, помѣстья, вообще все, что имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи Почаповскій, передать назначаемому имъ, королемъ, „администратору епископіи луцкой“, каковымъ, грамотою отъ 30 октября, и былъ назначенъ владимірскій и брестскій уніатскій епископъ Іосифъ Мокосѣй-Баковецкій [2]). Такое постановленіе короля шло въ разрѣзъ съ его прежними грамотами, а потому Пузыною не было исполнено, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ было отмѣнено (во время сейма 1638 г.) и самимъ королемъ, хотя—очевидно—не безъ хлопотъ и издержекъ со стороны православныхъ [3]).

Въ могилевской епархіи продолжалась безконечная тяжба Сильвестра Коссова съ уніатскимъ архіепископомъ Селявою изъ-за въѣзда перваго въ Полоцкъ, обращеніе уніатовъ въ православіе и т. п. [4]). Къ этой тяжбѣ присоединились новые процессы съ уніат-

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. VI. № CCXCVI.

[2]) Кіев. Центр. Архивъ; № кн. 2152 л. 1030 об. и слѣд.

[3]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI. № CCXCIX. Въ луцкихъ гродскихъ книгахъ за декабрь 1637 находится обширное дѣло (Кіев. *Центр. Арх.*, № к. 1004, лл. 1137—1148), изъ коего видно, что Аѳ. Пузына тотчасъ же послѣ смерти Почаповскаго, основываясь на упомянутой нами „ассекураціи“, выданной ему на коронаціонномъ сеймѣ 1633 г., занялъ „луцкую епископію“, т. е. вступилъ во владѣніе каѳедральною и нѣкоторыми другими церквами, а также церковными владѣніями бывшими дотолѣ въ вѣдѣніи уніатовъ. Если вѣрить протестаціи, занесенной противъ Пузыны владимірскимъ уніатскимъ епископомъ Баковецкимъ, то означенное вступленіе на епископію было ничѣмъ инымъ, какъ наѣздами „черезъ людей арматныхъ“ числомъ до 400 „разныхъ націй и милиціи: езды и пехоты“.

[4]) Витебская Старина. Изд. Сапунова. т V. ч. I. стр. 149 и слѣд.

скимъ смоленскимъ епископомъ Львомъ Кревзою, рьянымъ уніатомъ, крайне тѣснившимъ православныхъ и обращеніе ихъ къ Сильвестру Коссову за удовлетвореніемъ религіозныхъ потребностей строго преслѣдовавшимъ.

Въ Вильнѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ шли пререканія между уніатами и православными по поводу распредѣленія церквей и отказовъ подчиниться рѣшеніямъ по данному вопросу королевскихъ комиссаровъ... [1]. Въ Холмщинѣ православные по прежнему испытывали тяжелый гнетъ Меѳодія Терлецкаго, вслѣдствіе чего проникались все большимъ и большимъ озлобленіемъ противъ него, не всегда скрываемымъ подъ личиною вынужденной покорности [2].

Не прекращались (едва ли не подъ вліяніемъ католиковъ) и вспышки фанатизма противъ православія, проявлявшіяся въ нападеніяхъ на церковные процессіи православныхъ и принимавшія иногда характеръ буйныхъ побоищъ разнузданной толпы. Такъ—по свидѣтельству современника—въ г. Острогѣ, на пасху 1637 года, во время церковной процессіи, совершаемой православными, на духовенство и прихожанъ („мѣщанъ") католиками слѣлано было нападеніе, сопровождавшееся побоями, истязаніями и, кажется, не обошедшееся даже безъ убійства („zabiano") [3]. Подобному оскорбленію въ томъ же году подвергались даже православные кіевляне при совершеніи обычной церковной процессіи 1-го августа, въ присутствіи самого митрополита Петра Могилы. У несущихъ церковныя хоругви усѣкались руки (ręce usiekano); происходило побоище, стрѣлянье изъ ружей и т. п. Самъ митрополитъ съ духовенствомъ едва успѣлъ скрыться въ алтарь рынковой церкви (Успенія Пресвятой Богородицы, находившейся на рынкѣ), гдѣ, очевидно, совершалъ передъ тѣмъ богослуженіе [4].

Но 10 марта 1638 года назначенъ былъ обшій шестинедѣльный сеймъ въ Варшавѣ. Волынское дворянство на предварительномъ, частномъ сеймѣ въ Луцкѣ (такъ называемомъ сеймикѣ предсеймо-

---

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губ. № 108.

[2]) Древніе акты холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-археол. музеѣ) кн. № 1.

[3]) Indicium, to iest pokazanie Cerkwie prawdziwey. Полемическое сочиненіе, составленное въ 1638 г. инокомъ Винницкаго монастыря. Свѣдѣнія объ этомъ сочиненіи см. у Я. Головацкаго въ брошюрѣ: *Библіографическіе находки во Львовѣ* Въ полномъ видѣ напечатано нами въ *Архивѣ Юго-Зап. Россіи* (имѣющемъ вскорѣ появиться въ свѣтъ).

[4]) Ibid.

вомъ) въ своей инструкціи посламъ, отправляемымъ на Варшавскій сеймъ, на первомъ планѣ поставило охрану интересовъ православной вѣры. „Прежде всего,—говорилось здѣсь,—ихъ милости паны послы наши должны стараться о томъ, чтобы люди греческой религіи, не находящіеся въ уніи, дѣйствительно успокоены были, и то, что поставлено было на елекціи, счастливой коронаціи и бывшемъ послѣ нея шестинедѣльномъ соймѣ (1635), согласно со статьями примиренія и съ дипломомъ, одобреннымъ сеймомъ, было приведено въ исполненіе, и чтобы епископія луцкая и острожская со всѣмъ ей принадлежащимъ, по случаю смерти Почаповскаго, отдана была отцу Пузынѣ, владыкѣ православнóму (nieunitowi). И не должны паны послы приступать ни къ какимъ совѣщаніямъ и не позволять ни на одинъ артикулъ (сеймовой конституціи) до тѣхъ поръ, пока не воспослѣдуетъ означенное успокоеніе. Манифестаціи, послѣ сеймовъ вопреки праву занесенныя, должны быть кассированы, а равнымъ образомъ и процессы относительно дѣлъ религіозныхъ, начатые въ разныхъ городахъ, уничтожены; передача церквей (православныхъ) чрезъ посредство коммиссій имѣютъ быть (сеймомъ) одобрены; привилегіи, которыя выданы отъ королевской милости, пана нашего милостиваго, и до настоящаго времени еще не запечатанныя (т. е. къ которымъ не приложены канцлерами печати), должны быть скрѣплены печатями". Инструкціею посламъ вмѣнялось также въ обязанность ходатайствовать предъ королемъ и Рѣчью Посполитою о „снесеніи баниціи" съ перемышльскаго епископа Сильвестра Гулевича и другихъ, вмѣстѣ съ нимъ осужденныхъ лицъ за извѣстное намъ дѣло о нападеніи на Спасскій монастырь, такъ какъ это прискорбное дѣло произошло—по заявленію Волынскаго дворянства—вслѣдствіе оказаннаго Крупецкимъ (уніатскимъ епископомъ) сопротивленія опредѣленію Рѣчи Посполитой (предоставлявшему означенный монастырь православнымъ), и произведенный надъ Гулевичемъ и другими дворянами судъ нельзя назвать справедливымъ [1]).

Варшавскій сеймъ 1638 года открылся своевременно. Естественно, что бурная борьба изъ-за вопросовъ религіозныхъ происходила и на немъ. Случайное обстоятельство, не имѣвшее отношенія къ православнымъ,—именно, оскорбленіе студентами Раковской социніанской академіи святыни католической [2]), — усложнило задачу

---

[1]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. II. т. I. № XXI. стр. 233—234, 242.

[2]) Имѣемъ въ виду весьма громкое въ свое время дѣло (сильно раздутое латино-уніатами) о разбитіи студентами Раковской академіи стоявшаго за городомъ католическаго креста съ изображеніемъ распятія,—дѣло, возбудившее бурю на

православныхъ депутатовъ при защитѣ правъ своей церкви, такъ какъ озлобленіе „добрыхъ католиковъ“ противъ всего „не католическаго“ нашло новую пищу для трактацій о вредѣ, наносимомъ государству диссидентами (къ которымъ причислялись и „схизматики“, т. е. православные). Но въ числѣ православныхъ депутатовъ на сеймѣ опять находились извѣстные намъ ревнители православія—Адамъ Кисель, князь Четвертинскій и другіе, которые съ свойственною имъ энергіею, дѣловитостію и краснорѣчіемъ (особенно Кисель) отстаивали интересы православія. Ими заявлено было, что постановленія предшествующихъ сеймовъ относительно православной религіи не всецѣло приведены въ исполненіе и нѣкоторыя церкви, предназначенныя православнымъ, имъ доселѣ еще не переданы; мало того, латино-уніатами занесены протестаціи противъ сеймовыхъ постановленій и дѣла по вопросамъ религіознымъ направляются ими въ трибуналы, которые—вопреки сеймовымъ постановленіямъ—рѣшаютъ эти дѣла не въ пользу православныхъ и даже воспрещаютъ свободу вѣроисповѣданія, вслѣдствіе чего дарованныя православной церкви права нарушаются и православные незаконно подвергаются тяжкимъ испытаніямъ и преслѣдованіямъ. Выставляя на видъ все это, депутаты настаивали, чтобы начатые противъ православныхъ процессы были уничтожены, состоявшееся опредѣленіе о перемышльскомъ епископѣ С. Гулевичѣ и осужденыхъ вмѣстѣ съ нимъ на банницію дворянахъ было кассировано, а главное, чтобы на будущее время—и это должно быть узаконено—дѣла по вопросамъ религіознымъ, относительно коихъ состоялось сеймовое постановленіе, были (если возбудится какое-либо недоразумѣніе) обсуждаемы на сеймахъ, и трибуналы по этимъ дѣламъ, урегулированнымъ „статьями примиренія“, никого ни привлекали къ своему суду. Въ обстоятельной рѣчи по этому вопросу, Адамъ Кисель—по заявленію автора сеймоваго дневника 1638 г.—справедливыя и многочисленныя доказательства приводилъ, что „Pacta“, которыя устанавливаются всею Рѣчью Посполитою, не имѣютъ никакого значенія, коль скоро трибуналы ихъ ниспровергаютъ (psuią). Требованія православныхъ встрѣтили сильное сопротивленіе со стороны латино-уніатской партіи, особенно по вопросу о снесеніи банниціи съ осужденныхъ на нее три-

---

сеймѣ 1638 г., вызвавшее назначеніе специальной коммиссіи для обслѣдованія происшествія на мѣстѣ, едва не стоившее жизни владѣльцу Ракова, „аріанину“ Якову Сѣненскому, и закончившееся декретомъ (приведеннымъ въ исполненіе) о закрытіи *на вѣчныя* времена Раковской Академіи и окончательномъ уничтоженіи ея зданій („сравнены съ землею“).—Pamiętniki Radziwiłła. I. 370, 371, 374.

буналомъ лицъ. Пререканія между обѣими сторонами доходили до грубостей. Такъ, по поводу заявленія Киселя объ оскорбленіяхъ, испытываемыхъ православными отъ католическаго духовенства, подкоморій краковскій воскликнулъ: „и какого чорта вы хотите? Насъ, католиковъ, ксендзы терзаютъ и утруждаютъ (szarpaią y trudnią), а вы желали бы избѣжать этого!“ Вообще дѣло принимало обычно острый при разсужденіяхъ о религіозныхъ вопросахъ характеръ. Зашла было рѣчь, чтобы, на основаніи прежнихъ примѣровъ, прибѣгнуть къ посредничеству короля и положиться на его рѣшеніе по данному вопросу. Но католики не позволяли и на это (не дозволялъ подкоморій перемышльскій—главный противникъ „снесенія инфаміи“ съ Гулевича) и настаивали, чтобы въ виду краткости остававшагося для сеймовыхъ разсужденій времени вопросы религіозные были оставлены и приступлено было къ совѣщаніямъ о важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ. Но православные заявили, что для нихъ ничего драгоцѣннѣйшаго религіи быть не можетъ, а потому они не приступятъ къ совѣщаніямъ о другихъ дѣлахъ, если она не будетъ окончательно, сообразно съ ихъ требованіями, „успокоена“.—„Мое дѣло (о религіи)—говорилъ Кисель—затрудняетъ сеймъ и производитъ замѣшательство между вашими милостями (сеймовыми депутатами). Хорошо, я съ своими дѣлами отклоняюсь: разсуждайте о своихъ; но я заявляю и въ этомъ смыслѣ вношу протестацію, что все, что бы ни было вами постановлено, не будетъ имѣть значенія, если мой артикулъ (объ успокоеніи греческой религіи) не будетъ утвержденъ сеймомъ“, Словомъ, Кисель угрожалъ сорвать сеймъ [1]).

Настойчивость православныхъ увѣнчалась значительнымъ успѣхомъ. Въ сеймовую конституцію 1638 г., кромѣ подтвержденія постановленій о греческой религіи, состоявшихся на сеймѣ 1635 г., внесено было добавленіе, чтобы „на будущее время декреты, которые имѣютъ силу закона, не были предметомъ судебныхъ обсужденій на трибуналахъ“ [2]). Выхлопотана была въ это время православными грамота и Аѳанасію Пузынѣ, представлявшая ему (согласно со „статьями успокоенія“ и съ письменнымъ удостовѣреніемъ короля) „духовныя бенефиціи“ луцкой епископіи, издавна къ ней принадлежащія и временно, до кончины уніатскаго луцкаго епископа Почаповскаго, находившіяся въ пользованіи послѣдняго [3]). Но

---

[1]) Діаріушъ сейма 1638 г. находящійся въ библ. Краковскаго Университета по каталогу рукописей № 2285.

[2]) См. сеймовую конституцію означеннаго года.

[3]) Архивъ Юго-Зап. Рос. ч. I. т. VI. № CCXCIX,

снести инфамію съ Гулевича и другихъ, осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ православныхъ, на этомъ сеймѣ не удалось.

Непосредственно послѣ сейма латино-уніатами занесено было въ Варшавскія гродскія книги двѣ дословно сходныя между собою протестаціи по поводу сеймоваго опредѣленія о греческой религіи: одна отъ имени представителей католической и уніатской церквей, другая —отъ имени нѣкоторыхъ, бывшихъ на сеймѣ пословъ. Въ протестаціяхъ говорилось, что какъ прежде, во время самаго чтенія конституціи о греческой религіи, они, протестующіе, не соглашались на нее, дабы не отягощать своей совѣсти и руководствуясь выясненнымъ по сему вопросу мнѣніемъ сѣдалища Апостольскаго, такъ и въ настоящее время не позволяютъ на эту, противную ихъ совѣсти, конституцію, не принимаютъ оной и во всемъ ей противорѣчатъ [1]).

Подобные протесты, свидѣтельствуя о крайнемъ возбужденіи ультра-католической партіи и объ ея нежеланіи добровольно подчиняться сеймовымъ постановленіямъ, не предвѣщали ничего хорошаго, тѣмъ болѣе, что самъ король, подъ давленіемъ означенной партіи, обвинявшей его „въ недостойномъ добраго католика сочувствіи къ схизматикамъ“ (о чемъ были донесенія и въ Римъ), все чаще и чаще сталъ обнаруживать тѣ прискорбныя колебанія по отношенію къ православнымъ, послѣдствіемъ которыхъ появлялись съ его стороны распоряженія, находившіяся въ противорѣчіи съ прежде выданными имъ привилегіями. Мы знаемъ, что во время коронаціоннаго сейма Владиславъ IV, между прочимъ, выдалъ Люблинскому православному братству привилегію, которою оно *на вѣчныя времена* освобождалось отъ юрисдикціи холмскаго уніатскаго владыки и отдавалось „въ дозоръ и послушаніе“ православному („въ уніи не будучему“) митрополиту кіевскому и его преемникамъ. Самъ Меѳодій Терлецкій (уніатскій холмскій епископъ) на первыхъ порахъ мало дорожилъ Люблиномъ, такъ какъ, по его словамъ, въ этомъ городѣ „схизма издавна свила гнѣздо“, и уніатовъ здѣсь не было. Но съ теченіемъ времени, ободренный успѣшною борьбою съ православными въ Холмѣ и другихъ городахъ, ускользая (благодаря поддержкѣ латино-уніатскихъ властей) отъ наказанія за свои противозаконныя дѣйствія при насильственномъ отобраніи отъ православныхъ церквей,—Терлецкій рѣшился наложить свою руку и на Люблинское братство. Въ концѣ 1638 года онъ успѣлъ выхло-

[1]) Тоговременный печатный экзем. протестація 1638 г. находится въ музеѣ Чарторыжскихъ въ Краковѣ.

потать изъ королевской канцеляріи грамоту, гдѣ подъ предлогомъ, „чтобы божественная служба и всѣ религіозные обряды совершались въ церкви Люблинскаго братства надлежащимъ образомъ и не такъ безпорядочно, какъ они совершаются нынѣ часто смѣняющимися бродячими попами, чуждающимися святой уніи“,—Люблинская Спасо-Преображенская церковь „со всѣми ея доходами, пожитками, землями, слугами и людьми церковными, издавна ей принадлежащими,“ отдавалась „превелебному епископу Меѳодію Терлецкому до его смерти, или же добровольнаго отреченія, въ полное его распоряженіе“ [1]). Терлецкій не замедлилъ воспользоваться королевскою грамотою и, при помощи католиковъ, насильственно отнялъ у Люблинскаго братства его церковь. Такъ какъ этому беззаконному дѣлу приданъ былъ видъ до извѣстной степени легальный (Терлецкій опирался на королевскую грамоту), то естественно, что православные посмотрѣли на него, какъ на „возмутительное поруганіе сеймовыхъ постановленій и торжественной присяги короля“. Люблинское братство поспѣшило занести въ гродскія луцкія книги данную ему Владиславомъ IV привилегію и начало судебный противъ Терлецкаго процессъ [2]). Въ виду печальныхъ послѣдствій, которыми угрожала „Люблинская трагедія“ правовому положенію всей православной церкви (ибо открывалась латино-уніатамъ перспектива получить изъ королевской канцеляріи грамоты, ниспровергавшія прежнія королевскія привилегіи), поступокъ Терлецкаго произвелъ необычайное движеніе во всемъ православномъ обществѣ [3]). Вообще это дѣло—

[1]) Акты гродск. Любл. obl. кн. 68, стр. 20 (цитата по статьѣ г. Логгинова: „Древнѣйшій православный храмъ въ Люблинѣ и существовавшее въ немъ братство“,—помѣщенной въ Холмско-Варшавскомъ Вѣст. 1883 г. № 3, стр. 50).

[2]) Древніе акты Холмской епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ) кн. 1.

[3]) Весьма энергичная боевая рѣчь пана *Василія Литинскаго* (депутата) по поводу отнятія у православныхъ Люблинской церкви помѣщена у *Грондскаго* въ его сочиненіи: Historia belli Cosacco-polonici, изд. въ 1789 году (см. стр. 13—14). Невѣрно г. Логгиновъ („Холмско-Варшав. Вѣстникъ“ 1883 г. № 2) и другіе, имъ указываемые изслѣдователи, относятъ означенную рѣчь ко времени царствованія Сигизмунда III. Заявленіе Грондскаго: „r e g n a v i t a v t e m (во время произнесенія рѣчи) V l a d i s l a v u s IV“, вполнѣ согласуется съ самымъ содержаніемъ рѣчи („modernum feliciter regnantem“) и со всѣми другими историческими данными относительно Люблинской церкви.—Въ сочиненіи уніата *Пахомія Войны Оранскаго*, епископа пинскаго и туровскаго, изд. въ 1645 году въ Вильнѣ подъ заглавіемъ: „Zwierciadło albo zasłona... Perspektywie przez x. Kassiana, złożonego archimandritę Dubieńskiego, zebraney y napisaney, et caet“.,—по поводу отнятія

объ отнятіи у Люблинскаго братства церкви—было въ разсматриваемое время дѣломъ весьма громкимъ и, по мнѣнію польскихъ писателей, должно быть поставлено въ ряду не маловажныхъ причинъ, подготовившихъ козацкое возстаніе.

На 31 октября 1639 года назначенъ былъ общій сеймъ въ Варшавѣ. Въ виду не прекращавшихся пререканій между православными по поводу распредѣленія между ними церквей и происходившихъ вслѣдствіе этого враждебныхъ столкновеній, въ особенности въ виду „люблинской трагедіи“,—обѣ враждующія стороны подготовлялись къ нему весьма дѣятельно. Волынское дворянство въ инструкціи посламъ, отправляемымъ на сеймъ, вмѣняло имъ въ обязанность ходатайствовать, чтобы постановленія предшествующихъ сеймовъ объ успокоеніи православной религіи всецѣло приведены были въ исполненіе, чтобы „церкви братскія, въ уніи не находящіяся, какъ въ Коронѣ, такъ и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, были апробованы конституціею согласно съ пунктами, составленными во время избирательнаго сейма, и немедленно со всѣмъ, имъ принадлежащимъ, возвращены были православнымъ, особенно въ Люблинѣ, Красномъ-Ставѣ, Сокалѣ, Бельзѣ и другихъ городахъ, откуда воспослѣдуютъ на сеймъ жалобы“; а такъ какъ церкви въ означенныхъ городахъ въ недавнее время насильственно отняты были холмскимъ (уніатскимъ) епископомъ, то чтобы такія лица, нарушающія законъ и общее спокойствіе, подвергались самымъ тяжкимъ наказаніямъ, такъ какъ ихъ дѣйствія направлены къ ниспроверженію правъ, скрѣпленныхъ королевскою присягою, пунктовъ, постановленныхъ во время избирательнаго сейма, и привилегій, одобренныхъ сеймовою конституціею. Вслѣдствіе правонарушеній (говорится въ инструкціи), которыя учинилъ холмскій епископъ, основываясь—по его словамъ—на выпрошенной у короля привилегіи, онъ до крайности стѣснилъ православныхъ: отнявши церкви, заключаетъ въ тюрьмы поповъ и мучаетъ ихъ, вслѣдствіе чего, а также запе-

---

у православныхъ Люблинской церкви читаемъ: Decreta ich mciow p. p. deputatow Lubielskich, pełne miłocśi y sprawedliwości świętey, za ktorą od Pana Boga wieczney zapłaty czekaią, a od ludzi nie tylko unitow, ale też ritus romani powinni mieć pochwalę y podziękowanie,—te, mowę, decreta, ktoremi iest cerkiew Lubelska unitom przysądzona, za nic poczyta (Кассіанъ Саковичъ), samych ichm. p. p. deputatow za oyce turbaciey y hałasow mianuie“.—Очевидно, въ данномъ случаѣ, Оранскій имѣетъ въ виду слѣдующее мѣсто въ Perspectiw'ѣ Саковича: „Dla iedney cerkwi Lubelskiey seymy do rozerwania przychodzą, y cerkiew za to nie stoi, co turbacyi na seymikach y na seymach przynosi y przynosić będzie, iesli disunitow nie uspokoią“ (предисловіе „do czytelnika religiey Graecoruskiey“, стр. 13—14).

чатыванія имъ церквей, взрослые умираютъ безъ исповѣди и напутствія св. тайнами, дѣти—безъ крещенія, и хоронятся на поляхъ безъ обычныхъ обрядовъ. Волынское дворянство требовало также, чтобы комиссіи, назначенныя для распредѣленія между православными и уніатами церквей, возобновили свою дѣятельность и довели порученное имъ дѣло до конца; протестаціи, занесенныя латиноуніатами противъ статей успокоенія, были-бы уничтожены, а привилегіи, выданныя православнымъ, снабжены требуемыми закономъ печатями. Занесена была въ инструкцію также жалоба на уніатскаго владимірскаго епископа Баковецкаго, который, въ виду предстоявшей передачи луцкой каеедральной церкви православному епископу Пузынѣ, забралъ изъ нея находившіяся здѣсь святыни: древо св. креста, частицу мощей св. Пантелеймона, а также старинные кресты, чаши и другія церковныя принадлежности, и доселѣ удерживаетъ ихъ у себя, несмотря на приказаніе короля о возвращеніи незаконно забраннаго. Не забытъ былъ Волынскимъ дворянствомъ и перемышльскій епископъ Сильвестръ Гулевичъ, о возстановленіи котораго въ гражданскихъ правахъ (а равно о возстановленіи „чести" и другихъ, осужденныхъ вмѣстѣ съ нимъ лицъ) оно вторично поручало посламъ ходатайствовать передъ королемъ и сеймомъ [1]).

Воспослѣдовали на сеймъ просьбы отъ православныхъ и изъ другихъ западно-русскихъ городовъ по поводу обидъ и притѣсненій, испытываемыхъ ими со стороны латино-уніатовъ. Такъ Виленскіе братчики ходатайствовали о предоставленіи православнымъ Вильны церквей, присужденныхъ имъ правительственною властію, но доселѣ находившихся „въ посессіи" уніатовъ; [2]) могилевскій епископъ Сильвестръ Коссовъ—объ уничтоженіи судебныхъ приговоровъ, возникшихъ по поводу извѣстной его поѣздки въ г. Полоцкъ; [3]) граждане Полоцка—объ отмѣнѣ впервые состоявшагося при Сигизмундѣ III постановленія, по которому въ магистратѣ имѣли право засѣдать только католики и уніаты, и т. п. [4])

Не бездѣйствовала въ это время и латино-уніатская партія. Не имѣя у себя подъ ногами юридической почвы и предвидя, что православные на сеймѣ будутъ при защитѣ своей церкви ссылаться на существующія узаконенія, на вошедшія въ силу законныя (сей-

[1]) Архивъ Юго-Зап, Рос. ч. II. т. 1, № XXII, стр. 254—255.

[2]) Древніе акты Холмской епархіи.

[3]) Архивъ греко-ун. митр. св. № 36.

[4]) Radziwiłł, Pamiętniki, 1. 433.

мовыя) постановленія по дѣламъ религіознымъ,—латино-уніаты возлагали свои надежды на „добрыхъ католиковъ,“ на фанатическое отношеніе послѣднихъ къ схизмѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на расшатанность правовыхъ устоевъ Рѣчи Посполитой. До нашего времени дошло любопытное наставленіе (informatia) уніатовъ депутатамъ своего лагеря, отправлявшимся на сеймъ 1638 года. Это наставленіе прекрасно иллюстрируетъ тѣ пріемы, посредствомъ которыхъ латино-уніатская партія стремилась затормозить (и нерѣдко дѣйствительно тормозила) приведеніе въ исполненіе основанныхъ на „статьяхъ примиренія“ правительственныхъ распоряженій и отстаивала допускаемыя его правонарушенія по отношенію къ православнымъ. Наставленіе состоитъ изъ слѣдующихъ трехъ пунктовъ.

1) „Его милость панъ Кисель—предвидятъ латино-уніаты—будетъ домогаться, чтобы дизунитамъ немедленно возвращена была Люблинская церковь“.—На это требованіе депутаты должны отвѣчать на сеймѣ, что уніаты заняли означенную церковь „не безъ опредѣленнаго права; поэтому пусть дизуниты посредствомъ права (т. е. судебнымъ порядкомъ) и заботятся объ ея возвращеніи“. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что люблинскіе послы, которымъ естественнѣе всего было бы вести рѣчь объ означенной церкви, требованія о возвращеніи ея дизунитамъ не предъявляютъ.

2) „Панъ Кисель будетъ хлопотать“, чтобы нѣкоторыя виленскія церкви, находящіяся въ настоящее время во владѣніи уніатовъ, отданы были дизунитамъ“.—Противъ этого домогательства депутаты должны выставить слѣдующее: а) дизуниты въ Вильнѣ на одномъ погостѣ имѣютъ уже три церкви, изъ которыхъ если-бы и одна наполнялась народомъ, достаточно бы для нихъ было; б) по какому праву дизуниты могутъ отчуждать отъ уніатовъ церкви?—И если они претендуютъ на такое право, то пусть, согласно оному, и вчиняютъ процессы объ означенныхъ церквахъ; в) если дизуниты домогаются тѣхъ церквей, основываясь на статьяхъ примиренія, составленныхъ на избирательномъ сеймѣ, то относительно этихъ устарѣвшихъ (ulegowanych) статей занесены многочисленныя протестаціи на сеймахъ, особенно же протестовало Великое Княжество Литовское, которые не требовало и не потребуетъ комиссаровъ (для распредѣленія церквей), потому что ему извѣстны ихъ дѣянія на Волыни,—дѣянія, сопровождавшіяся пролитіемъ крови и бунтами, чего слѣдуетъ остерегаться на будущее время; г) намѣреніе дизунитовъ состоитъ въ томъ, чтобы, отобравши отъ уніатовъ церкви, истребить св. унію, но дозволить этого не допускаетъ совѣсть католическая, въ виду извѣстныхъ мнѣній по сему предмету римскаго престола (ссылка на буллу Caenae Domini).

3) Панъ Кисель будетъ стараться, „чтобы постановлена была конституція, которою бы прежнія конституціи о греческой религіи были подтверждены.“ — На это требованіе долженъ быть данъ такой отвѣтъ: противъ всѣхъ прежнихъ конституцій, подъ угрозою насилій постановленныхъ, занесены протесты отъ всѣхъ чиновъ, посему онѣ не имѣютъ силы закона, а отсюда и дизуниты никакого права.

Наставленіе заканчивается покорною просьбою къ посламъ, чтобы они послѣ того, какъ на прошлыхъ сеймахъ своими протестами обезсилили права дизунитовъ, новою конституціею не укрѣпляли оныя [1]).

Мы выше замѣтили, что протестаціи противъ сеймовыхъ конституцій не могли имѣть юридическаго значенія, какъ направленныя противъ постановленій, сдѣлавшихся общеобязательнымъ закономъ; но онѣ, при расшатанности коренныхъ устоевъ правительственной власти, побуждали лицъ, не сочувствовавшихъ тѣмъ или инымъ узаконеніямъ, неуважительно относиться къ нимъ и тормозить приведеніе ихъ въ исполненіе. Указанное нами наставленіе — одно изъ краснорѣчивыхъ доказательствъ справедливости сказаннаго. „Статьи примиренія“, въ виду занесенныхъ противъ нихъ протестовъ, уніаты считаютъ уже устарѣлыми и силы закона не имѣющими, хотя имъ, разумѣется, хорошо было извѣстно, что конституціи, коль скоро онѣ не отмѣнены общимъ сеймомъ, не перестаютъ имѣть значеніе, для всѣхъ общеобязательное (какъ lex publica)... Характеренъ и совѣтъ, даваемый уніатами православнымъ — возстановить нарушенныя права своей церкви посредствомъ обычныхъ судебныхъ процессовъ, не перенося дѣлъ объ этомъ на сеймъ. Совѣтъ этотъ показываетъ (что подтверждается и многими судебными процессами того времени), какъ трудно было разсчитывать православнымъ на законную защиту своихъ правъ по дѣламъ религіознымъ въ судебныхъ учрежденіяхъ. Зависѣло это не столько отъ царившаго здѣсь взяточничества (православные не скупы были на подарки), сколько отъ того, что судебныя мѣста наполнены были большею частію католиками и уніатами, и въ числѣ ихъ немало было лицъ, до фанатизма нерасположенныхъ къ православію и искренно думав-

---

[1]) Древніе акты Холмской епархіи. Въ инструкцію посламъ, избраннымъ на Бѣльскомъ сеймикѣ (1639 г.) занесена, между прочимъ, слѣдующая петиція: „Także za iego mścią x. Krupieckim (уніатскимъ перемышльскимъ епископомъ) przyczynią się (послы), żeby w krzywdzeniu iego wielkim, ktore ponosi od xiędza Ulewicka (православнаго перемышльскаго епископа), był uspokoiony. (Рукоп. библіот. Оссолинскихъ во Львовѣ, № 1196, л. 66).

шихъ, что они, потворствуя незаконнымъ притязаніямъ приверженцевъ папизма при ихъ распряхъ съ православными, оказываютъ услугу отечеству и уготовляютъ себѣ вѣнецъ на небѣ. Такія мысли благовременно и безвременно старалось внушить имъ латино-уніатское духовенство. При погребеніи Яна Коленды († 1636), воеводича виленскаго, занимавшаго должность трибунальскаго земскаго писаря, „старшій“ виленскаго уніатскаго монастыря Алексѣй Дубовичъ (лицо вліятельное въ уніатскомъ мірѣ) осыпаетъ въ „погребовомъ казаніи“ умершаго похвалами, между прочимъ, за то, что онъ оказалъ незабвенныя услуги уніатамъ во время борьбы ихъ съ православными. „Прежде,—говорилъ Дубовичъ,—когда засѣдали въ виленскомъ судѣ противники вѣры (przeciwnicy wiary), возможны были и суровые декреты даже противъ высокопоставленныхъ духовныхъ особъ. Теперь же,—продолжалъ проповѣдникъ, обращаясь къ умершему,—любовь свою къ св. уніи ты доказалъ своимъ перомъ, ибо ты, великій писарь, не разъ писалъ декреты противъ гордой схизмы, какъ-бы противъ второго Валтасара; и въ этотъ послѣдній годъ твоей жизни ты написалъ не одинъ декретъ противъ крокодиловаго плача, противъ адскаго крика, противъ хитрыхъ старцевъ, посягавшихъ на честь невинной Сусанны (т. е. уніатской церкви)“ [1]).

Сеймъ 1639 года отличался особенно бурнымъ характеромъ, и въ концѣ концовъ былъ „сорванъ“. Обстоятельныхъ свѣдѣній о борьбѣ на этомъ сеймѣ между православными и уніатами мы не имѣемъ; но изъ отрывочныхъ сохранившихся свѣдѣній можно заключить, что пререканія между тѣми и другими были, по обычаю, упорныя, доходившія до обоюдныхъ оскорбленій. Радзивиллъ въ своемъ дневникѣ (давая окраску событіямъ, какъ подобало „доброму католику“) пишетъ, что 17 ноября нѣкоторые послы, подговоренные еретиками, пришли къ королю съ просьбою, чтобы холмскій епископъ (Меѳодій Терлецкій) былъ осужденъ (był zganiony) за то, что ревностно возсталъ противъ еретиковъ“. Не подлежитъ сомнѣнію, что Радзивиллъ въ данномъ случаѣ говоритъ о жалобахъ на Терлецкаго за его незаконныя притѣсненія православныхъ и въ особенности за насильственное отнятіе у нихъ Люблинской церкви,—что тогда составляло одну изъ главныхъ злобъ дня. По

[1]) Pioro lekkie, ciężki swiąt noszące, na pogrebie i. m. p. Iana Kollendy, woiewodicza Wilenskiego, trybunalskiego, ziemskiego pisarza, w Wilnie, w cerkwi S. Troyciy oycow Bazylianow w iednośći s. będacych, roku 1636, dnia 18 miesiąca dec. wystawione przez o. Alexego Dubowicza, starszego mon. Wilenskiego. Wilno 1637.

свидѣтельству Радзивилла, при этомъ находился и самъ Терлецкій (вѣроятно, призванный королемъ), который „wolneyszym głosem" отозвался на жалобы православныхъ. Каковы были эти „свободныя рѣчи" холмскаго епископа, Радзивилломъ опущенныя, можно отчасти заключить изъ приведенныхъ въ дневникѣ заключительныхъ словъ Терлецкаго; „пусть,—говорилъ онъ,—обратятся (православные) въ католицизмъ; и тогда навѣрное не будутъ оскорбляться моими словами [1]). Очевидно, „апостолъ уніи" разразился обычными въ его устахъ „поносными словами" по адресу православной церкви, мало стѣсняясь даже и присутствіемъ короля.

Но сочувствіе послѣдняго, повидимому, и на этотъ разъ было на сторонѣ православныхъ. Это видно изъ разсказа Радзивилла, съ прискорбіемъ имъ передаваемаго, „о справѣ Полоцкой". Дѣло состояло въ слѣдующемъ. Полоцкіе уніаты во время коронаціи Владислава IV выхлопотали подтвержденіе грамоты Сигизмунда III, которою присутствіе въ магистратѣ (т. е. избраніе на магистратскія должности) предоставлялось только католикамъ и уніатамъ. Православные обвиняли въ этомъ своего мѣстнаго посла на сеймъ (очевидно, католика), который учинилъ „измѣну" противъ данной ему инструкціи, и такъ какъ „означенный артикулъ" помѣщенъ въ королевской грамотѣ вопреки давнѣйшихъ привилегій г. Полоцку, просили объ его уничтоженіи. Дѣло объ этомъ перешло на такъ называемый реляціонный судъ (бывшій во время сейма), гдѣ обыкновенно предсѣдательствовалъ самъ король. Присутствовалъ на судѣ въ качествѣ сенатора и Радзивиллъ. Послѣдній сильно стоялъ за уніатовъ, говоря, что помянутая грамота „славной и святой памяти Сигизмунда, отца настоящаго короля, можетъ быть признаваема за декретъ, а поэтому, вслѣдствіе сыновней любви, король обязанъ не отмѣнять столь святого отеческаго декрета". Но Радзивиллъ увидѣлъ „гнѣвливое королевское лицо" и ничего не могъ достигнуть „у предубѣжденнаго короля, желавшаго кассировать тотъ декретъ, и едва упросилъ время на размышленіе до будущаго судебнаго засѣданія".—До какой степени королю, окруженному сановниками въ родѣ Радзивилла, трудно было стоять на высотѣ своего положенія и осуществлять мѣропріятія, направленныя къ религіозному умиротворенію своихъ подданныхъ,—видно изъ дальнѣйшаго разсказа Радзивилла, который и приводимъ здѣсь въ полномъ видѣ. „Вечеромъ,—пишетъ въ дневникѣ Радзивиллъ,—я пошелъ къ королевѣ и обратился къ ней съ просьбою, чтобы она отклоняла

---

[1]) Pamiętniki Radziwiłła. I. 421—422.

короля отъ склонности и пріязни къ еретикамъ и схизматикамъ, потому что онъ обнаруживаетъ явное пристрастіе къ нимъ, какъ въ дѣлѣ полоцкомъ, такъ и въ дѣлѣ о безпорядкахъ въ Вильнѣ. Иначе (если король не оставитъ своихъ намѣреній) должно опасаться, какъ бы Всевышній Богъ, вслѣдствіе пренебреженія его славою, не предалъ королевскій домъ превратностямъ. Послѣ этихъ словъ тяжко и жалостно вздохнула королева и сказала: „не по людскому разсудку поступаетъ такъ король: я опасаюсь, *не ослѣпленъ ли онъ чарами отъ еретиковъ*; однако буду стараться при благопріятномъ случаѣ вселять въ него большее расположеніе къ католикамъ.“ [1])

Есть въ дневникѣ Радзивилла извѣстіе и о томъ, что въ посольскомъ колѣ поднялись было голоса о лишеніи Киселя депутатскихъ полномочій. [2]) Такое заявленіе дѣлаемо было и на сеймѣ 1638 г. [3]) Въ обоихъ случаяхъ предлогомъ къ устраненію Киселя отъ участія въ сеймовыхъ совѣщаніяхъ выставлялись юридическія основанія. Но, вѣроятнѣе всего, коренная причина означенной попытки, исходящей изъ латино-уніатскаго лагеря, заключалась въ желаніи лишить православныхъ самаго виднаго и энергичнаго защитника ихъ интересовъ. Ясный намекъ на это дѣлаетъ самъ Радзивиллъ, когда называетъ Киселя (при разсказѣ объ означенномъ случаѣ) „нарушителемъ покоя и совѣщаній“ (turbatorem pokoiu i obrad), безъ сомнѣнія, имѣя въ виду рѣшительные его протесты не приступать ни къ какимъ совѣщаніямъ на сеймѣ прежде, чѣмъ не удовлетворены будутъ требованія православныхъ. Означенныя попытки ультра-католической партіи „избавиться отъ нарушителя покоя“ успѣха не имѣли (въ противномъ случаѣ православные, разумѣется, немедленно „сорвали бы сеймъ“). Дѣло православныхъ, по свидѣтельству бывшаго на сеймѣ мстиславскаго епископа С. Коссова, приняли было благопріятный оборотъ и уже проектирована была конституція, которою подтверждались статьи примиренія и привилегіи, данныя православнымъ на основаніи конституціи 1635 г., кассировались процессы, начатые по дѣламъ религіознымъ, а главное, „церкви, которыя были во владѣніи православныхъ и потомъ отъ нихъ отобраны, вновь возвращались имъ,“ и на будущее время дѣла о правонарушеніяхъ по дѣламъ религіознымъ (о чемъ сильно хлопотали православные) должны были непосредственно восходить на

[1]) Ibid. I. 433.

[2]) Ibid. I. 425.

[3]) Діаріушъ сейма 1638 г.

обсужденіе сейма.— [1]). „Но врагъ душевный—писалъ С. Коссовъ къ Петру Могилѣ, очевидно, по какимъ-то обстоятельствамъ на этотъ разъ не бывшему на сеймѣ—врагъ душевный, который привыкъ вредить, если что наиполезнѣйшее дѣлается для святой церкви, постарался объ этомъ и теперь, когда уже на семъ сеймѣ намѣчена была весьма благопріятная для насъ конституція.“ [2]). Очевидно, въ данномъ случаѣ Коссовъ имѣетъ въ виду неблагополучный исходъ сейма, который—какъ мы сказали—былъ при окончаніи его сорванъ. Такимъ образомъ и означенная конституція оставалась мертвою буквою.

Слѣдующій общій сеймъ созванъ былъ въ самомъ скоромъ времени послѣ неудавшагося сейма 1639 года, въ виду неотложной необходимости, именно—„небезпеченства отъ поганъ“ (турокъ), уже опустошавшихъ южныя окраины государства. На этомъ сеймѣ былъ и Петръ Могила. Кромѣ общихъ нуждъ церкви, побуждавшихъ митрополита лично присутствовать почти на всѣхъ предшествовавшихъ сеймахъ, въ данное время были и особыя обстоятельства, требовавшія личнаго его присутствія на сеймѣ предстоявшемъ. Въ самомъ Кіевѣ,—городѣ наиболѣе огражденномъ отъ посягательства латино-уніатской партіи,—произошелъ крайне прискорбный для православныхъ случай. „Въ первый понедѣльникъ великаго поста,—читаемъ въ письмѣ Петра Могилы къ могилевскимъ братчикамъ,—когда студентъ Ѳедоръ Гоголевскій шелъ черезъ рынокъ, его схватили и повлекли въ замокъ. Когда спрашивали, почему такъ поступлено, намѣстникъ (кіевскаго воеводы) выставилъ своего слугу, сыщика, который, на основаніи незначительной ссоры съ кѣмъ-то въ корчмѣ, доказывалъ, будто бы проходившіе ночью студенты сдѣлали нападеніе на домъ (корчму) и кого-то ранили. Намѣстникъ, не произведши никакого разслѣдованія и даже несмотря на то, что не было никого и раненаго (битаго), тотчасъ приказалъ обезглавить студента“.—Все это случилось въ отсутствіе митрополита изъ Кіева. Петръ Могила былъ чрезвычайно огорченъ и возмущенъ означеннымъ поступкомъ гражданской власти. Дѣло касалось любимаго его дѣтища—кіевской коллегіи, и самыя дѣйствія намѣстника, явно враждебныя по отношенію къ коллегіи, а главное противозаконныя (безъ разслѣдованія дѣла), вызывая естественныя опасенія, что подобные случаи могутъ повторяться и на будущее время, могли произвести панику въ средѣ учащейся молодежи. Митрополитъ такъ и посмотрѣлъ на это дѣло.

---

[1]) Рукоп. сборникъ библ. Кіево-Печер. лавры; № 20 л. 21 об.

[2]) Ibid. л. 16 об.

Въ упомянутомъ письмѣ онъ означенный поступокъ намѣстника объясняетъ кознями кіевскаго воеводы (Тышкевича) и вообще враговъ православія, которые, досадуя, что въ кіево-могилянской коллегіи обучается великая „громада“ молодежи, и предвидя, что, обучившись, она *ясно можетъ показать всему свѣту правду и могущественно будетъ оборонять православную церковь*, рѣшили взвести клевету на какого-либо студента означенной коллегіи, обвинивъ его въ криминальномъ преступленіи. Намѣстникъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ по приказанію воеводы; быстрою казнью Гоголевскаго—безъ суда и слѣдствія—имѣлось въ виду устрашить остальныхъ студентовъ, „чтобы они разбѣглись по другимъ училищамъ, въ которыхъ прежде обучались [1]).—Такъ же горячо принято было къ сердцу печальное извѣстіе о казни Гоголевскаго и другими лицами, близко стоявшими къ коллегіи. Сильвестръ Коссовъ, въ своемъ отвѣтѣ на письмо П. Могилы съ извѣстіемъ объ означенномъ событіи, горько оплакиваетъ *„разбойничье дѣянье“* кіевскаго воеводы и даетъ совѣтъ всѣми силами стараться, чтобы на будущее время противъ подобныхъ дерзкихъ поступковъ установлены были Рѣчью Посполитою соотвѣтствующія кары. „Я самъ—пишетъ Коссовъ—не полѣнился бы отправиться на сеймъ, еслибы тому не препятствовали мое крайнее убожество и бремя лежащихъ на мнѣ долговъ, возложенное на меня лжебратіями (уніатами)“ [2]).

Не богатъ былъ деньгами въ это время и Петръ Могила. Отправляясь на сеймъ съ жалобою на кіевскаго воеводу и его клевретовъ, а также съ ходатайствами по обще-церковнымъ дѣламъ, „готовый для цѣлости церкви правдивой и здоровье свое кончити,“ —онъ обращался къ могилевскому братству (и, вѣроятно, къ другимъ) съ просьбою оказать ему денежное вспомоществованіе, потому что неоднократныя поѣздки его на сеймы, необходимыя въ интересахъ православія, совершенно истощили его денежныя средства. „Продковъ моихъ, господаровъ, скарбци на то пошли; клейнотовъ, злота, сребра ничого ми отчистого не зостало.“ Между тѣмъ безъ денегъ на сеймахъ трудно достигнуть успѣха: „таковые рѣчи безъ швайцы (шило) золотое зшитися не могутъ“. [3])

---

[1]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губ. № 112, стр. 223 и слѣд.

[2]) Рукоп. сборн. библ. Кіево-Печ. лавры; № 20, л. 17.

[3]) Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ Минской губ. № 112, стр. 226.

Сеймъ 1640 года созванъ былъ исключительно въ виду угрожавшей государству опасности отъ татаръ. Всякія разсужденія о другихъ предметахъ при сеймовыхъ совѣщаніяхъ не должны были имѣть мѣста. Но при той жгучести религіозныхъ вопросовъ, которая присуща была тому времени, и эти вопросы не разъ поднимаемы были на сеймѣ. Первый починъ къ волненіямъ изъ-за религіозныхъ вопросовъ произвело лицо, отъ котораго, повидимому, всего менѣе слѣдовало бы ожидать этого,—канцлеръ Оссолинскій. Когда, предъ началомъ сеймовыхъ совѣщаній, больной король на ложѣ внесенъ былъ въ палату сената и начаты были рѣчи о жалованьѣ войскамъ и средствахъ для борьбы съ турками и татарами, Оссолинскій обратился къ королю съ слѣдующею рѣчью: „О чемъ другомъ я могу напомнить тебѣ, найяснѣйшій король, какъ не о томъ, отъ чего должно начинать всѣ наши дѣла и совѣщанія, т. е. о славѣ Божіей и цѣлости святой церкви? А такъ какъ въ настоящее время обѣ онѣ безбожно нарушены, то необходимо пристойнымъ образомъ снять съ себя это прегрѣшеніе, въ противномъ случаѣ всѣ наши проекты и бесѣды, весь государственный строй, всѣ опредѣленія и распоряженія обратятся въ дымъ, а отчизна и мы сами въ пепелъ. Когда ваше королевское величество намѣреваешься поднять святой крестъ на непріятелей, когда хочешь церкви и наслѣдіе Божіе исторгнуть изъ рукъ язычниковъ,—нужно предварительно столь благочестивому государю въ своемъ государствѣ на то обратить вниманіе, чтобы самого Бога освободить отъ поношенія и поруганія. Тогда не только тотъ внѣшній непріятель, хотя и сильный, но и самъ адъ и весь міръ, хотя бы и на части разсыпался, не будутъ намъ страшны. Знаетъ Богъ, какъ малою горстію людей охранять свою славу. Кто желаетъ видѣть примѣры этого, пусть обратится къ библіи и богословамъ; мнѣ, человѣку свѣтскому, достаточно только напомнить о томъ, чего требуетъ обязанность христіанская и католическая по отношенію къ Богу и святой вѣрѣ, которую, когда ваше королевское величество, согласно лежащему на тебѣ долгу, не допустишь до попранія, Господь Богъ воздвигнетъ упадшее твое здоровье и силы на побѣды и тріумфы!“ [1]).

Поводомъ къ произнесенію такой рѣчи послужило слѣдующее обстоятельство. Въ Вильнѣ, во время свадебнаго пира у одного протестантскаго пастора, перепившіеся кальвинисты стали стрѣлять изъ лука въ находившійся противъ пасторскаго дома католическій костелъ.

[1]) Kibal. Jerzy Ossolinski. I. 220 (на основаніи рукоп. библ. Dzieduszyckich).

Когда разнеслась объ этомъ вѣсть, католическое простонародіе кинулось на кальвинистскую кирху и ограбило рядомъ стоящій съ нею домъ. Начался процессъ. Кальвинисты съ запальчивостью обвиняли въ происшедшемъ возмущеніи католиковъ, а послѣдніе съ неменьшею страстностью возлагали всю вину на кальвинистовъ [1]).

Подобныя происшествія въ Польшѣ, при тогдашнемъ разгарѣ религіозныхъ страстей, не были рѣдкостью, и нужно замѣтить, что почины къ такимъ „бунтамъ" большею частію дѣлаемы были іезуитскими студентами, зачастую оскорблявшими святыни другихъ вѣроисповѣданій. Такимъ образомъ происшествіе не выходило изъ ряда обычныхъ,—и во всякомъ случаѣ на сеймѣ, созванномъ исключительно для обороны государства отъ наступившаго врага, не естественно было министру короля заявлять, что опасность отъ означеннаго врага гораздо меньше, чѣмъ отъ нѣсколькихъ напившихся кальвинистовъ. Чтобы понять поступокъ Оссолинскаго, нужно имѣть въ виду, что въ разсматриваемое время значеніе его при дворѣ пошатнулось, съ сенаторами установились отношенія натянутыя, попытки сблизиться съ „коломъ посольскимъ" успѣхомъ не увѣнчались. Онъ началъ терять почву подъ ногами и, какъ человѣкъ крайне честолюбивый, желая возвратить утрачиваемое положеніе государственнаго дѣятеля, рѣшился примкнуть къ сильной поддержкою изъ Рима ультра-католической партіи. Интересамъ означенной партіи съ этого времени онъ и начинаетъ служить, осыпаемый похвалами отъ „апостольскаго сѣдалища".

Если Оссолинскій нашелъ небезвременнымъ въ личныхъ своихъ интересахъ выдвинуть на сеймѣ 1640 г. вопросы религіозные, тѣмъ съ большимъ основаніемъ могли сдѣлать это православные въ виду указанныхъ нами правонарушеній со стороны латино-уніатовъ. Главнымъ предметомъ горячихъ преній со стороны православныхъ служило нарушеніе „статей примиренія," выразившееся, между прочимъ, въ незаконномъ отнятіи у нихъ Люблинской церкви. А. Радзивиллъ, присутствовавшій и на этомъ сеймѣ, подъ 5-мъ числомъ мая пишетъ: „Религія греческая причиняла много безпокойствъ посламъ; ибо владыка холмскій отнялъ церковь въ Люблинѣ у схизматиковъ, которые старались объ ея возвращеніи. Когда всѣ совѣтовали имъ домогаться этого обычнымъ судебнымъ порядкомъ, посолъ Кисель, схизматикъ, возсталъ противъ сего, утверждая, что чрезъ такой поступокъ pacta conventa нарушены, и права православныхъ должны

---

[1]) Pamiętniki Radziwiłła, t. II, str. 2, 14, 21, 23.

быть возстановлены сеймомъ." Подъ 13-мъ числомъ мая у того же Радзивилла читаемъ: „Трудное Люблинское дѣло относительно отнятія у схизматиковъ церкви поручено было депутатамъ отъ сената и рыцарства. Тѣ донесли королю, что фундація означенной церкви была безъ обычнаго разрѣшенія властей, а потому не принадлежитъ ни схизматикамъ, ни уніатамъ; такимъ образомъ, все это дѣло скорѣе было бы окончено, еслибы, отказавши обѣимъ сторонамъ, присудить церковь католикамъ. Но въ это время одинъ изъ бискуповъ, *къ соблазну всѣхъ католиковъ, началъ говорить въ пользу схизматиковъ*, и дѣло на сеймѣ такъ и не кончилось" [1]).

Безъ сомнѣнія, достигавшіе до Варшавы слухи о все болѣе и болѣе увеличивавшейся опасности отъ татаръ побудили православныхъ депутатовъ, склоняемыхъ къ тому просьбами короля, отложить свои петиціи по жгучимъ религіознымъ вопросамъ до будущаго сейма и не препятствовать разсужденіямъ о неотложномъ дѣлѣ—„охранѣ государства." Дѣйствительно, сеймовая конституція 1640 года посвящена исключительно подробному изложенію мѣропріятій, относящихся къ означенной охранѣ. [2])

Во время сейма 1640 года православными, по ихъ просьбамъ, получено было только нѣсколько частныхъ грамотъ, выдача которыхъ зависѣла отъ короля. Такъ, напр., Петромъ Могилою исходатайствована была въ это время грамота Владислава IV, жалующая Кіево-Братскому монастырю двѣ церкви въ Кіевѣ — Трехсвятительскую и Воздвиженія Честнаго Креста со всѣми принадлежащими къ нимъ угодьями [3]). Надо полагать, въ это же время испрошенъ былъ имъ „листъ" и къ кіевскому воеводѣ съ наказомъ не чинить такихъ безправій, какія обнаружены были въ дѣлѣ студента Гоголевскаго. По крайней мѣрѣ съ этого времени до самой кончины Петра Могилы свѣдѣній о какихъ-либо притѣсненіяхъ со стороны гражданской власти по отношенію къ кіевской коллегіи и вообще относительно православныхъ кіевлянъ, мы не встрѣчаемъ.

Но въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ во главѣ латино-уніатской партіи стояли лица, привыкшія игнорировать распоряженія короля, клонившіяся къ умиротворенію „людей, разрозненныхъ въ вѣрѣ",— православные продолжали терпѣть опрессіи. Въ особенности, какъ

---

1) Ibid. II, 12—13.

1) См. сеймовую конституцію означеннаго года.

1) Памятники Кіев. комм. т. II, ч. 1, стр. 144.

и въ предшествующее время, имъ приходилось много испытывать притѣсненій въ городахъ, входившихъ въ составъ холмской (уніатской) епархіи. Здѣсь отношенія между православными и уніатами были крайне обострены, и чаша долготерпѣнія первыхъ, гонимыхъ Терлецкимъ, нерѣдко переполнялась, слѣдствіемъ чего были открытыя возмущенія православныхъ противъ означеннаго „апостола уніи" и его клевретовъ. Считая попытки православныхъ отобрать отъ уніатовъ отчужденныя отъ нихъ королевскими коммиссіями церкви бунтами и придавая этимъ попыткамъ характеръ противо-государственныхъ и уголовныхъ преступленій, Терлецкій вчинилъ цѣлый рядъ исковъ противъ ревнителей православія и, находя себѣ поддержку въ судебныхъ учрежденіяхъ, наполненныхъ папистами, почти всегда выигрывалъ дѣло. Православные подвергались штрафамъ, тюремнымъ заключеніямъ, а иногда даже (когда обвинялись въ оскорбленіи латино-уніатской святыни) изрекаемы были противъ нихъ и смертные приговоры. Мы уже сказали выше, что казовыя послѣдствія этой борьбы Терлецкаго съ православными были для него благопріятны: во избѣжаніе наказаній обвиняемые признавали надъ собою власть холмскаго уніатскаго епископа, и его словесное стадо численно значительно увеличивалось. Но стадо это, загнанное въ овчарню „новаго Зороавеля" бичами и скорпіонами, не было стадомъ послушнымъ: оно ненавидѣло унію, и при первой возможности накипѣвшая въ сердцахъ злоба противъ „гонителя благочестія" (православія) ярко выступала наружу. Намъ нѣтъ надобности подробно излагать борьбу православныхъ съ этимъ епископомъ-фанатикомъ. Но для характеристики этой борьбы и въ особенности отношеній православныхъ къ Терлецкому считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько фактовъ, случившихся около разсматриваемаго нами времени «Простонародье (plebs) г. Тышковицъ—читаемъ въ протестаціи. Терлецкаго—учинили заговоры и произвели возмущеніе съ цѣлью возстановленія здѣсь схизмы: напали на церковь, выгнали изъ нея поповъ, въ святой уніи находящихся, заграбили всю церковную утварь и, разнесши ее по домамъ, понадѣлали изъ нея домашнихъ вещей» [1]). Словесное стадо Терлецкаго въ г. Парчевѣ позывалось къ суду за то, что отказалось приносить новопоставленнымъ отъ него уніатскимъ попамъ добровольныя приношенія, не приглашало ихъ для требоисправленій, оскорбляло словами и дѣйствіями, рас-

---

[1]) Древніе акты Холмс. епархіи (въ Холмскомъ церковно-арх. музеѣ) т. I. Выдержки изъ докум. см. въ статьѣ о. Стефана Семеновича („Холмско-Варшавскій епарх. Вѣстникъ", 1881 г. № 24, стр. 398).

таскало и присвоило себѣ церковныя вещи [1]).—Въ Сокалѣ запечатанныя Терлецкимъ церкви были распечатаны и церковная утварь изъ нихъ „схизматиками" унесена и скрыта; а „сакраментъ", освященный уніатскимъ священникомъ, будто-бы выброшенъ былъ in aedibus abiectis [2]). Въ особенности весьма интересны судебныя показанія семнадцати свидѣтелей о сопротивленіи, оказанномъ жителями г. Бельза Меѳодію Терлецкому при попыткѣ его подчинить ихъ своей власти. Приведемъ первое изъ этихъ свидѣтельскихъ показаній въ полномъ видѣ.

Во-первыхъ, „славетный" Петръ Грушевскій, гражданинъ и бывшій бургомистръ Белзскій, по приведеніи къ присягѣ, показалъ слѣдующее: „Мнѣ хорошо извѣстно, что когда въ прошлую пятницу вечеромъ пріѣхалъ въ здѣшній городъ (Бельзъ) превелебный отецъ владыка холмскій и белзскій, въ тотъ же день пріѣхалъ сюда же, не знаю откуда, Симеонъ Казаникъ и далъ знать попамъ церквей Никольской, Пятницкой и Свято-Духовской, что холмскій владыка прибудетъ въ пятницу, а также извѣстилъ объ этомъ и прихожанъ означенныхъ церквей, которые тотчасъ же, подущаемые къ тому Дацкомъ Панчукомъ, Сенькою Туржикомъ, а также Пархицкимъ, прихожанами Свято-Духовской церкви,—собравшись ночью съ пятницы на субботу, позакладали бревнами двери двухъ церквей, Свято-Духовской и Пятницкой, и ходили изъ дома въ домъ, упрашивая, чтобы каждый прихожанинъ съ бронею и оружіемъ, кто какое имѣетъ, выходили къ тѣмъ церквамъ на стражу; тогда и меня самого Сихничекъ съ Войтовской улицы просилъ, обратившись съ слѣдующими словами: „Ратуй (защити) насъ отъ того поганина, уніата!" Потомъ утромъ, въ воскресенье, когда владыка послалъ своихъ отцовъ (священниковъ) къ церкви, имѣя въ виду совершить въ ней богослуженіе, прихожане означенныхъ трехъ церквей подняли тревогу и во множествѣ собрались около каждой церкви, мужчины и женщины, съ палками, кочергами, кольями, которыхъ наготовили не мало. Когда приблизились сюда упомянутые отцы, прихожане означенныхъ церквей бросились на нихъ (отцевъ), толкая и ругая: „дай Богъ, чтобы несчастье напало на того уніата злодѣя! Не достоинъ онъ отворить наши церкви и не допустимъ его до этого, хотя бы насъ казнили, поотрубивши головы, потому что онъ

---

[1]) Ibidem.

[2]) Древніе акты Холмской епархіи (въ холм. церковно-арх. музеѣ) т. I.

намъ не пастырь." Слышалъ я также набатъ при Пятницкой церкви, произведенный съ цѣлью, чтобы другіе обѣгались къ ней" [1]).

Показанія остальныхъ свидѣтелей въ существенныхъ чертахъ сходны между собою и отличаются одно отъ другого только нѣкоторыми незначительными подробностями. Несмотря на то, что большинство этихъ показаній дано было католиками, въ ихъ справедливости сомнѣваться нельзя. Въ глазахъ православныхъ Терлецкій дѣйствительно былъ *злодѣемъ*, *поганиномъ*, *псомъ*, *собакою*,— и, доведенные его поступками до крайняго раздраженія, они, не обинуясь, во всеуслышаніе и надѣляли его подобными эпитетами.

С. Голубевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

[1]) Ibidem.

Письма Ѳ. Г. Лебединцева къ брату въ Кіевъ.

1866 годъ.

Письмо 1.[1]).

Видно, въ тяжелый день я выѣхалъ въ Варшаву, что, воротившись оттуда, до сихъ поръ не соберусь написать вамъ. Все отчеты, да разныя текущія дѣла, а недавно въ Люблинъ ѣздилъ, также по дѣламъ.

Въ Варшаву, какъ я писалъ уже, Витте звалъ по случаю пріѣзда Милютина[2]). Видѣлъ же я сего великаго дѣятеля по дѣламъ Польши, — сперва въ его квартирѣ, въ Брюлевскомъ дворцѣ, куда возилъ меня Витте, потомъ на обѣдѣ у Витте, потомъ у Черкасскаго и, наконецъ, на балѣ у Намѣстника, куда и азъ многогрѣшный затесался. Прехорошій человѣкъ, чрезвычайно ласковый и привѣтливый. Много распрашивалъ онъ меня о галичанахъ, и много добраго успѣлъ я сдѣлать для нихъ чрезъ него. Милютинъ, по моему представленію, согласился снабжать чрезъ меня галичанъ русскими книгами на счетъ правительства,—предоставить имъ стипендіи въ университетахъ, допускать въ Холмскую гимназію и на педагогическіе курсы и даже въ гражданскую службу. Завязать такую связь необходимо, о чемъ когда-нибудь на досугѣ буду писать пространнѣе. Жаль, что Черкасскій подозрительно смотритъ на галичанъ и всѣ славянскіе народы называетъ мошенниками, попрошайками. Впрочемъ, предъ

---

[1]) См. Кіев. Стар. 1898 г., № 3.

[2]) Николай Алексѣевичъ, статсъ-секретарь по дѣламъ Царства Польскаго.

Милютинымъ и онъ склоняется. Недавно, говорятъ, вышла въ Варшавѣ слѣд. картина, произведеніе какого-то русскаго чиновника: летитъ борзый конь, копытами мечетъ во всѣ стороны, топчетъ всѣхъ попадающихъ подъ ноги, бьетъ и по сторонамъ. Бергъ стоитъ въ сторонѣ въ испугѣ, Треповъ держится рукою за окровавленную свою щеку и хватаетъ за поводья, Витте отскочилъ вбокъ, закрывшись рукою и почти припавъ къ землѣ; прочіе, кто куда попалъ; конь съ головою Черкасскаго, а на конѣ сидитъ Милютинъ и съ чрезвычайнымъ напряженіемъ силится удержать поводьями и мундштукомъ.

Удалось кое-что и для гимназіи сдѣлать чрезъ Милютина. Разрѣшено дать деньги на медицинскія пособія; число и размѣръ стипендій предоставлены моему усмотрѣнію, съ тѣмъ, что деньги будутъ давать по моимъ представленіямъ.

Черкасскій отдалъ флигеля піарскіе, о которыхъ безуспѣшно хлопоталъ я и Витте цѣлыхъ 8-мъ мѣсяцевъ. Согласился онъ также на перепечатаніе Слова къ народу каѳолическому или Народовѣщанія, оставленнаго мною во Львовѣ, и деньги обѣщалъ. Обѣщалъ также деньги на изданіе матеріаловъ и свѣдѣній о Холмщинѣ, что, мимоходомъ замѣчу, возможно было бы только съ переселеніемъ сюда В. Б. Антоновича. Впрочемъ, давняя клевета уніатовъ оставила свои послѣдствія. Такъ, онъ возставалъ противъ моей рѣчи, похваленной въ Варшавѣ всѣми и даже Милютинымъ, по разсказу Бѣлозерскаго и Кулиша. Такъ, мнѣ лично высказалъ такое мнѣніе, будто бы я стараюсь обращать въ православіе, на что я ему отвѣчалъ, что оставилъ безъ дѣйствія даже нарочитыя просьбы по этому предмету двухъ или трехъ учениковъ. Ефиму М. замѣтилъ, будто я отмежевалъ себѣ огромную квартиру — комнатъ 100, на чемъ и Ефимъ М. его опровергъ. Главная причина его недовѣрія и нѣкотораго неудовольствія заключается, кажется, въ Сидорскомъ.... Дѣло въ томъ, что Черкасскій еще въ самомъ началѣ поставилъ намъ какъ бы въ обязанность вести переписку съ Сидорскимъ. Я писалъ очень рѣдко, Ефимъ М. очень часто, въ результатѣ вышло одно и то же мнѣніе о Сидорскомъ; но Сидорскому не по вкусу

пришлось мое отношеніе къ нему—далекое. Проигралъ-ли я отъ этого, сказать не могу. По крайней мѣрѣ и Ефимъ М. далъ себѣ слово не писать къ Сидорскому.

Витте по прежнему добръ и ласковъ ко мнѣ, и дай Богъ, чтобъ такъ было и на будущее время. Представили насъ къ орденамъ на шею, да доселѣ не выходятъ. Вѣрно, и не выйдутъ уже. Вилуевъ недавно писалъ мнѣ: ждемъ на дняхъ, или отложатъ до Пасхи; скорѣе, впрочемъ, надо ожидать послѣдняго.... Вилуевъ представленъ въ д. с. совѣтники. О томъ, что Витте и Михневичъ получили Станистава 1-й ст. еще лѣтомъ, вы, конечно, знаете. Мы съ Ефимомъ М. еще въ ноябрѣ утверждены въ должностяхъ директоровъ, а то были pełniącymi obowiązki (исправляющими должность).

Былъ я однажды у преосвящ. Іоанникія и не засталъ его дома, а въ другой разъ совершенно некогда было. На выѣздѣ, когда я почти садился на почтовую телѣжку, онъ прислалъ мнѣ образъ Божіей Матери въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ и просфору. Идти къ нему невозможно было; пришлось ограничиться благодарственнымъ письмомъ изъ Холма.

Хочу, впрочемъ, утѣшить его *братствомъ*, которое онъ, побуждаемый Св. Синодомъ, очень хотѣлъ бы видѣть въ Холмѣ. Жаль, что все некогда приняться за это и мнѣ желательное дѣло.

Вспомнимъ кстати: познакомился я въ Варшавѣ съ извѣстнымъ Сушковымъ, который пріѣзжалъ туда по порученію Св. Синода для устройства тамъ правосл. семинаріи, братства и вообще по дѣламъ православія. Синодъ хотѣлъ бы немедленно обращать уніатовъ въ православіе. Черкасскій поэтому страшно сердился и о Сушковѣ говорилъ мнѣ, что если пріѣдетъ въ Холмъ, то просто не пускайте. Въ этомъ случаѣ Черкасскій болѣе правъ, чѣмъ преосвящ. Іоанникій и Сушковъ. И Рѣпнинъ писалъ когда-то, что „дѣла вѣры весьма суть деликатны“, а тутъ хотѣли бы просто за горло брать. Іоанникій довѣрчивъ до наивности. Въ Сѣдлецкой дирекціи жандармы и козаки, по распоряженію военныхъ начальниковъ, выгоняли народъ на встрѣчу

его; а онъ принялъ это за наличную монету. Мнѣ лично разсказывалъ пренабожный жандармскій полковникъ, какъ въ деревнѣ Люховѣ, за отсутствіемъ православныхъ, *„подпустили* маленько“ поляковъ, чтобы церковь не была пуста во время архіерейскаго служенія. Тутъ вотъ никакъ не добьются проповѣди на русскомъ языкѣ. Недавно военные участковые начальники созывали ксендзовъ уніатскихъ для увѣщанія. Что же вышло? Тѣ упорно отказывались... Заговоривъ о мѣстныхъ событіяхъ, буду и продолжать. Недавно умеръ ректоръ Холмской семинаріи Шокальскій. Посадили бы на его мѣсто Криницкаго, доктора богословія, прибывшаго въ праздникъ изъ Галиціи чрезъ Варшаву и опредѣленнаго пока законоучителемъ гимназіи; но Калинскій при первомъ его появленіи запротестовалъ и формально требовалъ отъ меня, чтобы не допустить его къ чтенію уроковъ по той причинѣ, что онъ не имѣетъ отпуска отъ Львовскаго митрополита и никакихъ доказательствъ своего священства. Не знаю, что скажетъ Черкасскій.

Въ праздникъ Крещенія святили мы торжественно воду съ ружейной пальбой, а потомъ окроплена была гимназія. Когда мы расположились закусывать въ моей новой квартирѣ, внезапно ворвался уніатскій ксендзъ и съ яростію сталъ кропить во всѣ углы. Я принялъ его съ подобающею честью, чтобы избѣжать скандала.—Вообще ксендзы сильно возбуждены, особенно на Подлясьѣ. Это, впрочемъ, не помѣшало въ Бялѣ снять запрестольную картину убіенія Кунцевича, которая гоститъ теперь въ кабинетѣ Черкасскаго[1])... Благодарю васъ за ваши хлопоты по моимъ дѣламъ, а также за присылку брошюры И. Игн. Малышевскаго[2]) о придорожныхъ крестахъ; очень понравилась, хотя

---

1) Впослѣдствіи эта икона передана въ Румянцевскій музей въ Москвѣ, гдѣ и теперь хранится.

2) Извѣстный ученый, профессоръ кіевск. духов. академіи. Брошюра эта написана по поводу распоряженія гражданск. начальства о снятіи придорожныхъ крестовъ, ставленныхъ будто изъ подражанія римск. католикамъ. Г. Малышевскій въ этой брошюрѣ показалъ, что придорожные кресты древняго правосл. происхожденія у насъ появились еще при в. кн. Ольгѣ, и первый крестъ водрузилъ еще апостолъ Андрей на горахъ кіевскихъ.

слѣдовало бы еще прямѣе. Похилевича, о которомъ вы писали, теперь могу назначить и на 300 руб. Дѣло въ томъ, что, будучи въ Варшавѣ, я таки добился этой прибавки изъ 2000 р., которые на этотъ годъ даются въ мои руки на пособіе бѣднѣйшимъ школамъ. Завтра высылаю представленіе о прогонахъ Похилевичу, а въ воскресенье вышлю ему назначеніе. Штаты нашихъ канцелярій увеличены до 5-ти человѣкъ. Нѣтъ ли такого человѣка, который при хорошемъ почеркѣ пѣлъ бы басомъ? Басовъ очень скудно, а хочется хоръ смастерить. Жалованье письмоводителю 300 р. с.

Что было писано въ Голосѣ о протестѣ поляковъ противъ моего пріѣзда въ Львовъ, то справедливо, а писалъ К—ій, бывшій, кажется, учителемъ въ Полтавской гимназіи.

Галичане крѣпко просили меня о высылкѣ иконъ изъ Кіева на коммисію. Нельзя-ли устроить это дѣло съ Лаврою? Потрудитесь поговорить съ намѣстникомъ, да и митрополиту написать, если нужно. Я самъ хочу писать объ этомъ митрополиту. Во Львовѣ ужасающія латинствомъ и безобразіемъ иконы. Директоръ ставропигіи говорилъ мнѣ, что кіевскія иконы тамъ весьма желательны и были бы полезны; онъ же слезно просилъ о высылкѣ ихъ. Можетъ быть, Лавра что-нибудь и подарила бы.

Виленскій попечитель Корниловъ вызываетъ также учителей филологіи изъ Галиціи. Не захочетъ-ли и князь Ширинскій? Тамъ ихъ безъ счету.

27 Генваря—8 Февраля, 1866 г.

Письмо 2.

10—22 Марта 1866 г.—Г. Холмъ.

Начавшіяся перестройки, а главное—поѣздки въ Люблинъ и по дирекціи, помѣшали мнѣ отвѣтить вамъ своевременно. Тѣмъ болѣе благодаренъ вамъ за новое письмо и поздравленіе съ днемъ ангела моего. Воспоминаніе о моемъ рожденіи и крещеніи, о старичкѣ, крестившемъ меня, и блаженной памяти ро-

дителяхъ нашихъ подѣйствовало на меня на этотъ разъ какъ-то особенно грустно. Богъ знаетъ, почему съ нѣкотораго времени мнѣ слишкомъ часто приходитъ на мысль, что осталось жить гораздо меньше, чѣмъ прожилъ, а приближеніе новаго года моей жизни—39 еще неотвязнѣе стало наводить на эту мысль. Дай то Господи еще и еще пожить намъ въ добромъ здоровьѣ. Теперь только и жить, благодаря Бога за неисчислимыя Его милости.

Работа растетъ съ каждымъ днемъ, козни не уменьшаются, но ни на минуту я не чувствовалъ еще ни утомленія, ни тѣмъ болѣе охлажденія; напротивъ, съ каждой новой работой прибываетъ охота дѣлать и дѣлать. Поразила меня какъ-то вычитанная фраза: кто въ настоящее время не старался изобразить изъ себя полезнаго дѣятеля? И побоялся сего изреченія и молю Бога, чтобы трудъ мой не былъ безплоденъ.

Многое предстоитъ впереди. Вотъ гимназіи никакъ не укомплектуемъ. Странныя все случайности выходятъ: то Чепурковскій и соглашается, и отказывается по нѣскольку разъ, то за Гнипова отказывается Виленскій попечитель, не давая ему знать, а за Будкевича попечитель Кіевскій... А тутъ еще Витте по секрету пишетъ, что онъ вошелъ уже съ представленіемъ о преобразованіи Сѣдлецкой гимназіи и Грубешовскаго училища въ русскія заведенія; между тѣмъ и для женской гимназіи потребуются и классныя дамы и учители. Гдѣ взять людей, когда такъ много требуется ихъ разомъ, а ихъ насильно не пускаютъ? На математику назначенъ какъ-то очень скоро Малиновскій, учитель Полтавской семинаріи. Только духовенствомъ и пробавляемся, да уніатами. Пишете: не увлекаюсь ли я галичанами? Да тутъ и татарами увлекся бы! Впрочемъ, я самъ убѣжденъ, что скопленіе галичанъ (ихъ будетъ до 6-ти) въ Холмѣ не можетъ быть полезно и заблаговременно просилъ Витте разсортировать ихъ съ преобразованіемъ Грубешовскаго училища, Бѣльской прогимназіи и Сѣдлецкой гимназіи. Что Витте на это согласится, я не сомнѣваюсь; но не пишите о семъ Ефиму М., такъ какъ онъ не терпитъ галичанъ, а ему придется накинуть хоть одного.

Сегодня полученъ новый штатъ гимназіи и педагогическихъ курсовъ съ увеличеннымъ штатомъ. Грушевскій и Аристовъ будутъ получать по 1500 руб., а Леушинскій съ жалованьемъ помощника инспектора 1860 р. Пясецкій утвержденъ штатнымъ учителемъ педагог. курсовъ съ жалованьемъ въ 1200 р. Совѣстно мнѣ, что Соломоновскій съ такими же правами будетъ получать всего 500 р., а доселѣ былъ на 225 р. Учитель чистописанія изъ Прилукъ будетъ назначенъ къ намъ, а жалованья по новому штату 800 р. Сергіенко, я думаю, раскается.

На дняхъ я получилъ письмо отъ Милютина. Онъ пишетъ, что данную ему Витте выписку изъ моихъ писемъ о поѣздкѣ въ Галицію онъ, по важности содержащихся тамъ извѣстій, счелъ долгомъ повергнуть на Высочайшее усмотрѣніе, и что Его Величество, удостоивъ прочтенія сію выписку, соизволилъ собственноручно написать на ней: *Весьма любопытно*; причемъ прибавляетъ, что ему особенно пріятно сообщить мнѣ объ этомъ, а также порадовать извѣстіемъ, что всѣ мои представленія объ установленіи связи съ Галиціею и о снабженіи ея книгами увѣнчаются полнымъ успѣхомъ. О послѣднемъ онъ заповѣдуетъ секретъ величайшій и проситъ писать ему не по почтѣ, а по оккaзіи... Галиція засыпаетъ меня письмами. Все просятся въ учители. Сейчасъ получилъ письмо отъ почтеннѣйшаго Головацкаго съ присылкою книгъ для раздачи по школамъ... Калинскій цѣлый годъ не получаетъ жалованья[1]). Теперь онъ продаетъ все имущество, ибо въ буквальномъ смыслѣ ѣсть нечего.

Письмо 3.

6—18 Мая 1866 г. - Г. Холмъ.

Поѣздка по дирекціи, хотя и непродолжительная, а главное — домашняя суета по поводу начавшихся работъ помѣшали мнѣ

---

[1]) Жалованье Калинскому — номинату было прекращено за противодѣйствіе мѣрамъ правительства.

отвѣтить во время, такъ что я дождался, наконецъ, и второго письма вашего. Правда, и то сказать нужно, что теперь, когда высохло болото между Луцкомъ и Рациборовицемъ, письма ходятъ несравненно скорѣе.

Благодарю сердечно за поздравленіе съ орденомъ. Чувствуется особенное удовольствіе, когда подумаешь, что на прежней службѣ и до конца жизни этакой штуки не дождался бы. Правда, въ Польшѣ ордена раздаются направо и налѣво, особенно по Учредительному Комитету. Здѣсь штабсъ-капитаны-комиссары по крестьян. дѣлу и люди безчиновные получаютъ сразу на шею Анны, какъ это случилось и теперь; но я не смотрю на другихъ, а сужу по своему положенію. Совѣстно было ходить между ними съ голою шеею, или выставлять медаль въ память минувшей войны. По Учр. Комитету другое дѣло: тамъ изъ губ. секретарей и жалуютъ прямо въ надворные совѣтники, а изъ титулярныхъ въ статскіе.

Благодарю и за хлопоты ваши по высылкѣ учителей Похилевича и Тетеруковскаго. Разумѣется, что этого послѣдняго я опредѣлю теперь же и пошлю на мѣсто Смирницкаго... Когда то вы писали, что у меня дѣла идутъ медленно. Что дѣлать? Порядокъ такой. Школы открываются постепенно и слишкомъ медленно. Проходитъ часто полгода и болѣе въ перепискѣ. Вотъ я и держу давно переданныя мнѣ прошенія Кіевскихъ и другихъ семинаристовъ. Откроется школа, я назначаю и посылаю представленіе въ Комиссію о выдачѣ прогоновъ, а Комиссія въ Совѣтъ Управленія, а тотъ держитъ мѣсяца два, пока разрѣшитъ, да опять въ Комиссію, а Комиссія въ Губ. Правленіе, а то въ Губ. Казначейство, а это въ уѣздное, а уѣздное ко мнѣ и т. д. Теперь у меня изъ 120 прошеній осталось не болѣе 40. Вологжанамъ, Усть-сысольцамъ, Костромлянамъ и прочимъ подобнымъ я давно отказалъ, но земляковъ придержать необходимо, иначе придется *паркà парить*, такъ какъ мѣстный, негоднѣйшій запасъ давно истощился, а изъ Галиціи дозволено взять только 10—15.

Хлопоталъ я, какъ вамъ извѣстно, о зачисленіи всѣхъ вызываемыхъ семинаристовъ въ Варшавскую епархію безъ уволь-

ченія изъ духов. званія. Просьба моя исполнена, но за то мнѣ навязали два раза въ годъ доставлять архіерею свѣдѣнія объ ихъ успѣхахъ и поведеніи.

Одновременно съ этимъ вышло нѣчто въ забавномъ видѣ. Въ крѣпости Замостьѣ гарнизонными офицерами въ 1864 году учреждена русская школа. Православные ученики были большею частью незаконнорожденные, то нижнихъ чиновъ, то самихъ офицеровъ. Было немножко уніатовъ, попадались и католики. Въ прошломъ году, съ упраздненіемъ крѣпости, школа имѣла рухнуть за недостаткомъ денегъ и помѣщенія. Я исхлопоталъ 200 руб. ежегодно на содержаніе отъ правительства, выпросилъ временное помѣщеніе и каменный домъ крѣпостной навсегда, назначилъ учителя, священника опредѣлилъ законоучителемъ и блюстителемъ и выхлопоталъ ему жалованье. Не смотря на то, существующая тамъ издавна школа польская много мѣшала дѣлу русскому, и я рѣшился закрыть ее, но такъ, чтобы придать этому вполнѣ законный видъ и не возбудить ропота поляковъ. Такъ какъ этихъ послѣднихъ очень мало, и сами они безъ жидовъ, которыхъ до 4000, не въ состояніи были бы содержать школы, то я убѣдилъ жидовъ присоединиться къ русской школѣ и преобразовалъ ее въ двухклассную. Школа польская рушилась, но, кажется, что и русской грозитъ то же. Архіепископъ Іоанникій ни съ сего, ни съ того объявилъ, что эта школа церковно-приходская и должна находиться подъ вѣдѣніемъ консисторіи, а не дирекціи, которой онъ изъявляетъ только свою архипастырскую признательность за благотворное содѣйствіе. Коммисія утвердила постановленіе консисторіи по этому предмету и меня, по желанію Іоанникія, обязываетъ сообщать свои наблюденія два раза въ годъ и даже чаще. Слуга покорный! Какъ ни оскорбительно для меня это несправедливое дѣло, но я охотно отказался бы отъ замостьской школы, если бы она могла существовать подъ управленіемъ консисторіи. Но именно теперь ей грозитъ погибель. Жиды откажутся и пристанутъ снова къ школѣ польской, а между тѣмъ въ русской школѣ собственно русскихъ учениковъ очень мало, за окончательнымъ

выступленіемъ гарнизона. Пробовалъ я частно довести объ этомъ до свѣдѣнія Витте и Іоанникія, такъ они руками и ногами. Я рѣшился молчать...

Кстати о дѣлахъ уніатскихъ. Статью Антонія[1]) въ Холмскомъ мѣсяцесловѣ напечатали не даромъ. Только что получено распоряженіе о введеніи въ уніатскія церкви богослужебныхъ книгъ московскаго изданія. Предварительно военнымъ начальникамъ поручено переговорить объ этомъ съ уніатскими священниками. Надо ожидать страшной бури. Судя по тому, какъ принято ими предложеніе о проповѣди на русскомъ языкѣ, за которую и деньги давали, можно крѣпко сомнѣваться въ успѣхѣ этого новаго распоряженія. Калинскаго переводятъ въ Красноставъ, гдѣ пока ни одной души уніатской не осталось. Кажется, это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы посадить въ Холмѣ суффрагана съ саномъ епископа, разумѣется, человѣка сговорчиваго, а Калинскаго почетнымъ образомъ удалить отъ дѣлъ. Политика Черкасскаго въ этомъ отношеніи неразгаданна, да онъ ее никому и не открываетъ.

Строительныя работы давно начались, а съ ними безконечная суета. Разрѣшена пристройка къ реформатскому зданію, гдѣ имѣетъ быть женская гимназія. Когда откроютъ гимназію, неизвѣстно.. Уставъ не утвержденъ и, кажется, еще не посланъ на утвержденіе. Черкасскій страшно обрѣзалъ штатъ. Инспектору жалованья 150 р., а въ польскихъ гимназіяхъ 450 руб. Классныя дамы по 300 р., а въ Варшавѣ по 500 р. и даже въ польскихъ 360 руб. Я весьма радъ, что назначеніе классныхъ дамъ не предоставлено мнѣ, а главному директору. Гдѣ найти вообще классныхъ дамъ и при томъ на 300 руб. въ Польшу? Пусть себѣ ищутъ и назначаютъ.

Штаты нашихъ канцелярій, наконецъ, увеличили: дѣлопроизводитель 900 руб., бухгалтеръ 500 р., архиваріусъ 360 р.,

---

[1]) Бывш. Минскаго архіепископа, сотрудника митрополита Іосифа Сѣмашки въ возсоединеніи литовскихъ уніатовъ съ православною церковью.

писецъ высшаго разряда 300 р., писецъ низшаго 250 р., Станиславу[1]) 120 руб. Новыхъ чиновниковъ наберу изъ учителей элементарныхъ школъ, въ виду того, что вызываемымъ на службу по канцеляріямъ на переѣздъ не даютъ ничего... Дахновичъ просился въ Сѣдлецкую гимназію: Черкасскій, чтобы удержать его здѣсь, прибавляетъ жалованья 500 руб. ad personam, и заграницу на лѣченіе на казенный счетъ посылаетъ.

Теперь позвольте безпокоить васъ нѣкоторыми порученіями: во 1-хъ, прошу отыскать хорошаго регента для педагогическихъ курсовъ. Жалованье 500 руб., служба въ X классѣ; на дорогу должны дать рублей 100. Хорошо, если бы онъ и голосъ имѣлъ, а главное — чтобы на скрипкѣ игралъ. Требуется, кромѣ того, знаніе церковныхъ напѣвовъ, а не одного партеснаго пѣнія. Если будетъ хорошъ, современемъ и въ гимназіи можетъ занять уроки, гдѣ также 500 руб. жалованья. Тамъ пока учитъ пѣнію учитель латинскаго языка Позняковъ[2]), бывшій академическій регентъ.—Во 2-хъ, вышлите мнѣ 50 экз. книжицы *Кіев. пещеры и кіево-печерская лавра* — Сементовскаго, но поторгуйтесь съ нимъ, не можетъ-ли уступить по 4 или по 5 злотыхъ за штуку. Рубль цѣна высокая, при томъ это съ пересылкою, а на пересылку онъ кладетъ вѣрно не менѣе 25 копѣекъ. сереб. Книжки эти я хочу раздать въ награду лучшимъ ученикамъ элементарныхъ школъ и потому прошу выслать поскорѣе. Деньги вышлю тотчасъ по полученіи книгъ. — Въ 3-хъ, вышлите мнѣ одинъ экземпляръ печатаемаго Каллистратовымъ ирмолоя съ означеніемъ цѣны, чтобы я могъ сообразить, сколько экземпляровъ купить.

Сейчасъ пріѣхали Тетеруковскій и Похилевичъ. Съ іюня по сентябрь я вызываю въ Холмъ всѣхъ учителей уніатскихъ школъ, какъ мѣстныхъ, такъ галичанъ и нашихъ. Предстоитъ новая возня, но подучить необходимо.

---

[1]) Разсыльному при канцеляріи.

[2]) В. Позняковъ по окончаніи курса въ Кіев. Духов. Академіи былъ назначенъ учителемъ латин. языка въ Холмскую гимназію.

Что же, не поѣдете вы съ Галаганомъ во Львовъ, а оттуда чрезъ Краковъ и Варшаву въ Холмъ? Очень жаль, если это не случится. Подобные вояжи даютъ много. Въ одной Польшѣ стоитъ побывать. Не найдете-ли вы возможнымъ по крайней мѣрѣ въ Холмъ проѣхать? Павелъ Ѳедоровичъ, м. б., компанію составилъ бы, а мы душевно рады были бы такимъ гостямъ.

Кулишъ предлагалъ мнѣ купно съ нимъ собрать и издать томъ актовъ, а потомъ археографическую Коммисію образовать. Я отвѣчалъ, что положительно некогда. Правду вы говорили, что надо чего-нибудь одного смотрѣть.

Письмо 4.

26 Мая—7 Іюня 1866 г. Г. Холмъ.

Весьма благодаренъ вамъ за обстоятельный и скорый отвѣтъ. По возможности, спѣшу и самъ съ отвѣтомъ. Собственно же для насъ нуженъ знатокъ церковнаго пѣнія. Итакъ пригласите Петрашня. Пусть присылаетъ прошеніе на мое имя; я его и опредѣлю, а въ Коммисію донесу и буду просить о назначеніи денегъ на проѣздъ.

Что же еще привезъ Безакъ? Меня интересуетъ, увеличено-ли содержаніе Коммисіи. Витте недавно писалъ мнѣ о томъ, что Безсоновъ, предсѣдатель виленской археографической Коммисіи, другой разъ проситъ его изыскать средства для разработки актовъ люблинскаго архива и архивовъ холмскихъ. Спрашивая моего объ этомъ мнѣнія, онъ упоминалъ объ Антоновичѣ и выражалъ желаніе видѣть его даже учителемъ латинскаго или греческаго языка въ Холмѣ. Я отвѣчалъ, что нужно подождать, чѣмъ кончится дѣло объ увеличеніи штата Коммисіи... Въ Львовъ я напишу, чтобы списывались съ лаврою по поводу иконъ и книгъ. Знаю, что будутъ рады.

Прислалъ мнѣ, наконецъ, книги Ламанскій. Обѣщаетъ и еще. Проситъ и въ Буковину выслать. Съ недѣли отправляю съ жидомъ.

Милютинъ исхлопоталъ, наконецъ, 20 стипендій. Государь ассигновалъ на это собственныя деньги, поручивъ избрать благонадежнаго человѣка для выбора молодыхъ людей. Витте подавалъ по этому поводу записку Милютину, а тотъ Государю. Въ запискѣ благонадежнымъ человѣкомъ наименовали меня.

Въ прошломъ письмѣ я по ошибкѣ написалъ, что присланы богослужебныя книги для уніатовъ. Ошибся военный начальникъ: на самомъ дѣлѣ это проповѣди галиційскія. Ни одинъ однако ксендзъ не взялъ, кромѣ Войцицкаго. Одинъ даже спрашивалъ: *co to iest книга*?

Дѣти мои выучились у кого-то подражать католич. процессіямъ: забравши въ руки палки, либо книжки, ходятъ по комнатамъ и дерутъ во все горло. Алеша положительно утверждаетъ, что въ костелѣ не хорошо,—кричатъ и барабанятъ, а что нѣтъ лучше, какъ русская православная церковь.

Письмо 5.

Безъ даты. Май 1866 г.

Сегодня посылается къ вамъ оффиціальное письмо о семинаристахъ. Чтобъ не показалось вамъ страннымъ, считаю нужнымъ пояснить, что собственно такое письмо пришлось посылать о. Думитрашкову[1]) въ Полтаву, а вамъ сказалъ написать для выигрыша времени. Кого забракуете, тѣмъ всѣмъ вышлю отказъ. У насъ ничего особенно новаго. Въ Варшавѣ ждутъ Государя; но къ какому времени, и сами не знаютъ. Говорятъ, что онъ намѣренъ прожить недѣли двѣ въ Скерневицахъ. Женская гимназія врядъ-ли поспѣетъ къ августу. Проектъ устава еще не прошелъ чрезъ Учр. Комитетъ, какъ писалъ мнѣ Кулишъ. Кстати: Кулишъ назначенъ директоромъ отдѣленія исповѣданій при Коммисіи Внутрен. и Духов. дѣлъ. По этому слу-

[1]) Законоучитель Полтавской гимназіи.

чаю онъ писалъ мнѣ: „да утѣшится тѣнь вашего Мелхиседека[1]), жезломъ бо желѣзнымъ упасу б—овъ". Не помню, писалъ-ли я вамъ, что уніатовъ, перешедшихъ въ латинство, возвращаютъ и паки, а за совращеніе кара на ксендзовъ по 100 руб. на латинскаго и уніатскаго.

Письмо 6.

Посланное вами съ уніатомъ Мазановскимъ письмо получено мною только вчера. Я радъ, что оно разсѣяло мои недоумѣнія, по поводу тревожныхъ слуховъ о холерѣ, отъ которой да сохранитъ насъ Господь.

Проектъ устава женской гимназіи посланъ уже на Высочайшее утвержденіе. О преобразованіи въ русскую прогимназію Грубешовскаго училища и открытіи русской прогимназіи въ Замостьѣ также представлено. Потребуются учители; но гдѣ ихъ взять? Я далъ Черкунову порученіе искать учителей, но его не то занимаетъ. Онъ взялъ изъ Холма двухъ учениковъ—уніата и католика, чтобы показать имъ кіевскую святыню... И то однако жъ сказать нужно, что кіевскій учебный округъ ставитъ сильныя преграды къ переходу въ Холмъ охотниковъ. Придется изъ Галиціи брать: оттуда и доселѣ просятся.

Кромѣ учительскихъ должностей, есть другія мѣста, на которыя также требуются кандидаты. Вотъ, напр., должность эконома въ женской гимназіи и письмоводителя тамъ же, первая съ жалованьемъ въ 600 руб., вторая—въ 500 руб.

У насъ теперь страшная работа. Съ одной стороны постройки и обзаведеніе гимназіи женской, на что дано мнѣ 10000 р., съ другой — съѣхались 50 учителей на обученіе, а тутъ бы и по школамъ нужно бы поѣхать, гдѣ также построекъ много, болѣе, чѣмъ на 10000 руб. Учители всѣ ходятъ въ православную церковь; хоръ богатѣйшій.

---

[1]) Разумѣется архимандритъ Матронинск. монастыря половины 18 вѣка, дѣятельность котораго и старанія въ борьбѣ съ уніатами на Украинѣ описаны авторомъ писемъ въ особой брошюрѣ.

Витте уѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда, кажется, въ Ригу поѣдетъ къ семьѣ своей, которую прежде туда отправилъ.

10—22 Іюля 1866 г. Г. Холмъ.

Вчера прибылъ одинъ учитель галичанинъ. Въ Австріи страшная паника[1]). Только отъ Россіи чаютъ спасенія и нѣмцы, и даже поляки. Сердятся даже, что Россія не вступается. Галичане спятъ и видятъ себя подъ Россіей. Такое въ народѣ зародилось убѣжденіе.

P. S. (На отдѣльномъ листѣ) Я уже запечаталъ письмо и марку наклеилъ, какъ приходитъ ко мнѣ нашъ уніатскій законоучитель, галичанинъ, докторъ богословія Криницкій съ просьбою ходатайствовать предъ Кіевскимъ митрополитомъ о принятіи въ Кіевскую епархію и въ число православныхъ іереевъ одного галиційскаго уніатскаго священника *Антонія Могильницкаго*, съ назначеніемъ, конечно, и прихода. Могильницкій не молодъ, лѣтъ за 40, окончилъ курсъ въ Львовскомъ университетѣ, на богословскомъ факультетѣ, пописывалъ статейки въ разныхъ духовныхъ и свѣтскихъ изданіяхъ. Въ 1848 году онъ одинъ изъ первыхъ сталъ за возтановленіе русинской народности и восточнаго обряда. Энергическій и прямой, онъ нажилъ этимъ себѣ враговъ въ епархіальной духовной администраціи, которые тѣснили всячески. Будучи человѣкомъ многосемейнымъ (у него 6 сыновей и 4 дочери), онъ обѣднѣлъ сильно отъ постоянныхъ въ теченіе 6-ти или 10-ти лѣтъ отлучекъ отъ прихода и хозяйства, по званію депутата на сеймъ областной и въ рейхсратъ. На послѣднемъ сеймѣ онъ, подобно другимъ, возсталъ противъ Литвиновича[2]) за его то равнодушіе, то колебаніе въ русской справѣ, или борьбѣ противъ поляковъ. Теперь Литвиновичъ сталъ его тѣснить и далъ приходъ бѣднѣйшій гдѣ-то въ Карпатскихъ горахъ. Подавленный семьею и бѣдностію, онъ

---

[1]) Въ это время велась Австро-германская война и австрійцы потерпѣли сильное пораженіе подъ Садовой.

[2]) Уніатскій Галицкій митрополитъ въ г. Львовѣ.

рѣшился принять православіе, отъ котораго всегда не далекъ былъ болѣе другихъ своихъ собратій.

Конечно, въ настоящемъ его поступкѣ руководитъ разсчетъ на поправленіе своихъ обстоятельствъ; но это не можетъ служить ему укоромъ, если по своимъ убѣжденіямъ онъ и прежде принадлежалъ болѣе православію, чѣмъ уніи. Я лично познакомился съ нимъ во Львовѣ, и онъ мнѣ показался очень хорошимъ и умнымъ человѣкомъ, въ томъ же смыслѣ говорили о немъ и другіе, а Криницкій, давно его знающій, положительно его хвалитъ.

Устройте, ими же вѣсте судьбами, судьбу сего гонимаго. Говоритъ онъ по-малорусски отлично, а пишетъ отчасти по великорусски, т. е. близко къ литературному языку. Спасая его, вы спасете 10 душъ уніатскихъ, не считая его и жены.

Отвѣтьте о немъ до отъѣзда изъ Кіева ибо онъ проситъ скораго отвѣта. Если митрополитъ Арсеній будетъ согласенъ, то онъ пришлетъ ему свое прошеніе и грамоту.

Штука эта была бы очень хорошая. Въ Галиціи много такихъ, что и сегодня перешли бы въ православіе. Пріѣхавшій къ намъ учителемъ греческаго языка священникъ Дячанъ [1]) хотѣлъ перейти въ Виленскую гимназію съ принятіемъ православія, а онъ былъ въ чести и ласкѣ у Литвиновича и получалъ 1375 гульденовъ.

Письмо 7.

14—26 Іюля 1866 г.—Г. Холмъ.

Въ послѣднемъ письмѣ я обѣщалъ вамъ писать съ слѣдующею почтою непремѣнно.

Дѣло вотъ въ чемъ. Въ бытность мою во Львовѣ, какъ я уже давно писалъ вамъ, у меня перебывало болѣе 200 молодыхъ людей изъ галичанъ. Просились во всевозможныя мѣста;

---

[1]) Нынѣ протоіерей и ординарный профессоръ греч. языка въ Варшавск. университетѣ.

между прочимъ въ университеты и академіи русскія. Государевы стипендіи удовлетворяютъ уже ищущихъ образованія свѣтскаго, алчущіе же духовнаго образованія въ Россіи остаются пока безъ удовлетворенія. Прошу заявить о семъ митрополиту (Арсенію), не можетъ ли онъ исходатайствовать у св. Синода, хотя пять или десять стипендій въ Кіевской Академіи для галичанъ.—Дѣло это, само по себѣ малое, можетъ имѣть весьма важныя послѣдствія, и мнѣ кажется, что именно на св. Синодѣ лежитъ священнѣйшій долгъ устроить это дѣло. Своими ушами и очами убѣдился я, какъ не далеки галицкіе уніаты отъ православія. На нашей опекѣ Холмскіе уніаты, сущіе враги православія и ревнители латинства, но они смотрятъ на галичанъ, и намъ нужно воздѣйствовать и на Галицію, чтобы когда либо разсчитывать на успѣхъ въ Холмщинѣ. Душею и тѣломъ преданные Россіи молодые галичане, получивъ духовное образованіе въ колыбели православія, пронесли бы съ собою по Галиціи вѣрныя свѣдѣнія о православіи и симпатію къ нему. Остальное по волѣ Божіей, а это нашъ долгъ. О сербахъ, болгарахъ и проч., т. е. о принятіи ихъ въ Кіевскую Академію, пишутъ обыкновенно ихъ митрополиты въ Синодъ; но отъ Литвиновича сего ждать нельзя. Это не то однако жъ значитъ, чтобы Литвиновичъ сталъ противодѣйствовать такому дѣлу; въ душѣ онъ и самъ былъ бы радъ ему, только бы оно состоялось безъ его участія и вѣдома. Такая его политика среди партій правительственной, общественной нѣмецкой, польской и народной Галицкой. Если бы митрополитъ устроилъ это дѣло, я берусь доставить столько кандидатовъ, сколько потребуется. Нѣкоторые у меня записаны. Это молодые люди, окончившіе полный гимназическій курсъ и слушающіе богословіе въ университетѣ Львовскомъ.

Штаты Холмскаго духовенства утверждены, наконецъ,—скоро будутъ введены. Замѣтки по поводу ихъ и вообще о Холмской уніи я надѣюсь прислать въ Еп. Вѣдомости. Съ введеніемъ новыхъ штатовъ, кажется, и епископа новаго добудемъ. Вы знаете, что еще въ 1864 г. Черкасскій хотѣлъ добыть изъ Львова

и епископа, и священниковъ. Дѣло не сладилось за тѣмъ, что народная партія (Дѣдицкій, Головацкій, Петрушевичъ и проч.) рекомендовала однихъ людей, а Литвиновичъ другихъ. Черкасскій хотѣлъ кандидатовъ народ. партіи, между прочимъ Гинилевича на епископство, а Литвиновичъ не пустилъ ихъ. Оказалось, что Литвиновичъ былъ правъ, ибо Гинилевичъ человѣкъ вялый и замѣшанъ во многихъ скандальныхъ исторіяхъ. Кандидатъ Литвиновича, Южичинскій гораздо лучше Гинилевича и безукоризненнѣе, какъ сознается и самая народная партія теперь. Литвиновичъ, сойдясь съ этою партіею, обратился самъ къ Черкасскому, и теперь идутъ дѣятельные переговоры. Просятъ и моего ходатайства, и я завтра пишу къ Кулишу, который вступаетъ уже въ должность директора отдѣленія исповѣданій.

Позавчера получилъ письма отъ С. И. Гуляевой съ извѣстіемъ о смерти кума; вѣчная ему память! Я все боюсь, не имѣлъ ли отказъ въ перемѣщеніи въ Холмъ вліянія на его болѣзнь, которая привела его къ холерѣ и смерти. Это былъ единственный вѣрно преданный мнѣ человѣкъ и много заботился обо мнѣ... У насъ цѣлый мѣсяцъ холера и дожди. Холера весьма слабая...

Письмо 8.

11—23 сентября. Г. Холмъ.

Вчера вечеромъ я воротился, наконецъ, изъ Варшавы, послѣ трехнедѣльнаго отсутствія. Сегодня весь день ходили ко мнѣ, пока я не заперъ двери, чтобы пообѣдать, перечитать великое множество писемъ и написать вамъ.

Начну съ того, что въ сегодняшнюю ночь, съ 10 на 11 число, ровно въ 12 часовъ ночи, пріѣхалъ Сидорскій, жандармскій полковникъ и военный начальникъ съ братіею. Черезъ часъ Калинскій катилъ уже по дорогѣ въ Варшаву, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ. Ему назначено жить въ Вяткѣ; туда и

повезутъ безостановочно. Самъ онъ выслушалъ это рѣшеніе довольно спокойно, но дочери страшно кричали и сыпали проклятіями на всѣхъ. Имъ выдали по 100 руб. единовременно, а отцу оставлено жалованье въ 1500 руб. Холмскіе уніаты сильно взволнованы и огорчены, даже и тѣ, которые были противъ него. Теперь-то открылись истинныя ихъ чувства. Войцицкій принимаетъ епархію, а Сидорскій сдаетъ. Послушаемъ, что скажетъ епархія. Выходитъ точь въ точь Богуславская Консисторія[1]... Дѣло о епископѣ снова отложено.

Междуцарствіе открываетъ возможность для многихъ реформъ; Криницкаго уже назначили ректоромъ уніатской семинаріи; пойдутъ дальше. Введутъ галичанъ, благо Черкасскій потерялъ вѣру въ мѣстныхъ уніатовъ, отъ чего и мнѣ полегчало.

Теперь о своихъ ближайшихъ дѣлахъ. Открытіе женской гимназіи послѣдуетъ между 15 и 20 октября. Мнѣ предложили, по прибытіи на мѣсто, самому назначить срокъ, совѣтуя впрочемъ не спѣшить. Теперь нужно людей набирать. Ивана Максимовича В. я назначилъ сегодня и сегодня же посылаю номинацію и предложеніе прибыть въ Холмъ. Прочитавъ ваше письмо, я тотчасъ же распорядился написать и въ Кіевск. Консисторію о неимѣніи препятствій. Прошу выслать Ивана М., какъ можно скорѣе. Мнѣ онъ чрезвычайно нуженъ, хоть бы сегодня даже. Если ему понадобятся деньги, ссудите подъ его отвѣтственность, ибо я не увѣренъ вполнѣ, дадутъ ли ему на проѣздъ, такъ какъ дается однимъ лишь учителямъ. Соню Б. я также назначилъ сегодня классною дамою и номинацію посылаю. Нужны еще двѣ классныя дамы. Соня Б. рекомендуетъ подругу свою *Болотинову*, получившую серебряную медаль въ Фундуклеевской Гимназіи, въ коммисіи жъ дали мнѣ прошеніе какой-то *Суворовой* Александры, дочери полковника, окончившей курсъ въ Кіевскомъ Институтѣ въ 1859 г. О той и другой прошу собрать

[1]) Учрежденная на Украинѣ польск. правительствомъ для завѣдыванія православными церквами, по случаю ареста и взятія въ Варшаву въ 1789 г. православнаго епископа Садковскаго.

свѣдѣнія. Болотинова явится къ вамъ сама, а Суворова, кажется, извѣстна вамъ прежде... Одну хотѣлось мнѣ имѣть посолиднѣе, чтобы могла принять участіе въ хозяйственномъ Комитетѣ и быть помощницею начальницы, за что ей прибавляется жалованья еще 150 руб. къ 360, при казенной квартирѣ и столѣ. Нѣтъ ли также учительницы рукодѣлій съ жалованьемъ въ 400 р.? Нѣтъ ли затѣмъ учителей? Требуются два на русскій языкъ въ Холмскую женскую гимназію. Жалованье обоимъ по 1200 р., но одинъ можетъ получать добавочнаго 365 руб. по должности члена хозяйственнаго комитета. Нѣтъ-ли на латинскій языкъ въ Грубешовское училище (жал. 1200 р.)? Нѣтъ ли очень хорошаго человѣка для должности инспектора въ томъ же училищѣ, съ жалованьемъ въ 1400+200=1600 руб., при казенной квартирѣ? Прибавляю: очень хорошаго, ибо за неимѣніемъ таковаго я представлю кого нибудь изъ учителей Холмскихъ. Прошу отвѣта на сіе въ скорѣйшемъ времени.

Витте пробудетъ заграницей не менѣе двухъ мѣсяцевъ. Онъ очень истощалъ.

Реформы Царства Польскаго продолжаются; дѣло идетъ къ совершенному его уничтоженію, о чемъ говорятъ довольно. Въ Варшавѣ довольно сильная холера; но меня Господь сохранилъ. Испыталъ я разныя хлопоты съ закупками и заготовленіями. Начальница гимназіи ни въ чемъ не помогла ни на волосъ. Это молодая барыня, сильная знакомствомъ съ Черкасскимъ и другими важными лицами. Витте говорилъ, что о назначеніи ея просили 20 генераловъ. Когда я пріѣхалъ, Витте предлагалъ послать за нею, чтобы она явилась ко мнѣ, то я отклонилъ это и самъ поѣхалъ къ ней, а она и пошла потомъ посылать за мною,—разъ, два, три. Вилуевъ страшно взволновался этимъ, Витте, тоже, Михневичъ тоже. Я молчалъ, пока ей не сказали въ Коммисіи, что де есть начальникъ, что вы де обязаны то и то..., явиться и помочь, и проч. Она побывала, не застала и опять прислала за мною, но я уѣхалъ. Это начало болѣзней. Въ хозяйствѣ и въ зубъ толкнуть не умѣетъ.

Михаилу Ал. мое глубочайшее почтеніе. Я храню о немъ самую свѣтлую память.

Отъ галичанъ никого нѣтъ. Я засталъ 15 писемъ.

Письмо 9.

18—30 сентября 1866 г.—Г. Холмъ.

Посылаю вмѣстѣ съ симъ прошеніе священника Могильницкаго. Прошу довершить начатое дѣло. Свезите прошеніе къ митрополиту и попросите отвѣта и разрѣшенія. Употребите при томъ содѣйствіе ваше, чтобы проситель былъ помѣщенъ въ Кіевскую епархію.

Могильницкій прислалъ прошеніе на нѣмецкомъ языкѣ вчернѣ и притомъ бланкъ съ своею подписью. Переводилъ новый ректоръ семинаріи Криницкій, а я подправилъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ выходило темно, но оставилъ много галицiйскаго. Переписывалъ Ильяшевичъ.

Отвѣтъ и разрѣшеніе прошу прислать ко мнѣ, а я отправлю при случаѣ, чтобы не попала бумага въ руки австрiйскихъ властей и не надѣлала хлопотъ бабчскому приходнику, т. е. о. Могильницкому.

Заранѣе прошу пріютить сего пастыря и оказать содѣйствіе въ устроеніи судьбы дѣтей его, ищущихъ науки. Событію этому я придаю много значенія, не потому что обращается Могильницкій, но потому что къ намъ идетъ галицкій уніатъ. Два, три, нѣсколько такихъ фактовъ, и мысль о православіи съ большею и большею силою пойдетъ кружить въ Галиціи. Кажется, я писалъ вамъ, что Іоанникій просилъ меня добыть галичанина для православной церкви въ Тарногродѣ. Я обѣщалъ и держу слово безъ труда.

Сегодня пріѣхалъ Петрашень. Онъ очень пріятный человѣкъ; постараюсь и въ женскую гимназію опредѣлить его же пѣвцомъ. Благодарю васъ за книжечки. Я далъ ихъ великому нашему греку Дячану, который также написалъ „Методичну Грамматику".

Вышелъ ли Ирмологій Вишневскаго, изданіе Каллистратова? Я хотѣлъ бы закупить, пока не раскупили. Митрополиту поклонъ мой земной и благословенія попросите. Скажите, что у насъ въ Холмѣ совершенное православіе. Подъ Успеніе пѣли совершенно, какъ въ Лаврѣ, всѣ свѣтильны и сѣдальны на подобенъ, равно канонъ весь: „Преукрашенная". Пѣли 50 учителей, и я въ числѣ ихъ. Поемъ и теперь лаврскія: „Иже херувимы", „Господи помилуй" и пр. Уніаты и даже поляки толпами къ намъ валятъ, а галичане не знаютъ другой церкви, кромѣ православной по сему случаю.

Для Сементовскаго деньги сегодня посылаю. Пусть извинитъ, что поздно. Это случилось за поѣздками моими, сперва по дирекціи, а потомъ въ Варшаву.

Вицеректора семинаріи Гарасовскаго сегодня ночью отправляютъ въ Варшаву. Это за то, что сказалъ, будто ихъ въ схизму Государь превращаетъ и требуетъ, чтобы его за папу признавали. Сегодня на обѣднѣ профессоръ Зиневичъ (священникъ) помянулъ Калинскаго; и его туда же, и кажется, также въ нынѣшнюю ночь. Вообще теперь не церемонятся болѣе съ уніатами.

Сегодня Криницкій давалъ обѣдъ. Войцицкій [1]) смотритъ настоящимъ архіереемъ.

Увѣдомьте, какъ думаетъ митрополитъ устроить пріемъ молодыхъ галичанъ въ академію, и скоро ли это можетъ быть? Многіе просятся. Нельзя ли въ семинарію принять одного—двухъ? Одинъ пріѣзжалъ съ этою цѣлью, но я не рѣшился отправить его въ Кіевъ. Чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ крайне неудобно. Гораздо лучше, если бы этимъ распорядился самъ оберъ-прокуроръ или же митрополитъ. Запомогу на дорогу также нужно хотя бы рублей 75, а пожалуй и 100. Можетъ быть Св. Синодъ дастъ это. Дѣло стоитъ и весьма даже.

---

[1]) Уніатскій архипресвитеръ, которому въ это время поручено управленіе Холмскою епархіей, за устраненіемъ номината Калинскаго отъ дѣлъ епархіи.

Письма 10.

28 Сентября 1866 г.—Г. Холмъ.

Премного благодаренъ вамъ за наборъ въ такомъ обиліи и столь хорошихъ кандидатовъ и кандидатокъ. Приступимъ теперь къ опредѣленію и распредѣленію:

Открытіе женской гимназіи назначено 27 октября стараго стиля; это потому, что Черкасскій раньше не можетъ ѣхать въ Холмъ. Михневичъ раздумываетъ ѣхать собственно потому, что ѣдетъ Черкасскій...

Дѣло о *Могильницкомъ* придержите и прекратите, а свидѣтельства его вышлите мнѣ. Къ счастію, во время я получилъ несомнѣнное свѣдѣніе, что онъ и до сегодне подверженъ налогу запоя, періодически возобновляющагося. Боже избави! Но не говорите сего митрополиту. Оказалось, что Криницкій зналъ Могильницкаго только въ лучшіе часы его жизни, зналъ лично и по тѣмъ блистательнымъ рѣчамъ, которыя онъ произносилъ въ рейхсратѣ. Я уже сказалъ Криницкому написать Могильницкому, что дѣло его по разнымъ причинамъ не можетъ состояться. Жаль, а человѣкъ, говорятъ, просто геніальный и образованнѣйшій.

Сидорскій доселѣ у насъ и съ нимъ жандармскій полковникъ Дроздовъ, бывшій регентъ пензенскаго архіерея, сынъ о. дьякона. Вицеректора и Зиневича доселѣ держатъ въ Люблинѣ... Уніаты наши страшно перепуганы и не только молчатъ, но даже лазаря поютъ. Они на все теперь готовы. Такъ бы и давно слѣдовало сдѣлать. Русская проповѣдь, русское дѣлопроизводство уже производятся, но до русскаго духа, конечно, далеко.

Михневичъ пишетъ мнѣ, что былъ въ Варшавѣ Говорскій [1]) и хлопоталъ у него и у Черкасскаго о введеніи въ польскія и русскія учеб. заведенія и даже сельскія школы, изданной имъ исторіи русской Кулжинскаго. Михневичъ спрашиваетъ моего мнѣнія.

---

[1]) Извѣстный издатель „Вѣстника Юго-Западной и Западной Россіи“.

Холера кругомъ насъ. Сохрани, Боже! Сегодня отъ Ефима М. письмо получилъ; и тамъ холера.

Письмо 11.

8—20 октября 1866 г.—Г. Холмъ.

Сегодня случайно нашлось ваше письмо о Худзынскомъ [1]), и я сейчасъ послалъ формальное представленіе о назначеніи его въ Грубешовъ, а Васильева [2]) въ педагогическіе курсы. Такую перемѣну я рѣшился сдѣлать и по первому отзыву вашему, что Васильевъ былъ бы болѣе пригоденъ для педагогическихъ курсовъ, и вслѣдствіе письма Михневича, которымъ онъ спрашиваетъ, не молодъ ли Васильевъ для Грубешова. Я такъ твердо писалъ объ нихъ, что никакъ не жду отказа или перемѣны. Боюсь одного, чтобы попечитель не задержалъ, какъ въ прошломъ году Бортквича. Попросите ихъ, чтобы они заблаговременно переговорили съ попечителемъ и упросили его не препятствовать ихъ перемѣщенію. Изъ Коммисіи скоро долженъ быть запросъ объ нихъ.

Семеновичь и Смородиновъ назначены въ Варшаву. Не поѣдетъ ли Орда на 1565 р. въ женскую гимназію, т. е. 1200 р. учительскаго жалованья и 365 руб. по должности члена хозяйственнаго Комитета? Впрочемъ духовныхъ кандидатовъ у меня довольно.

Грушевскаго не удалось провести.

Подали-ли прошеніе Турчинскій, Линниченко и Волошановичь? О Турчинскомъ Михневичъ спрашивалъ, не старъ ли онъ для латинскаго языка, а я отвѣчалъ, что латынь именно въ его лѣтахъ съ удовольствіемъ читается.

Какъ жаль, что доселѣ нѣтъ Вакуловскаго. Безъ него, какъ безъ рукъ. Поторопите его. Какъ бы и Троцкій поскорѣе прошеніе присылалъ.

---

[1]) Б. учитель 2-й кіевск. гимназіи, былъ назначенъ инспекторомъ Грубешовской прогимназіи; впослѣдствіи былъ начальникомъ Плоцкой дирекціи.

[2]) Б. учитель той же гимназіи.

У насъ ничего новаго, кромѣ суеты. Проговорили было, что на мѣсто Берга назначенъ Барановъ, а на мѣсто Витте— Гильфердингъ; но Михневичъ ничего не пишетъ. Витте Государь пожаловалъ 2000 руб. на лѣченіе. Къ 1 декабря онъ возвратится.

Голуховскій началъ расправу съ русинами. Трое самыхъ важныхъ лишены мѣстъ. Головацкій[1]) пишетъ, что и его ждетъ то же, и проситъ сдѣлать для него что нибудь. Двухъ дочерей его я принимаю въ гимназію, а 3-ю, старшую, учительницею музыки, но ему не придумаю мѣста, да и трудно. Вотъ бы въ Кіевъ, а православіе принялъ бы. Вѣдь это европейская ученая знаменитость. Во всей Европѣ едва ли кто лучше его знаетъ славянскую литературу; говоритъ онъ на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, по-русски совершенно, кромѣ того по нѣмецки, по французски и проч. Жаль только, что священникъ, а то въ университетъ легко попалъ бы.

Прошу поторговаться съ Каллистратовымъ, не уступитъ ли онъ на нотахъ съ 1 руб. 20 коп. до 75 коп. Въ такомъ случаѣ я готовъ взять у него 75 экземпляровъ, за которые и деньги вышлю немедленно.

Читалъ я гдѣ-то, что въ Лаврѣ дѣлаются недорогія иконы на деревѣ или холстѣ посредствомъ хромолитографіи. Прошу узнать цѣну и сообщить, и если бы не дороже рубля штука, я купилъ бы штукъ 100.

Семинаристы Холмскіе взбунтовались и объявили, что готовы и въ солдаты идти, если только не станутъ имъ читать богословія на лат. языкѣ, ибо мы де католики, а католики всѣ слушаютъ на латинскомъ языкѣ[2]).

---

[1]) Профессоръ русской литературы въ Львовскомъ университетѣ; по удаленіи отъ этой должности и прибытіи въ Россіи д. ст. совѣтникъ, предсѣдатель Виленск. Археографической Коммисіи.

[2]) Въ такомъ смыслѣ семинаристы сдѣлали заявленіе ректору Криницкому и перестали посѣщать лекціи богословія, которыя читались въ этотъ учеб. годъ на рус. языкѣ, вмѣсто латинскаго. Чрезъ нѣсколько дней пріѣхалъ въ Холмъ кн. Чер-

Сейчасъ былъ первый разъ въ новоустроенной моими заботами банѣ. Пріятно, особенно потому, что, такъ сказать, „плоды трудовъ твоихъ снѣси".

Письмо 12.

10—22 ноября 1866 г.—Г. Холмъ.

Открытіе женской гимназіи съ приготовленіями и проводами отвлекли меня отъ корреспонденціи, такъ что даже вамъ я не собрался написать доселѣ. Дней 7 или 8, при непрерывной суетѣ, составлялъ я описаніе бывшей у насъ церемоніи, которое теперь только могу послать вамъ. Жаль, что Черкасскій и Михневичъ не изложили рѣчей своихъ на бумагѣ, впрочемъ онѣ должны появиться въ Варшавскомъ Дневникѣ, вмѣстѣ съ моею рѣчью и описаніемъ, по крайней мѣрѣ рѣчь Михневича. Посылая вамъ описаніе для печати, прибавлю кое-что еще, не идущее къ печати.

Вамъ извѣстно, что Черкасскій былъ настроенъ противъ меня, хотя, быть можетъ, больше говорили, чѣмъ на самомъ дѣлѣ было. Тѣмъ съ большимъ смущеніемъ я ждалъ его, да и не одинъ, но и всѣ живущіе здѣсь. Пріѣхалъ наканунѣ часу въ 1-мъ пополудни, а за нимъ вслѣдъ почти и Михневичъ съ дочерью. Черкасскій сильно безпокоился, по словамъ Сидорскаго, о томъ, будетъ ли у насъ все прилично для его пріема. Дѣйствительно, онъ держитъ себя вельможей и даже въ Холмъ

касскій на открытіе женской гимназіи; онъ лично произвелъ очень основательный экзаменъ семинаристамъ по латинскому языку и убѣдился самъ, и показалъ всей учащей и учащейся корпораціи семинарской, что семинаристы совсѣмъ не знаютъ латинскаго языка и лекцій на этомъ языкѣ понимать не могутъ и что заявленіе ихъ неосновательно и основано на желаніи ихъ противодѣйствовать распоряженіямъ начальства, желаніи,—возбужденномъ въ нихъ ревнителями католичества, имѣющими въ виду окатоличеніе уніатовъ. Поэтому поводу семинарской корпораціи сдѣлано было княземъ строгое внушеніе, а 12 семинаристовъ, главныхъ виновниковъ бывшаго волненія между ними, исключены изъ семинаріи и тотчасъ были вывезены изъ Холма въ дома родителей ихъ подъ надзоръ полиціи.

прислалъ своего повара и своихъ лакеевъ съ припасами, и въ день прiѣзда заказалъ обѣдъ душъ на 20, на который пригласилъ меня и Михневича. Обѣдали еще знатнѣйшiе унiаты, да губернаторъ съ уѣздными начальниками и жандармерiею. Лично меня онъ принялъ ласково, а когда по его желанiю, я прочелъ церемонiалъ, сталъ еще ласковѣе. На другой день все было по писанiю. Въ церкви православной онъ былъ прiятнѣйшимъ образомъ пораженъ пѣнiемъ нашего хора и замѣтилъ Михневичу, что хотя онъ и много слыхалъ объ этомъ хорѣ, но этакой штуки не ожидалъ. Вмѣсто концерта мы пѣли—что бы вы думали?— *О всепѣтая Мати*, положенное съ голоса моего на ноты, точь въ точь какъ въ Зеленой. Михневичь просто въ восторгъ пришелъ. Рѣчь Войцицкаго написана, кажется, Сидорскимъ, а произносилъ онъ ее, точно комедiю разыгрывалъ: трясется, падаетъ, плачетъ, на галичанина Лавровскаго опирается и проч. Все это, разумѣется, штуки были. Войцицкiй можетъ плакать и смѣяться по заказу. Князь впрочемъ доволенъ былъ и этимъ, ибо это увеличивало церемонiю, нужно для виду. Самъ говорилъ гораздо проще и рѣзче, чѣмъ передается въ описанiи, что де я прiѣхалъ сюда, чтобы поддержать..., возстановить и проч.. Проповѣдь Ливчака принадлежитъ мнѣ по мысли и развитiю оной, а то выходило что то нескладное, такъ что даже и Сидорскiй отвернулся отъ нея. Ливчакъ теперь уѣхалъ въ Краковъ за женою, потому и проповѣди его послать не могу, да притомъ она на половину по русски, на половину по малороссiйски изложена, и самое изложенiе не блестяще. Весь день, особенно во время обѣдни, была страшная буря, такъ что за самую церковь можно было опасаться. Когда пришли въ зданiе женской гимназiи, то у всѣхъ головы были взъерошены. Михневичъ говорилъ, по обыкновенiю, просто и очень ужъ не спѣша. Черкасскiй усердно молился, а Войцицкiй осрамился неумѣньемъ читать по славянски. Моя рѣчь не была въ церемонiалѣ, такъ какъ я вовсе не хотѣлъ говорить и только ночью да поутру дописалъ, по убѣжденiю Михневича. Вмѣсто меня хотѣла говорить Нолле, но потомъ отказалась. Не хотѣлъ я говорить изъ-за Черкасскаго,

который, если вѣрить слухамъ, одинъ изъ всѣхъ варшавянъ въ прошломъ году не похвалялъ моей рѣчи. Теперь онъ благодарилъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ и только шутя замѣтилъ на обѣдѣ, что, пожалуй, австрійское правительство изъ-за нея ноту пришлетъ. Въ своемъ спичѣ за обѣдомъ онъ упомянулъ объ ней и сказалъ, что ему только остается сослаться на меня. Михневичъ еще болѣе былъ доволенъ тѣмъ, что видѣлъ, какъ Черкасскій всѣмъ вполнѣ доволенъ. Вообще Черкасскій никогда не былъ въ такомъ хорошемъ расположеніи духа, какъ тогда, что и Сидорскій засвидѣтельствовалъ. Предубѣжденіе его окончательно разсѣялось на другой день при посѣщеніи нашихъ школъ. Въ день открытія я просилъ его къ себѣ на обѣдъ на другой день, но онъ сказалъ, что самъ пригласилъ другихъ къ себѣ и пожелалъ быть вечеромъ того же дня. Къ сожалѣнію, за болѣзнію жены моей, нельзя было вполнѣ хорошо устроить пріема. Впрочемъ Черкасскій былъ очень любезенъ, жалѣлъ о болѣзни моей жены и сказалъ было Михневичу, что навѣститъ больную на другой день. Во все время пребыванія онъ пользовался моими лошадьми и давалъ кучеру по 3 и 5 руб. Кучеръ такъ было чуть свѣтъ и спрашиваетъ: не ѣхать ли къ князю. Въ семинаріи Черкасскій задалъ всѣмъ страху; дѣлалъ между прочимъ экстренный экзаменъ и, просидѣвъ 7 часовъ сряду, самъ убѣдился и другимъ далъ убѣдиться, что семинаристы положительно ничего не знаютъ. Этого я добивался полтора года, и только теперь сбылось мое задушевное желаніе. За бунтъ, о которомъ я упоминалъ въ прежнемъ письмѣ, Черкасскій выгналъ 12 семинаристовъ. Профессорамъ сильную нотацію прочиталъ и даже всѣхъ хотѣлъ разогнать и взять на мѣсто ихъ галичанъ, да русскихъ изъ имперіи. Войцицкаго онъ возвышаетъ и сажаетъ на диванъ, но въ то же время даетъ такой видъ: смотри, молъ, я тебя возвышаю, умѣй же держать себя хорошо, а не то по шапкѣ. Войцицкій дѣйствительно иной политики и не стоитъ. На чаѣ у Черкасскаго, когда и всѣ учителя были, мнѣ удалось, пользуясь его благодушіемъ, провести нѣсколько добрыхъ предположеній, какъ то, объ устройствѣ постояннаго

сообщенія посредствомъ дилижансовъ между Холмомъ и Люблиномъ, откуда давно уже подобный путь до Варшавы, объ обращеніи пореформатскаго костела въ домовую церковь для женской гимназіи, объ учрежденіи клуба, также братства или учено-литературнаго общества, и проч. На клубъ намъ, можетъ быть, дадутъ даже денегъ тысячи полторы или двѣ. На учрежденіе братства Черкасскій не соглашается относительно формы и совѣтуетъ лучше учено-литературное общество, а мнѣ все таки въ братствѣ больше толку видится. Кажется, что и на изданіе газеты могутъ денегъ дать, но князь совѣтывалъ не газету, а ученый сборникъ и въ концѣ сошелъ на епархіальныя вѣдомости. Какъ видите, у насъ дѣло загорается, но много, и сразу побороть всего нельзя. Помаленьку будемъ двигаться.

Сидорскій и жандармскій полковникъ Дроздовъ оставались еще дней 10, и на отъѣздѣ дали балъ для всего Холмскаго общества. За тостомъ въ честь Государя людіе въ паѳосъ неописанный пришли и даже поляки со всеусердіемъ (volens-nolens) тянули: Боже, Царя храни! Я ушелъ тотчасъ послѣ ужина, но тамъ происходили еще не передаваемыя сцены, когда расчувствовались галичане и въ особенности три, прибывшіе для пріисканія мѣстъ, священники: о. Василій Ѳедоровичъ Ясинскій, Решетиловичъ и Лысякъ. Одинъ трунилъ надъ реверендою[1]), другой надъ уніею вообще, третій спрашивалъ, чи хороши парафіи за Бугомъ... И не думайте, чтобы тутъ бахусъ игралъ или легкомысліе; нѣтъ, такъ сложился этотъ великолѣпный народъ, и таковы его душевныя убѣжденія. На другой день всѣ эти три отца были у меня на прощанье. Разговоръ скоро сталъ патетическимъ, слезы блистали на глазахъ у этихъ мучениковъ, когда рѣчь шла о дѣйствіяхъ Голуховскаго и подлой шляхты. Що намъ робити, що намъ почати? Одна надія на Білого Царя. Старикъ Ясинскій разсказывалъ слѣд. случай изъ своего прихода. Есть у него глубокій старикъ, простой селянинъ, имѣю-

---

[1]) Верхняя одежда уніатскихъ священниковъ, какую и теперь носятъ католическіе ксендзы.

щій внуковъ и правнуковъ. Его спросилъ кто то: доки ты, старче Божій, будешь свитомъ нудыть? Пора бъ и на спокій!—Не вмру, отвѣчалъ старецъ, и хоця жъ важко жить, але мушу жити, ажъ поки не прийде Білый Царь и не візьме насъ одъ ляхівъ до своей родыны. Тогда тильки дви хвилиночки проживу, та й скажу до Бога: нынѣ отпущаеши раба твоего съ миромъ!... Разговоръ продолжался. Я говорилъ между прочимъ: історія наша, якъ на долони; весь світъ це знае, що все то було колысь одинъ духъ, одно тіло, а тымъ часомъ лихі люди розирвали тее тіло на шматки, та пороскидали собакамъ, и грызуть вони—грызуть, де-де вже кистки тильки позостались, отъ-отъ догрызуть... Отцы зарыдали. „Да не догрызуть, возгласилъ одинъ; мы вси йдемо въ православіе"... „Я першій, прошу... воскликнулъ о. Василій и вскочилъ съ мѣста. „И я", восторженно говорилъ Лысякъ. „Мене десять чоловікъ просили объ тімъ у вашого благородія", продолжалъ Решетиловичъ; я вамъ списокъ пришлю. И мене візмить. Куды хочете, пишить; що хочьте робіть зъ нами, бо на васъ теперь надія. Вся Галичина васъ знае и Бога за васъ благае. Вы намъ другій Яхимовичь! Вы одкрыли намъ кордонъ[1]), и вся Галичана піде до васъ!" Я прервалъ эту незаслуженною мною хвалу и сквозь слезы далъ обѣщаніе обо всемъ писать, куда можно. И вотъ первѣе всего пишу вамъ; повѣдайте о своемъ владыкѣ. Да будетъ святая воля Господня, предъ которою я повергаюсь въ слезахъ благодаренія за то, что Господь сподобилъ меня быть свидѣтелемъ во очію совершающагося, его Божественнымъ Промысломъ устроеннаго толикаго движенія! Сила вещей несокрушима, и если Господь указываетъ намъ путь, грѣхъ намъ будетъ, когда мы уклонимся отъ него. Моя мысль впрочемъ такая: не надо намъ спѣшить, но „все по малу-малу", какъ писалъ когда-то Гервасій[2]) блаженный, да со всевозможною тишиною и безъ малѣйшей огласки. Что говорилось между мною и отцами, то знаемъ въ Холмѣ мы

---

[1]) Кордонъ—граница.

[2]) Разумѣется переяславскій епископъ 1766—1768 г.

одни. Движеніе массою и неудобно, да, можетъ быть, и невозможно было бы. Голуховскій слишкомъ бдителенъ, и мнѣ пишутъ изъ Галиціи почти буквально то самое, что писалъ Мелхиседекъ Гервасію по вступленіи Воронича въ Смѣлянщину. Но вотъ напр. просится „перший" Ясинскій—принять его; перейдетъ, тогда другаго, третьяго и т. д. Ясинскій — лѣтъ подъ 50, волосы только подрѣзаны и раздѣлены совершенно по нашему. Реверенду за грѣхъ считаетъ надѣть и ходитъ въ козачкѣ съ снурками. Человѣкъ умный, честный, энергическій, говоритъ прекрасно. Не повторяю того, что всѣ галиційскіе священники галиційскаго образованія. Могильницкаго мнѣ до чрезвычайности жаль. Недавно онъ прислалъ превосходное письмо на латинскомъ языкѣ, гдѣ выражаетъ свое сожалѣніе, что я повѣрилъ слухамъ, благодаритъ за ученіе и проситъ возвратить документы, если его просьба не можетъ быть исполнена. Не знаю, что сказать болѣе. Слухъ о его слабости сообщилъ мнѣ братъ Криницкаго и говорилъ слишкомъ увѣрительно.

Письмо ваше, по поводу бесѣды съ Гогоцкимъ[1]), о Головацкомъ получилъ и тѣмъ болѣе сочувствую сказанному, что еще прежде сего хотѣлъ писать Милютину, какъ и о многомъ другомъ. Втікъ—не втікъ, а побігти можно. А слыхали вы, что галичане посылали адресъ Невѣстѣ Наслѣдника къ дню свадьбы? Не знаю какъ это принято у насъ и въ Галиціи—нѣмцами и поляками. Какъ далеко пошли теперь галичане, усмотрите между прочимъ изъ брошюрки Дѣдицкаго, которой 19 экземпляровъ посылаю вамъ. Дайте одну брошюру Юзефовичу и одну Гогоцкому. Она много ихъ утѣшитъ!...

Что касается Геевскаго[2]), то, если онъ естественникъ, пусть пришлетъ прошеніе. Дѣло въ томъ, что учитель естеств. исторіи въ Холмской гимназіи Черкуновъ хочетъ въ Кіевъ пере-

---

[1]) Б. профессоръ философіи въ университетѣ св. Владиміра.

[2]) Антонъ Геевскій, бывшій преподаватель въ Каменецъ-Подольской гимназіи, былъ переведенъ въ Люблинскую гимназію; теперь (1896 г.) состоитъ начальникомъ Ломжинской учебной дирекціи.

браться, по настоянію матери, и подаетъ о семъ прошеніе. На его то мѣсто и можно опредѣлить Геевскаго съ жалованьемъ въ 1200 руб. Черкуновъ прекрасный юноша и учитель, но говоритъ слишкомъ тихо. Турчинскаго Михневичъ рѣшительно не хочетъ, и я уже проектирую перемѣстить сюда Ивана Левитскаго [1]), сына о. Симеона. Вообще съ замѣщеніями и перемѣщеніями превеликая морока.

За благословенную для женской гимназіи икону премного благодаренъ я и женская гимназія, собственно т. е. Нолле. По поводу сей иконы прошу заказать для насъ слѣд. иконы: 1) икону святыхъ, празднуемыхъ 4 апрѣля, по образцу, присланному Каллистратовымъ, но на деревѣ или желѣзной бляхѣ, длины 1 аршинъ и 6 вершковъ, а ширины 1 аршинъ; 2) три иконы для классовъ въ мужскую гимназію, 6-вершковыхъ такъ называемыхъ—св. Владиміра, св. Ольги, преп. Антонія и Өеодосія; 3) для женской гимназіи—также 6-вершковыхъ двѣ иконы: св. ап. Андрея Первозваннаго и св. мучен. Бориса и Глѣба, и еще три хромолитографіи Распятія такія точно, какъ вы прислали на благословеніе. На первую икону у насъ есть рублей сто изъ складки, сдѣланной по поводу 4 апрѣля; потому прошу и раму золоченную заказать, но и на пересылку разсчитать. На три слѣдующія иконы можно израсходовать 75 руб., по 25 р. на каждую, пожалуй, съ рамами. Для женской гимназіи, насколько можно имѣть приличной иконописи, но безъ рамъ. Изображенія можете и измѣнить, если вамъ что иное представится.

Витте выздоровѣлъ и до 1 декабря ѣдетъ въ Швейцарію. Мы рѣшительно приступаемъ къ учрежденію клуба. Говорятъ, что намъ и денегъ дадутъ.

Головацкій писалъ, что объ увольненіи его изготовленъ уже докладъ министру, но что дочерей онъ привезетъ лишь на слѣд. годъ. Литвиновичъ отказался дать ему даже въ селѣ, приходъ.

---

[1]) И. С. Левитскій былъ не долго учителемъ Сѣдлецкой женской гимназіи, потомъ перешелъ въ Кишиневскую гимназію. Извѣстенъ въ малорусской литературѣ подъ псевдонимомъ Нечуя.

Когда бы мнѣ удосужиться, я выдалъ бы здѣсь ирмологій почище Каллистратова. Кое-что у насъ записано. Теперь заѣдаютъ отчеты въ суммѣ болѣе на 100,000 руб. сер.

Письмо 13.

24 ноября—6 декабря 1866—Г. Холмъ.

Въ Галиціи или собственно въ Вѣнѣ какой то поворотъ въ политикѣ. Сейчасъ получилъ я письмо отъ Головацкаго. Пишетъ, что Белькреди не рѣшается утвердить его отставку. Говорили и прежде, что въ Вѣнѣ побаиваются Россіи, и Бейстъ настаивалъ будто бы на увольненіи Голуховскаго.

Впрочемъ, пока Голуховскій успѣетъ что нибудь, у насъ не дремлютъ. Въ Варшавѣ на счетъ Учредительнаго Комитета напечатано уже нѣсколько учебниковъ для сельскихъ школъ на польскомъ языкѣ, но русскими буквами. Работа продолжается и будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не настанетъ время для объявленія русскаго алфавита обязательнымъ. Дѣйствительно, отличная штука: читая этакую книжку, видишь, что это точно славянское нарѣчіе, и понимать гораздо легче. Жаль, что нѣтъ у меня подъ рукой этакой штуки,—послалъ бы вамъ.

Въ Замостьѣ у военныхъ я отвоевалъ зданіе, въ которомъ помѣщалась академія Замойскихъ. Это будетъ великолѣпнѣйшее помѣщеніе для прогимназіи, какого нѣтъ ни въ одной гимназіи Царства. По залѣ серьезно конемъ нужно ѣхать, а квартиръ безъ счету. Прибавьте къ этому баню и прачешную въ отдѣльныхъ зданіяхъ и еще большую армянскую церковь, временный складъ полевой артиллеріи. Но содержать этакую громаду трудно, и потому я думаю выступить съ проектомъ объ открытіи тамъ же женской русской прогимназіи...

Въ воскресенье будетъ объявленіе Высочайшаго благоволенія по поводу телеграммы въ день открытія женской гимназіи. Государь повелѣлъ объявить при этомъ жителямъ Холмскаго края увѣренность Его, что „они непоколебимо сохранятъ

тѣ чувства преданности Престолу и *общему* отечеству, которыми всегда отличались сыны Русской земли".

Витте на этой недѣлѣ возвращается въ Варшаву.

Письмо 14.

13—25 декабря 1866 г.—Г. Холмъ.

Самая важная у насъ новость, которой мы не знаемъ еще въ опредѣленныхъ чертахъ, — это оставленіе Польши княземъ Черкасскимъ. Я вамъ писалъ въ свое время объ арестѣ 4 уніатскихъ священниковъ, демонстрировавшихъ по поводу вывоза Калинскаго. Доселѣ они безнадежно сидѣли въ Варшавской крѣпости. На прошлой недѣлѣ неожиданно дано было по телеграфу предписаніе освободить ихъ и отправить на мѣста. Воротившіеся такимъ способомъ вицеректоръ Гарасовскій и профессоръ Зиневичъ привезли положительное извѣстіе, что Черкасскій не возвратится въ Варшаву, и что жена его выѣзжаетъ уже оттуда. Извѣстіе это вполнѣ подтверждается всѣми соприкосновенными обстоятельствами. Но вотъ вопросъ: куда же дѣвается Черкасскій? Выходитъ ли онъ въ отставку или попадаетъ въ канцелярію Государя, либо въ Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, въ этомъ весь интересъ новости. Милютинъ, опора русской партіи въ Варшавѣ, сраженъ параличемъ, а Бергъ въ Петербургѣ. Не одолѣла ли нѣмецкая партія? Это весьма вѣроятно, и въ Варшавѣ Браунштейга прочатъ на мѣсто Черкасскаго... Бѣда, если не только Милютинъ, но и онъ станутъ въ сторонѣ отъ польскаго вопроса. Бергъ весьма склоненъ къ примирительной политикѣ; тогда, какъ говорится, пропало, що й писали.

Недавно я послалъ вамъ 200 руб. на иконы и ноты. Кажется, будетъ слѣдовать за иконы еще не меньше ста рублей, и я высылаю таковые при семъ случаѣ. Если бы что осталось отъ иконъ, то попрошу передать Ивану Игнатьевичу за брошюры, высланныя имъ въ количествѣ 75. Потрудитесь спросить его, какая цѣна этимъ брошюрамъ, а безъ этого я не знаю. какъ съ нимъ разсчитаться.

Что же Юзефовичъ и Гогоцкій доселѣ не выслали книгъ для Львова? Неужто они отправили на Броды? Плохо, если такъ: и галичанъ доведутъ до непріятностей и хлопотъ, и книги, пожалуй, не попадутъ къ нимъ, а если и попадутъ, то не раньше, какъ чрезъ полгода. Галичане боятся письма изъ Россіи получать, не то что книги московскія. Отъ меня идущія книги переправляются по ночамъ, да и то таможенными чиновниками при посредствѣ жидовъ.

Кстати, возьмите у Самчевскаго экземпляра два моихъ актовъ и передайте чрезъ Пясецкаго, а если деньги потребуютъ, выплатите изъ посылаемыхъ теперь денегъ по такой цѣнѣ, по какой они продаютъ Литову, т. е. за половину. У меня ни одного экземпляра не осталось, а хотѣлось и въ гимназію подарить; у нихъ же этого добра много должно быть.

Не добились ли вы чего новаго отъ митрополита на счетъ галичанъ? Что успѣли Селинъ и Гогоцкій на счетъ Головацкаго? На исходатайствованіе субсидій, о которыхъ вы писали, я утратилъ надежду: только что собрался писать Милютину, какъ прочиталъ печальное извѣстіе о его болѣзни.

О клубѣ подаемъ прошеніе, а почтовое сообщеніе съ Люблиномъ начнется чрезъ 6 дней. Часть иконъ, какія готовы будутъ, прошу чрезъ Пясецкаго передать. Нѣтъ ли кандидатовъ на учительство въ сельскія школы? Прошу рекомендовать. Мѣстъ много.

Письмо 15.

19—31 декабря 1866 г.—Г. Холмъ.

Экстренное.

Пишу по особому случаю. Сейчасъ пріѣхалъ изъ Львова о. Ясинскій, о которомъ я уже писалъ вамъ, и привезъ оттуда самыя горестныя вѣсти. Всѣ впрочемъ самыя безбожныя продѣлки и поляковъ и правительства стали вещью обыкновенною. Одно только обстоятельство способно поразить кого угодно своею

чрезвычайностью,—это невѣроятная нищета ораторовъ пословъ, которымъ рукоплещетъ вся Европа. Вотъ что передалъ онъ мнѣ о Наумовичѣ: Европа въ долони плескала іого мови, а чи знае Европа, що той ораторъ смілый не мае наветь штановъ полотнянихъ?! Истинно такъ. „Въ день въ сойми сижу, сказалъ ему Наумовичъ, а въ почи латы латаю: що маю робити".— Ужасно, но именно такъ. Пожаръ испепелилъ все его имущество, жена и дѣти гдѣ то въ деревнѣ безъ крова и безъ хлѣба, а онъ въ сеймѣ рѣчи говоритъ... Не забудьте, что онъ простой сельскій священникъ и получаетъ жалованья всего 80 гульденовъ австрійской валюты. Дѣти подросли, такъ не за что было въ школу отдать еще до пожара, а теперь босые и голые.

Христа Господа ради, сжальтесь надъ знаменитымъ бѣднякомъ и устройте въ Кіевѣ подписку въ пользу его, да что соберете, присылайте ко мнѣ, а я въ Львовъ отошлю при оказіи. Мы въ пять минутъ собрали и завтра посылаемъ до 200 руб. Дали бы и больше, да уже совсѣмъ истощились, ибо въ этомъ году шестой разъ уже жертвуемъ, и мнѣ одному пришлось до 200 р. положить. На казенную субсидію погибла надежда съ тѣхъ поръ, какъ Милютинъ сраженъ. Набоковъ—это тотъ, что былъ при Константинѣ Николаевичѣ въ Варшавѣ. Говорятъ, что Черкасскій просилъ отставки, но Государь говорилъ съ нимъ три часа и убѣдилъ остаться. Что больше,—темна вода.

ПОЧАДѢВСКАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(*Новѣйшее произведеніе древле-волынской письменности*).

Читатели нашего журнала, вѣроятно, не забыли, что эту курьезную лѣтопись явилъ изумленному міру житомирскій протоіерей Н. Трипольскій. Первые отрывки изъ нея появились на страницахъ „Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей“ еще въ іюнѣ и сентябрѣ 1896 года и одновременно въ I вып. „Волынскаго Историко-Археологич. Сборника“. „Кіев. Старина“ тогда же достойно привѣтствовала эту диковинку [1], а въ одной изъ столичныхъ газетъ былъ помѣщенъ о ней далеко не почтительный отзывъ [2]. Послѣ этого Почадѣвская лѣтопись въ теченіе цѣлаго года перестала украшать страницы волынскаго епархіальнаго органа; но съ конца декабря 1897 г. печатаніе ея возобновилось и грозитъ затянуться въ безконечность. Всего по настоящее время напечатано около 150 страницъ лѣтописныхъ и другихъ отрывковъ, относящихся якобы къ XIII, XIV и XV столѣтіямъ. Полагаемъ, что этого матеріала болѣе чѣмъ достаточно для того, чтобы можно было высказать рѣшительный приговоръ объ этомъ мнимомъ памятникѣ древности.

---

[1]) См. „Новыя открытія въ области древле-волынскаго бытописанія“ (К. Старина, 1896 г., октябрь),

[2]) „Новое Время“ 1896 г. № 7466 (корреспонденція изъ Житомира).

Слѣдуя традиціонному плану академическихъ изслѣдованій, мы ставимъ прежде всего вопросъ о происхожденіи Почаѣвской лѣтописи и о личности ея составителя. Вполнѣ точными свѣдѣніями по этому вопросу обладаетъ пока одинъ о. Трипольскій; онъ самъ таинственно сообщаетъ, что публикуемые имъ отрывки къ нему поступаютъ „отъ одного *намъ извѣстнаго* лица". Конечно, со стороны издателя крайне не великодушно хранить въ секретѣ отъ ученаго міра свѣдѣнія по предмету такой первостепенной важности; но на это его добрая воля. Къ счастью, всякій литературный памятникъ обладаетъ предательскимъ свойствомъ выдавать если не имя, то во всякомъ случаѣ личность автора—часто противъ его желанія. Ex ungue leonem! Ужъ на что былъ скрытенъ знаменитый авторъ „Слова о полку Игоревѣ", а теперь, небось, любой гимназистъ съ мѣста сообщитъ о немъ всю подноготную—и гдѣ жилъ, и кого или что любилъ, и какъ вѣровалъ,—только на счетъ имени и отчества запнется; но, какъ справедливо замѣчаетъ поэтъ: „что имя? звукъ пустой"! То же случилось и съ новой интересной маской—авторомъ Почаѣвской лѣтописи. Не дождавшись отъ издателя разъясненій по интересующему насъ вопросу, мы подвергли всевозможному анализу самую лѣтопись, и вотъ что выдала она относительно своего происхожденія и личности ея составителя.

Одному мечтательному волынскому патріоту, одаренному пылкимъ воображеніемъ, но не острымъ умомъ, снился престранный сонъ: будто его прекрасная родина представляетъ своеобразное теократическое государство, по своему строю непохожее ни на одно изъ царствъ, когда-либо существовавшихъ на землѣ. Въ каждомъ селеніи этого государства существуетъ по одному, а въ городахъ по два, по пяти и болѣе монастырей, владѣющихъ обширными землями, многолюдными хуторами, и надѣленныхъ всякими богатствами. Но всѣ эти безчисленные монастыри представляютъ не болѣе, какъ филіальныя отдѣленія центральнаго монастыря, носящаго нѣсколько странное названіе „*Поча-Дѣва*". Ни царей, ни королей нѣтъ въ этомъ государствѣ, ибо въ Почаѣвѣ пребываетъ сама Пресвятая Дѣва и непосред-

ственно внушаетъ игумену свои божественныя велѣнія, а онъ передаетъ ихъ игуменамъ остальныхъ монастырей. Не нужны здѣсь также ни арміи, ни флоты, такъ какъ всѣ христіанскіе народы неизмѣнно питаютъ къ Почадѣву чувства благоговѣйнаго почитанія, а невѣрные цари хотя ежегодно почти вторгаются съ своими ордами въ предѣлы Почадѣвскаго государства и производятъ губительныя опустошенія, но имъ никогда не удается овладѣть самимъ Почадѣвомъ, такъ какъ здѣсь всегда посрамляетъ ихъ сила небесная. Впрочемъ, всѣ подобныя бѣдствія быстро излѣчиваются при благосклонномъ содѣйствіи иноковъ: владѣя громадными матеріальными средствами, монастыри строятъ на своихъ земляхъ дома для разоренныхъ и обездоленныхъ жителей, снабжаютъ ихъ хлѣбомъ, скотомъ и деньгами, устраиваютъ для нихъ больницы и школы. Вообще, благодаря монастырямъ, просвѣщеніе и промышленность стоятъ въ Почадѣвскомъ государствѣ на высокой степени процвѣтанія: каждая обитель содержитъ по одному высшему училищу и по нѣсколько низшихъ; при каждой устроены фабрики и заводы всевозможныхъ издѣлій, отъ выдѣлки „кухлей" до производства дорогихъ „кришталей". При такомъ благополучіи, долговѣчность здѣшнихъ обывателей достигаетъ невѣроятныхъ предѣловъ, а смертность вообще незначительна, ибо монахи чудеснымъ образомъ излѣчиваютъ всѣ болѣзни. Вообще чудеса и знаменія составляютъ въ Почадѣвскомъ царствѣ самыя обыденныя, ежедневныя явленія. Не удивительно, что слава о святости и благоденствіи Почадѣва распространяется по всему свѣту и къ нему тяготѣютъ всѣ концы вселенной. Сюда безпрестанно стекаются на поклоненіе не только христіанскіе короли, но также магометанскіе султаны и языческіе ханы, и каждый изъ нихъ, уѣзжая, оставляетъ здѣсь крупные дары на память или молитвенное поминовеніе; сюда же часто являются иновѣрные бискупы и аббаты, благоговѣйно поклоняются православной святынѣ, отрекаются отъ прежнихъ заблужденій и нерѣдко навсегда остаются здѣсь въ числѣ братіи или принимаютъ на себя обязанности преподавателей иностранныхъ языковъ въ монастырскихъ училищахъ..

Проснулся нашъ мечтатель—и горько стало ему при мысли, что дѣйствительность такъ мало похожа на сонъ. И такъ какъ онъ обладалъ буйнымъ воображеніемъ и въ семинаріи не былъ достаточно ознакомленъ съ исторіею Волыни, то ему захотѣлось убѣдить себя, что, если не теперь, то, по крайней мѣрѣ, въ давнопрошедшія времена его родина представляла что-либо похожее на то, что грезилось ему. И сталъ онъ усердно изучать исторію Волыни. Но онъ ни отъ кого не слыхалъ, что существуетъ спеціально волынская древняя лѣтопись и другія вполнѣ достовѣрныя пособія, и потому обложилъ себя единственно „Волынскими Епархіальн. Вѣдомостями“ за всѣ тридцать лѣтъ ихъ существованія. А нужно знать, что въ этомъ почтенномъ органѣ древняя исторія Волыни, по большей части, представлена въ такомъ свѣтѣ, что природный волынецъ поневолѣ воспылаетъ чувствомъ „народной гордости“: что ни урочище, то и преданіе о монастырѣ, построенномъ св. Владиміромъ; что ни старинная икона, то и благодатный образъ, писанный св. евангелистомъ Лукою, или, по меньшей мѣрѣ, тотъ самый образъ, коимъ греческіе императоры Василій и Константинъ благословили сестру свою Анну на бракъ съ княземъ Владиміромъ. Почти всѣ волынскія поселенія, конечно, оказываются ужасно древними, и эта древность чрезвычайно легко опредѣляется не свидѣтельствами лѣтописей или археологическими раскопками, а простѣйшимъ филологическимъ методомъ, спеціально на Волыни изобрѣтеннымъ, въ помощь которому является непремѣнно и народное преданіе; напримѣръ, м. Клевань, какъ видно по его имени, возникло въ то время, когда здѣсь (вѣроятно, въ эпоху великаго переселенія народовъ) прогоняли много скота и явилась потребность построить для него *хлѣвъ*, что подтверждается будто бы и мѣстнымъ преданіемъ; г. Ровно обязанъ своимъ происхожденіемъ такому случаю, что у князей Острожскихъ было уже на Волыни 99 городовъ и лишь одного не доставало до сотни, почему они основали этотъ городъ и сказали: „теперь у насъ *ровно* сто городовъ!“ На мѣстѣ с. Тихомля когда-то мельница *тихо молола*, на мѣстѣ с. Перемиля она *пе-*

ремалывала, а на мѣстѣ с. Буремля—какъ *боръ* (или *буря*) *молола*, и т. под. — Проникшись такими воззрѣніями на родную старину и въ совершенствѣ усвоивъ этотъ своебразный филологическій методъ, нашъ мечтатель съ особеннымъ усердіемъ принялся изучать исторію главной святыни края, Почаевскаго монастыря, и съ недоумѣніемъ узналъ, что документальная исторія этой обители начинается всего лишь съ 1597 года, а чудотворная икона Почаевской Б. Матери принесена на Волынь лишь въ 1559 году. Здѣсь „народная гордость" волынскаго патріота была рѣшительно оскорблена: какъ можно допустить, чтобы волынская лавра уступала въ древности не только кіевской, но и московской!. И прежніе волынскіе историки не хотѣли съ этимъ мириться; они также склонны были вѣрить, что Почаевская обитель получила начало едва-ли не на зарѣ христіанства въ краѣ Волынскомъ, и въ подтвержденіе ссылались обыкновенно на уніатскую книгу, изданную въ 1772 г., подъ названіемъ „Гора Почаевская", въ которой въ числѣ другихъ чудесъ, бывшихъ въ Почаевѣ, приводится извѣстное сказаніе о явленіи Б. Матери на скалѣ и это чудесное событіе относится къ 1240 году. Сверхъ того, въ дѣлахъ лаврскаго архива есть глухое указаніе, что тамъ существовала нѣкогда рукописная книга подъ названіемъ „Памятникъ монастыря Почаевскаго". Что это за книга?—Конечно,—рѣшилъ нашъ фантазеръ—это была древняя лѣтопись Почаевская, и въ ней, навѣрное, заключалось то самое, что грезилось ему въ сонномъ видѣніи. Говорятъ, она безслѣдно исчезла—ее будто бы истребили уніаты. Такъ нельзя ли *возсоздать* ее, если не всю, то хотя въ отрывкахъ? Вѣдь вотъ же чехи возсоздали Краледворскую рукопись и долго весь свѣтъ морочили! Наши волынцы куда простоватѣе чеховъ, а въ патріотизмѣ имъ не уступятъ. Давай-ка попробую! смѣлости у меня хватитъ. Только вотъ бѣда въ чемъ: какимъ языкомъ писали въ тѣ времена на Волыни? „Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ!" Должно быть такъ: вмѣсто „желѣзо" писали *желпзіе*, вмѣсто „вода" — *водіе*, вмѣсто „княжество"— *князіе*, вмѣсто безуміе"—*мрачіе ума*. А ну, Господи благослови!

И вотъ новый лѣтописецъ, вырвавъ изъ старыхъ дѣлъ бывшаго духовнаго правленія нѣсколько пачекъ чистыхъ листовъ плотной, синей бумаги, зажегъ свою лампаду и давай выводить, поддѣлываясь подъ уставный почеркъ: «Року лткд, мартобря 35». Сначала работа шла туго, и много листовъ было испорчено, а потомъ пошло легче. Черезъ недѣлю дерзость новаго Нестора дошла до такихъ предѣловъ, что онъ бросилъ презрѣнную прозу и принялся кропать вирши якобы XIII вѣка.

Когда было изготовлено такимъ способомъ значительное количество листовъ, нео-лѣтописецъ таинственно показалъ ихъ о. Трипольскому и, должно быть, сочинилъ при этомъ какую-нибудь необыкновенную легенду относительно ихъ пріобрѣтенія. Иначе трудно понять, какимъ образомъ почтенный протоіерей, безъ сомнѣнія, читавшій на своемъ вѣку древнія лѣтописи, могъ впасть въ такое невѣроятное ослѣпленіе, что принялъ за подлинную древность самую грубую, бездарную и невѣжественную фальсификацію. Онъ даже не потребовалъ у своего таинственнаго знакомца передачи всѣхъ якобы новооткрытыхъ отрывковъ древней лѣтописи, чтобы разомъ ознакомиться съ ними и расположить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ; нѣтъ, онъ скромно довольствовался тѣмъ, что ему время отъ времени, по листочку, вручалось, и съ восхищеніемъ предавалъ эти крупицы тисненію. А таинственный знакомецъ словно издѣвался надъ его довѣрчивостью: сегодня совалъ ему листокъ съ отрывкомъ лѣтописи будто бы 1240 года, а черезъ недѣлю—1382 г., а далѣе 1441, а потомъ 1226 и затѣмъ снова 1240 г. и т. д. И такое издѣвательство продолжается до сего времени. А ослѣпленный издатель словно и не замѣчаетъ, что, не смотря на разницу вѣковъ, языкъ, письмо и синяя бумага отрывковъ остаются неизмѣнными.

Нужно ли знакомить читателей съ содержаніемъ, изложеніемъ и языкомъ этого непристойнаго фальсификата? Признаемся, мы охотно уклонились бы отъ такой неблагодарной задачи, тѣмъ болѣе, что въ помѣщенной полтора года назадъ на страницахъ нашего же журнала статьѣ достаточно ярко и полно

очерчены существенныя прелести этой псевдо-лѣтописи, достойной быть сюжетомъ для веселаго фельетона, но никакъ не предметомъ серьезной критики. Но изъ опасенія, какъ бы нашъ жесткій приговоръ не показался кому-либо голословнымъ, провѣрить же его не всякому удобно, такъ какъ Почадѣвская лѣтопись печатается въ мало доступномъ органѣ, — мы скрѣпя сердце станемъ знакомить читателя съ Почадѣвскою лѣтописью.

Повидимому, отправнымъ пунктомъ для нашего лѣтописца послужило такого рода соображеніе: если Клевань, Ровно, Тихомль, Перемиль и многія другія волынскія поселенія обладаютъ столь многозначительными названіями, то имя главной мѣстной святыни—Почаева, безъ сомнѣнія, должно скрывать въ себѣ еще болѣе знаменательный смыслъ, таинственно прообразующій будущую славную судьбу его. Конечно, современная звуковая форма этого имени испорчена; возстановить первоначальную форму не особенно трудно, пользуясь своеобразнымъ филологическимъ пріемомъ, съ помощью котораго прежніе волынскіе историки сдѣлали уже столько великихъ открытій. И вотъ въ 15—17 №№ «Волынскихъ Епарх. Вѣдомостей» 1896 г. печатается доселѣ никому невѣдомая и неизвѣстно, гдѣ и кѣмъ разысканная, польская рукопись, составленная якобы въ 1732 г. почаевскимъ провинціаломъ, «имя и фамилію котораго, по неразборчивости подписи, прочесть не возможно». Въ ней разсказывается о томъ, какъ 25 ноября 1197 года на Почаевскую гору, тогда еще совершенно пустынную, съѣхались для охоты человѣкъ 30 помѣщиковъ (sic) изъ Львова, Кракова, Будня (венгерскаго г. Будина) и другихъ мѣстъ и какія видѣли они тамъ чудесныя знаменія. Эти знаменія повторились и 17 апрѣля слѣдующаго 1198 года, когда тѣ же помѣщики-охотники прибыли сюда вторично, въ ознаменованіе чего ими была построена тамъ же, на скалѣ, часовня. А скоро послѣ того пришелъ сюда изъ Греціи и поселился близъ часовни инокъ Меѳодій и въ 1219 г. заложилъ монастырь-скитъ, а самое мѣсто прозвалъ *Почадѣвъ*,

потому что здѣсь *почá* (т. е. начала) *Дѣва* являть свои чудеса. Далѣе слѣдуетъ подробное описаніе новопостроеннаго монастыря и исторія управленія имъ Меѳодіемъ, умершимъ въ 1228 г.

Это сомнительное сказаніе понадобилось автору въ качествѣ прелюдіи, или пролога, къ появившимся вслѣдъ за нимъ отрывкамъ Почадѣвской лѣтописи. Въ нихъ изображается почти изо дня въ день самая разносторонняя дѣятельность Меѳодія. Подъ 1213 годомъ приводится якобы подлинная дарственная запись одного изъ вышепомянутыхъ помѣщиковъ-охотниковъ, пана Центера, Почадѣвскому монастырю на десять волокъ земли съ лѣсомъ и «хотаръ» (хуторъ) Комнату. Въ этомъ актѣ, изложенномъ тарабарскимъ нарѣчіемъ и озаглавленномъ почему-то *«дыпломатъ»*, даритель такъ себя титулуетъ: «Михаилъ Центеръ, воевода Божіею милостію, господаръ земли владсной на горѣ чуда пресвятой Дѣвы Маріи Почадѣва». Столь же страненъ титулъ игумена: Центеръ пишетъ, что дѣлаетъ даръ «съ нашимъ благимъ хотеніемъ и благословеніемъ *святителемъ* нашимъ Меѳодіемъ». Въ другихъ мѣстахъ лѣтописи онъ именуется „патріархомъ“, „преподобнымъ“ и даже „святымъ“.

Въ 1224 году этотъ Меѳодій даетъ убѣжище на монастырскихъ земляхъ населенію цѣлыхъ двѣнадцати „градовъ“ Кіевской земли, дотла сожженныхъ и подвергшихся „разграбу и мечу“ со стороны „душегубинара Татарина“, который, по мнѣнію почадѣвскаго лѣтописца, вторгся въ южную Русь задолго до Батыева нашествія. Въ томъ же году Меѳодій въ своемъ монастырѣ „избудовавъ для законниковъ *училину главну* (т. е. высшее училище) на сто учениковъ“, а черезъ три года „выстроилъ въ збудованѣмъ домѣ законниковъ *виблію* монастыру на св. горѣ Пресвятои Дѣвы Маріи Почадѣва в ни Библютеку за трома одѣла, а одѣлъ іесмъ перьвое главна тоя монастиръ; завѣдоша тѣмъ іеромонахъ Ѳеоѳаній“. Насколько можно понять эту тарабарщину, въ ней рѣчь идетъ о постройкѣ помѣщенія для библіотеки съ тремя отдѣлами и о назначеніи „завѣдующаго“, т. е. библіотекаря.

Въ томъ же 1224 году, 10 января, „пребыша Поча-Дѣву монастыру господари владей Моледева (по толкованію о. Три-

польскаго—„владѣній Молдавскихъ") и привезоша свои дроговизни (драгоцѣнности), жебы здѣ ouховати вѣ монастыру, іако невѣрный татаринъ починае іавлятися на земли си грабити"... Можно подумать, что татары въ 1224 году двигались на Русь съ запада, а не съ востока. „Того же дня пребуди жени и дѣти господарей 123 раховиіемъ (счетомъ) всѣхъ". По этому случаю 13 января „препод. Меходый молвилъ копати печари для ouхрони мнозѣй народи". Въ тотъ же день „господари пошли противко невѣрнаго въ свою страну", а на память о своемъ посѣщеніи подарили монастырю кругленькую сумму 600000 „злотей".

Въ это же время, именно 10 января, „пребуди въ монастырѣ Поча-Дѣва Мистиславъ Оудалій" просить небесной помощи противъ татаръ и, помолившись, „того же дня уйдя изъ монастыря противо невѣрнаго". Здѣсь невѣжество лѣтописца сказалось въ томъ, что онъ князя Мстислава величаетъ (согласно съ учебниками по русской исторіи) *Удалымъ*, не подозрѣвая, что этотъ эпитетъ есть не болѣе, какъ неудачный переводъ древнерусскаго *удатный*, приданнаго князю Мстиславу составителемъ древней волынской лѣтописи.

Въ томъ же 1224 г. были и другіе гости въ Почадѣвѣ: пришли 5 человѣкъ „изъ Морави, исповѣданя римско-католицего обрадіа, ктерые повѣдали, іако творисіа поругане множицею надъ вѣрою греческаго обрадіа духовницами римско-католическими, а тако заводя власни обради"; потомъ чудеснымъ образомъ были перенесены сюда „трое законницевъ изъ монастыра св. Андрея, ктерый іесть въ земли греческаго владія"; затѣмъ пришли „духовницы" изъ какого-то „града Кренчуга Хотомща-Дрегала и Веруга, ктерые принесоша всѣ жеци (вещи) святыни, жебы ouхронити отъ невѣрнаго, ктерый возмутися грабити страни хрестыански"; наконецъ „протекоша народи рахованіемъ 23 изъ страней Магометіа (?!), ктерые повѣдали тоіе, яко мнози народи пріяше законы вѣри того признаніа, отъ чесо среди народей смути почали и тако заблуди[1]) велицы". Выслу-

[1]) По толкованію о. Трипольскаго, „заблуди" — заблужденія, погрѣшности, ошибки.

шавъ послѣднюю новость, Меѳодій тотчасъ же „презначилъ трое законницовъ въ страну Магометіа гласити іевангеліо Іс: Хр:“. Жаль, что о. Трипольскій не истолковалъ, что нужно разумѣть подъ „страной Магометіа“: Аравію или Месопотамію?

Среди этихъ многотрудныхъ заботъ Меѳодій находилъ время неустанно заниматься еще науками и искусствами. Онъ былъ живописцемъ, каждый день писалъ иконы, разсылалъ ихъ по другимъ монастырямъ, и почти каждая изъ нихъ оказывалась чудотворною. Сверхъ того, онъ составилъ обширное евангельское толкованіе, отрывокъ изъ котораго приводится въ лѣтописи; но мы его цитировать не станемъ, ибо со стороны языка это сплошная нелѣпость. Трудъ этотъ Меѳодій будто бы послалъ своему пріятелю Генриху Гольстаху, ректору католическаго монастыря св. Павла на горѣ Юра, во Львовѣ, и получилъ отъ него въ 1224 году благодарственное письмо, начинающееся такою безсмыслицею: „Зевсемъ не сомнуся и гагуся, же среди вельбителями евангелія толковія знайдешъ панъ достойный и во вакихъ ктури вызнаетъ религію Өрейтари хоче заместити“... и проч. Меѳодій сдѣлалъ видъ, будто уразумѣлъ эту галиматью, и накрутилъ пріятелю еще болѣе мудреный отвѣтъ: „Ничесо блаже быти мнозіе не може іако послане листу отъ тя ктерымъ мя ты оулучилъ іако блажіе тое есть мего труду“... и проч. и въ концѣ расписался такъ: „Маю зоставатися съ жившую оуважимою честею духовника Генрыха слуга чудесной Матки Божей въ Почадѣва монастыру Меѳодый“.—Конечно, еслибы Почадѣвскій лѣтописецъ справился, хотя бы по элементарному учебнику, что г. Львовъ основанъ не раньше половины XIII ст. (въ первый разъ упоминается въ Ипатской лѣтописи лишь подъ 1259 годомъ) и что въ 1224 г. тамъ не могло быть никакого католическаго монастыря, то онъ, можетъ быть, устыдился бы такъ явно издѣваться и надъ исторіей, и надъ здравымъ смысломъ, и надъ своимъ издателемъ.

Тотъ же Меѳодій составилъ „поученіе братіи“ всѣхъ монастырей, имъ основанныхъ на Волыни, и произнесъ его на соборѣ въ Почадѣвѣ, бывшемъ будто бы въ 1226 году. Начало

его неподражаемо: „Въ недлугій часъ братіи вырену, чесо маю увинтіемъ въ помяти, [1]) жебъ тоіе оутвердіемъ принятнемъ стало среди глубоцей помяти вашія, а тако же гласіе народіямъ, ктери въ монастыріяхъ вашихъ обретохся... Іегда противицею человѣца съ звѣріемъ толкнишися въ іефіопіи чесо маю за оужитіе, іегда оумиряеши не возбудися“.. и т. под.

Въ такомъ же родѣ и вирши, которыя будто бы писывалъ Меѳодій. Вотъ ихъ образчикъ:

Першемъ до мя ничесо не оутворія,
Іено тылько ктерое іесть вѣчніемъ,
И тако іа въ сущіи іесть въ вѣцы бъзъко(неч)нія.

Послѣ смерти Меѳодія, при его преемникахъ, Почадѣвскій монастырь все болѣе становится какимъ-то центральнымъ прибѣжищемъ, къ которому тяготѣютъ едва-ли не всѣ концы вселенной. Въ 1240 году пришли сюда 40 рыцарей, „ктерые не могоша молвити іазыцемъ, іако законники“. Эти безъязычные пришельцы „воздаша великое оуклоніе Матки Божей“, подарили монастырю „ваги монети злата“, и по этимъ монетамъ лѣтописецъ догадывается, что рыцари приходили изъ „страней за Гальціи“, т. е., по изъясненію о. Трипольскаго, „изъ-за альпійскихъ странъ“. Въ томъ-же году прибылъ „владыца от гуртіа татарина Манмудъ-Тожма“, принялъ крещеніе и постриженіе и былъ назначенъ преподавателемъ восточныхъ нарѣчій въ Почадѣвскомъ „старшемъ оучилинѣ“. Онъ оказался такимъ мастеромъ своего дѣла, что уже въ томъ году „почели законницы молвити іазыцемъ татарина“. Въ 1310 г. прибыло 15 человѣкъ изъ Чехіи, Моравіи и Венгріи съ жалобами, что папа сталъ ломать вѣру, жечь непокорныхъ и грабить вѣрныхъ католиковъ; съ ними былъ и Пражскій бискупъ Береговичъ, принесшій въ даръ монастырю 75,000 „злотій“ и оставшійся здѣсь преподавателемъ „іазыца латинаго“ въ почадѣвской академіи. Въ 1384 г. пришли въ Почадѣвъ монахи „изъ монастыра св: Троицы, ктерый іесть въ

[1]) По толкованію о. Трипольскаго, „увинтіемъ въ помяти“ значитъ „закрѣпленнымъ въ памяти“, т. е. имѣется въ виду слово „винтъ“, но отъ этого смыслъ рѣчи не становится яснѣе.

окрести града Москви“. Ихъ, какъ малограмотныхъ, немедленно неопредѣлили „въ оучилину старшаго оученія“, и когда они немного научились почадѣвскому нарѣчію, то стали разсказывать ужасную околесицу о томъ, какъ въ 1380 г. „іавися пролите крови журицами (ручьями) при рѣцѣхъ Доннія и Непрадьви на кулика (sic) съ владіемъ татарина Мамая и велицымъ князіемъ Димитріемъ руссцемъ“. Въ слѣдующемъ году прибыло 53 человѣка съ береговъ „Даравія“ (Дравы), гдѣ яко-бы произвели разоренія татары въ союзѣ съ „поливцами“ (половцами?); а черезъ полгода сюда же явились цѣлыя толпы „изъ страней Касога“, которымъ князь Ольгердъ велѣлъ селиться на рч. Виліи, близъ „града Куна“, но переселенцы просили позволенія навсегда остаться въ Почадѣвѣ. Въ 1441 году пріѣзжала въ Почаевъ мать московскаго великаго князя Василія Васильевича, княгиня Софья Витовтовна, и нелѣпымъ языкомъ повѣдала игумену нескладную повѣсть о ссорѣ князей, приключившейся на свадьбѣ ея сына изъ-за украденнаго и опознаннаго на Василіи Косомъ драгоцѣннаго пояса. Наконецъ, въ 1449 г. послѣдовалъ еще менѣе вѣроятный визитъ: въ Почадѣвъ прибылъ съ своей матерью „краль поляцій Казиміръ IV Іагелончицъ“ и оставилъ монахамъ на молитвы 600,000 „злотей“, да „мати его Зофія 40,000 злотей“. Если вспомнимъ, что такую же сумму подарили когда-то Почадѣвскимъ инокамъ бѣдные Молдавскіе господари, то королю подобало-бы быть болѣе щедрымъ.

Подъ 1382 годомъ въ лѣтописи приводится тенденціозный разсказъ о Ченстоховскомъ чудотворномъ образѣ Б. Матери, писанномъ якобы евангелистомъ Лукой на доскѣ того самаго „сыпрысоваго“ (кипариснаго) стола, „при ктеромъ пресвятая Дѣва Марія Бога за родъ народный благально“ молила, „пренимая іастіе и трудяся трудами на ніемъ власнеми руцеми“. Этотъ образъ „чудесно былъ оуцеленъ до часу святой Іелени“, матери Константина В., которая отыскала его въ Іерусалимѣ и принесла въ Царьградъ. Въ 803 году византійскій императоръ Никифоръ подарилъ будто-бы эту икону Карлу Великому въ благодарность за примиреніе его съ сарацинами, а послѣдній

неизвѣстно за какія услуги подарилъ ее „Льву, князю рускому“, который „тое даяніе отъ Карла Великаго, то есть иконъ, іако драгоцѣніе великое, изложилъ въ замку Велскимъ“ (т. е. Белзскомъ). Здѣсь эта икона оставалась „въ захованю роковъ 572, до пребытя тамъ князя Опольскаго Владиміра року 1349“, который, овладѣвъ Белзомъ, захватилъ чудотвор. икону и впослѣдствіи передалъ ее въ Ченстоховъ. Въ примѣчаніи къ этому баснословію издатель о Трипольскій побѣдоносно заявляетъ: „Вышеприведенное лѣтописное сказаніе свидѣтельствуетъ о томъ, что чудотворная икона Б. Матери, именуемая нынѣ Ченстоховскою, изстари—православная и только лишь въ силу извѣстныхъ историческихъ обстоятельствъ присвоенная римскими католиками.“ Но прежде, чѣмъ предъявлять католикамъ искъ о возвращеніи яко-бы незаконно присвоенной ими святыни, почтенному издателю и коментатору Почадѣвской лѣтописи слѣдовало-бы взять на себя трудъ распутать хотя-бы слѣдующую несообразность въ столь понравившемся ему сказаніи: что это за „рускій князь Левъ“, получавшій отъ Карла Великаго дружескіе подарки? Въ древнерусской исторіи извѣстенъ одинъ лишь Левъ—сынъ Даніила, князь Галицкій; но онъ княжилъ въ концѣ XIII ст. и никакъ не могъ быть пріятелемъ Карла Великаго, умершаго въ 814 году. Самъ лѣтописецъ говоритъ, что образъ находился въ Белзѣ въ теченіе 572-хъ лѣтъ, до захвата его въ 1349 г. княземъ Опольскимъ, слѣдовательно князь Левъ могъ получить его отъ Карла В. не раньше 777-го года. Но вѣдь это въ полномъ смыслѣ эпоха царя Гороха, и если лѣтописцу она доподлинно извѣстна, то какъ же онъ не пояснилъ: въ какихъ именно родственныхъ отношеніяхъ къ этому славному царю находился поименованный имъ „рускій князь Левъ“?

Въ чемъ другомъ—а въ хронологіи нашъ лѣтописецъ спотыкается на каждомъ шагу. Онъ, напримѣръ, заставляетъ „жену“ (не вдову?) князя Даніила Романовича Анну отправиться въ 1301 году на богомолье въ Почадѣвъ, да еще съ малолѣтними дѣтьми 11-ти и 9-ти лѣтъ. Можно представить, какая это была древняя старуха, если она выходила замужъ еще въ 1213-мъ году! Еще

удивительнѣе, какъ она могла въ то время имѣть малолѣтнихъ дѣтей, когда ея супругъ, князь Даніилъ, скончался въ 1264 году. О „плевелахъ проклятой оуніи“ (Флорентійской), яко-бы разсѣянныхъ на Волыни, лѣтописецъ суесловитъ подъ 1414-мъ годомъ, забывая, что эта унія состоялась лишь въ 1439 году. Великій литовскій князь Ольгердъ вноситъ въ Почадѣвскій монастырь денежный даръ въ 20,000 „злотей“ и велитъ на его счетъ позолотить иконостасъ въ 1382 году, а умираетъ (документально) въ 1377 году. По лѣтописи, въ 1449 г. въ Кіевѣ княжилъ „Симеонъ Олековичъ, сынъ (какого-то) Александра Олековича“,—но это сугубый вздоръ: на самомъ дѣлѣ въ это время (1440—1455 г.) здѣсь княжилъ Олелько (т. е. Алексанръ) Владиміровичъ, а его сынъ Симеонъ Олельковичъ занялъ отцовскій удѣлъ лишь съ 1455-го года.

Но всѣ эти (и многіе другіе) промахи—невинныя обмолвки, если сопоставить ихъ съ нижеслѣдующимъ проваломъ, постигшимъ невѣжественнаго лѣтописца. Правду говоря, виновниками этого скандальнаго провала были отчасти польскіе помѣщики, злобствующіе на лѣтописца, надо полагать, за то, что онъ смазнилъ въ Почадѣвъ чуть не всѣхъ бискуповъ и аббатовъ. Дѣло было такъ. Усердно насаждая древніе монастыри рѣшительно по всѣмъ ему извѣстнымъ (и даже неизвѣстнымъ) городамъ и весямъ, лѣтописецъ единственно руководствовался современною картою Волынской губ., въ полной увѣренности, что всѣ нынѣшнія поселенія существовали еще при царѣ Горохѣ, а не то что въ XIII—XIV ст. По изслѣдованіямъ волынскихъ историковъ, оно такъ и было на самомъ дѣлѣ; но нашъ малосвѣдущій лѣтописецъ не зналъ, что польскіе помѣщики, уже въ новѣйшія времена, завели было обычай—переименовывать села и мѣстечки въ честь своихъ женъ и дочерей, и многія изъ такихъ новыхъ прозвищъ навсегда замѣнили прежнія названія. Это обстоятельство и ввело легкомысленнаго лѣтописца въ жесточайшій просакъ. Подъ 1305 годомъ онъ беззаботно суесловитъ, что „въ семъ року, 15 августа, претекоша множіе народей изъ страней по рѣци Днипрію и благали оу монастыра Поча-Дѣва, жебъ презначити

имъ седалища (поселенія), іако не имаютъ седалинъ—татариномъ разгромиша безъ слѣди". Почадѣвъ исполнилъ ихъ „благаніе" и разселилъ ихъ на земляхъ („владіяхъ") разныхъ монастырей, между прочими и „въ *Катербурескомъ*". Къ этому мѣсту издатель поспѣшилъ сдѣлать поясненіе: „гдѣ нынѣ м. *Катербургъ*, Кременецк. у." Дѣйствительно, такое мѣстечко существуетъ и, судя по контексту, лѣтописецъ именно его и разумѣлъ. Но онъ, бѣдный, не подозрѣвалъ, что это названіе мѣстечка весьма недавняго происхожденія: прежде здѣсь было село Вержбицы, но въ началѣ текущаго столѣтія его владѣлецъ, графъ Іосифъ Плятеръ, преобразовалъ его въ мѣстечко и переименовалъ въ *Катеринбургъ*, въ честь своей супруги *Катерины*, урожд. Сосновской. Какимъ же образомъ здѣсь могъ существовать въ началѣ XIV ст. „*Катербурескій*" монастырь?

Другой lapsus въ томъ же родѣ. „Року 1305" почадѣвскіе монахи будто бы „отбудовали грады и тако разіемъ (т. е. разомъ) въ нихъ храмины (т. е. церкви): Шумцевъ, Дерденъ (?), Брыковъ-градъ, *Анновъ-градъ*" и др. О. Трипольскій спѣшитъ пояснить послѣднее имя: „нынѣ м. Аннополь, Острожскаго у." Увы, напрасная поспѣшность! Лучше бы ему, вмѣстѣ съ лѣтописцемъ, раскрыть II томъ „Историко-статистич. Описанія церквей и приходовъ Вол. епархіи", и тамъ, на 681 стр., они узнали бы, что м. Аннополь издавна было селомъ и называлось *Глинники*, а въ 1761 г. князь Антоній Яблоновскій, женатый на княжнѣ *Аннѣ* Сангушко, исходатайствовалъ королевскую грамоту на преобразованіе его въ мѣстечко съ переименованіемъ въ честь сіятельной супруги въ *Аннополь*.—Точно такъ же подъ 1278 годомъ лѣтопись разсказываетъ, какъ „въ семъ року татаринъ разгроми безъ слѣдія" (безъ слѣда) Овруцкіе монастыри и въ числѣ ихъ „монастырь *Ксаверовъ*." Невѣжественному лѣтописцу, очевидно, не извѣстно, что существующее въ Овруцкомъ у. мѣст. *Ксаверовъ* основано „на сыромъ корени" лишь въ 1634 г. ксендзомъ-іезуитомъ Игнатіемъ Ельцемъ для созданной имъ іезуитской коллегіи и названо такъ въ честь іезуитскаго патрона св. Ксаверія. Вотъ какъ новые волынскіе лѣтописцы и

ихъ ученые коментаторы плохо знаютъ исторію своей родной страны!

Столь же худо вѣдаютъ они и ея историческую топографію. Подъ 1399 годомъ въ лѣтописи повѣтствуется, будто «въ семъ року Жити-мирно (т. е. Житомиръ), градъ велицый и славимій, іако *перший князія Волыніа* (т. е. главный городъ княжества Волынскаго), разгроми татаринъ безъ слѣдія». Конечно, кто же не знаетъ того, что Житимирно (въ которомъ, вѣроятно, проживаетъ и самъ лѣтописецъ) есть нынѣ «перший градъ губернія Волынія»; но такъ ли это было и въ то время, когда существовало «князіе Волыніе»? Увы, какъ на зло невѣжественному лѣтописцу, г. Житомиръ никогда не входилъ ни въ составъ древняго Волынскаго княжества, ни въ составъ позднѣйшаго Волынскаго воеводства, а принадлежалъ въ древности княжеству Кіевскому, а потомъ былъ повѣтовымъ городомъ Кіевскаго воеводства, и только въ концѣ прошлаго вѣка, при учрежденіи въ югозападномъ краѣ губерній, отошолъ къ Волынской губ. То же относится и ко всѣмъ поселеніямъ нынѣшняго Житомирскаго, Овруцкаго и восточныхъ частей Новоградволынскаго и Ровенскаго уѣздовъ, упоминаемымъ въ лѣтописи въ качествѣ волынскихъ поселеній.

Въ заключеніе предложимъ читателю забавныя свѣдѣнія изъ лѣтописи о фабричной и заводской промышленности, якобы насажденной монастырями на Волыни въ XIII—XIV вѣкахъ. Тамъ были „заводи майданія“ (смологонные), „будовли дѣлати кухли“ (гончарные), „будовли толкучіе сукнія“ (сукновальни) и „ткація“ (ткацкія фабрики), „заводи дѣлати свѣци“ (свѣчные), а въ 1382 году въ Почадѣвѣ были „выбудованіи заводи дѣлати *бумаги*“. Можетъ быть, это черезчуръ рано. Хотя первая писчебумажная фабрика въ Европѣ заведена была (въ Разенсбургѣ) въ 1290 г., но если принять во вниманіе, что въ Бельгіи и Голландіи подобныя фабрики возникли только во второй половинѣ XVII ст. (почти одновременно съ московскими), а въ нѣкоторыхъ странахъ лишь въ началѣ XVIII в., то существованіе въ Почадѣвѣ бумажной фабрики въ 1382 г. становится

черезчуръ смѣлымъ измышленіемъ волынскаго патріотизма. Впрочемъ, лѣтопись именуетъ тамъ еще болѣе диковинныя производства: въ 1399 г. въ „Краснополіи градѣ“ были будто-бы „заводи дроги криштала“ (хрустальные?), въ „Грицовѣ градѣ“ какіе-то „борщарія“ (?), а „въ градѣ Соколевѣ заводи желѣзія, крешталія и *дурія*“ (sic). Что это было за странное производство—этого не берется истолковать даже ученый коментаторъ Почадѣвской лѣтописи, о. протоіерей Трипольскій.

Мы далеко не исчерпали всего содержанія Почадѣвской лѣтописи, но извлекли изъ нея все существенное, характерное, представили въ многочисленныхъ выдержкахъ образцы языка и изложенія, и думаемъ, что послѣ всего этого нашъ приговоръ о ней, какъ о грубомъ, невѣжественномъ фальсификатѣ, не можетъ возбудить въ читателяхъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Отказываемся угадывать тѣ недостойныя побужденія, какими могъ руководствоваться ея составитель, но должны отдать ему должную справедливость, что онъ какъ-бы сознательно принялъ всѣ мѣры предосторожности, чтобы его грубая поддѣлка никого не ввела въ обманъ. Конечно, сколько-нибудь искусная поддѣлка древняго памятника—дѣло не легкое, требующее большого таланта и огромной эрудиціи; но нащъ фальсификаторъ упрямо пренебрегъ самыми элементарными въ этомъ дѣлѣ техническими требованіями. Вѣдь, если онъ задумалъ поддѣлать волынскую лѣтопись XIII—XV вв., то ему прежде всего нужно было подражать языку и изложенію Ипатской лѣтописи и придерживаться хотя-бы элементарнаго руководства по русской исторіи, чтобы избѣжать анахронизмовъ и другихъ грубыхъ промаховъ. Но почадѣвскій лѣтописецъ какъ-бы намѣренно старается, чтобы его рѣчь не имѣла никакого сходства съ подлинною древне-русскою рѣчью, видимо напрягаетъ свой умъ надъ придумываніемъ нарочито уродливыхъ словъ и выраженій, не имѣющихъ аналогіи ни въ одномъ изъ періодовъ старинной волынской письменности, и словно по заказу нагромождаетъ одну нелѣ-

пость на другую. Однако-жъ, несмотря на все это, нашелся почтенный, образованный, даже ученый человѣкъ, впавшій въ такое непостижимое ослѣпленіе, что съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, взялся за изданіе и коментированіе этого невѣжественнаго фальсификата и своимъ именемъ какъ-бы санкціонировалъ его въ глазахъ простодушныхъ читателей „Вол. Епарх. Вѣдомостей". Но какъ же рѣшилась принять эту вопіющую ложь на страницы своего изданія почтенная редакція названнаго органа, продолжающая и понынѣ печатать ее подъ заманчивымъ названіемъ „документовъ(?), относящихся къ древней исторіи православнаго Почаевскаго монастыря на Волыни"? Неужели и въ ея глазахъ это серьезный, „документальный" памятникъ древности? Но почему же она не сочла приличнымъ хотя бы одинъ разъ сослаться на этотъ памятникъ въ рядѣ статей, ею напечатанныхъ, по случаю праздновавшагося осенью прошлаго 1897 года трехсотлѣтняго юбилея Почаевскаго монастыря? Къ тому времени значительная часть Почадѣвской псевдо-лѣтописи уже была издана, и мы съ живѣйшимъ интересомъ и опасеніемъ прислушивались къ рѣчамъ и адресамъ, во множествѣ читаннымъ на юбилейномъ торжествѣ,—не будутъ ли пущены въ оборотъ данныя, извлеченныя изъ новоявленной лѣтописи. Но, къ чести волынскаго духовенства и другихъ участниковъ торжества, мы можемъ съ отраднымъ успокоеніемъ констатировать тотъ фактъ, что о Почадѣвской лѣтописи тамъ не было и упоминанія: ясно, что эта грубая подделка не пріобрѣла ни въ комъ довѣрія. Видимо, не вѣритъ ей и сама редакція „Вол. Епарх. Вѣдомостей", что̀ очевидно хотя бы изъ слѣдующаго факта. Въ послѣднихъ номерахъ этого журнала помѣщенъ историческій очеркъ Тригорскаго монастыря, о которомъ Почадѣвская лѣтопись предлагаетъ цѣлый коробъ занимательнѣйшихъ подробностей якобы изъ исторіи XIII—XIV ст. И что же! въ названномъ очеркѣ эти свѣдѣнія совершенно игнорируются, и исторія монастыря ведется, согласно съ документальными данными, всего лишь съ 1613 года.

Но въ такомъ случаѣ зачѣмъ же продолжается печатаніе этой грубой поддѣлки, которой, видимо, стыдится сама редакція

органа, ее издающаго? Кому и для чего нужно вносить смуту въ умы простодушныхъ людей, среди которыхъ и безъ того господствуютъ весьма сбивчивыя понятія объ исторіи ихъ родного края? Неужели кто-либо мнитъ этимъ бездарнымъ фальсификатомъ сугубо доказать исконное господство православія на Волыни? Но оно имѣетъ за себя такую массу неопровержимыхъ свидѣтельствъ, что никакой фальсификатъ, хотя-бы самый талантливый, не прибавитъ къ нимъ ничего, а скорѣе убавитъ, ибо всякій подлогъ, употребленный какъ доказательство, можетъ дискредитировать самое безспорное положеніе. Или, можетъ быть, думаютъ, будто чтеніе Почадѣвской лѣтописи можетъ въ комъ-либо питать или укрѣплять религіозное чувство? Эту мысль какъ-будто имѣлъ въ виду и составитель лѣтописи, наводнившій ее безчисленными сказаніями о чудесахъ и знаменіяхъ, явленныхъ будто-бы въ XIII—XV вв. „чудотворнымъ икономъ Пресвятой Дѣвы Маріи на горѣ Поча-Дѣва“. Но что это за икона? Конечно, это не нынѣшняя чудотворная Почаевская икона Б. Матери, принесеніе которой изъ Греціи на Волынь, по единодушному свидѣтельству всѣхъ ея историковъ, совершилось лишь въ 1559 году, а какая-то другая, неизвѣстно откуда взявшаяся и куда дѣвавшаяся, т. е. такой же миѳъ, какъ и все содержаніе Почадѣвской лѣтописи. Тогда какую же религіозно-воспитательную цѣну могутъ имѣть завѣдомо вымышленныя сказанія о ея чудесахъ?

Въ знаменитомъ „Духовномъ Регламентѣ“, не потерявшемъ, сколько намъ извѣстно, и доселѣ руководственнаго значенія церковнаго закона, на стр. 23 и 136, опредѣлительно предписывается властямъ церковнымъ: „смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія, чего не было, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти, и таковыя повѣсти обличить и запрещенію предать, со объявленіемъ лжи во оныхъ обрѣтаемой; понеже таковымъ ложныхъ чудесъ употребленіемъ не точію какое-либо иное чинится безстрашіе, но и заповѣдь Божія (не пріемли имени Господа Бога твоего всуе) дерзостно разоряется: ибо въ тѣхъ вымышленныхъ чуде-

сахъ Божіе воспоминается имя, которое тѣми, яко лжею, не прославляется, но яко всуе пріемлется, а на благочестіе происходитъ отъ инославныхъ порицаніе, чего ради такое законопреступное и благочестію вредительное дѣйство весма пресѣцать надлежитъ". А по указу императора Петра I, огласителямъ „для своего интересу или суетной ради славы" вымышленныхъ чудесъ положено было „наказаніе и вѣчная ссылка на галеры съ вырѣзаніемъ ноздрей".

Чувство человѣколюбія побуждаетъ насъ радоваться за почадѣвскаго лѣтописца, что онъ живетъ въ нашъ гуманный вѣкъ, а не въ суровую эпоху Петра Великаго.

Волынецъ.

ПИСЬМА КУЛИША КЪ В. В. ТАРНОВСКОМУ.

1855—1858.

Печатаемыя здѣсь письма писаны къ Василію Васильевичу Тарновскому-отцу, умершему въ 1866 году. Это былъ, по отзыву однихъ, „лучшій изъ гражданъ Малороссіи“, а по отзыву другихъ — „одинъ изъ нашихъ замѣчательныхъ общественныхъ дѣятелей“. Одинъ изъ ближайшихъ друзей В. В. Тарновскаго говоритъ о немъ, что, когда по семейнымъ обстоятельствамъ В. В. долженъ былъ оставить службу, чтобы заняться хозяйствомъ въ небольшомъ своемъ имѣніи, то ставъ въ непосредственныя отношенія къ своимъ крестьянамъ, „онъ вблизи увидѣлъ всю тягость, всю ненормальность крѣпостнаго права, которое съ тѣхъ поръ, сдѣлалось ему, въ полномъ смыслѣ слова ненавистнымъ *). Любимою мечтою В. В. Т-го стало освобожденіе крестьянъ и, какъ бы предчувствуя готовившуюся ему въ будущемъ дѣятельность, онъ часто говаривалъ: „если бы мнѣ дожить до того счастливаго времени, когда освобожденіе крестьянъ вызоветъ дѣятельность людей, преданныхъ этому дѣлу!

---

*) В. В. Т-ій, сначала очень небогатый помѣщикъ, впослѣдствіи получилъ милліонное послѣ дяди наслѣдство, но и послѣ этого остался прежнимъ простымъ и сердечнымъ человѣкомъ.

я, можетъ быть, буду въ числѣ ихъ" *). В. В. Т-ому удалось не только дожить до этого „счастливаго времени", но и сдѣлаться однимъ изъ замѣтныхъ въ немъ дѣятелей. Слѣдуетъ надѣяться, что рано или поздно будетъ написана обстоятельная біографія этого „лучшаго изъ гражданъ Малороссіи" и тамъ будутъ представлены подробности дѣятельности В. В. Т-го въ разрѣшеніи крестьянскаго вопроса. Тотъ-же ближайшій другъ В. В. Т-го, въ своемъ о немъ некрологѣ, говоритъ: „я помню, съ какимъ юношескимъ воодушевленіемъ онъ открылъ мнѣ, какъ близкому по родству и единомыслію, тайну первыхъ своихъ сношеній съ самымъ центромъ возникавшаго у насъ тогда движенія по этому вопросу и, потомъ, сообщилъ извѣстіе *о вызовѣ его къ дѣятельному содѣйствію реформѣ*; *какъ онъ поскакалъ за границу для личнаго свиданія съ главнѣйшими тогдашними подвижниками царской мысли*; какимъ счастливцемъ онъ возвратился оттуда, уже увѣренный, что реформа будетъ..." Къ этимъ недоговореннымъ фразамъ мы можемъ дать нѣкоторое поясненіе на основаніи личнаго разсказа В. В. Т-го. Мы знали В-лія В-ча въ послѣдній годъ его жизни, когда въ 1865 году онъ поступилъ на службу въ новосозданное тогда земство—членомъ черниговской губернской земской управы. Преданность идеѣ, положенной въ основу земскихъ учрежденій, у В. В. была такъ велика, что онъ согласился даже на второстепенную должность въ губернскомъ земствѣ—члена управы, въ то время, когда общественное мнѣніе думало и желало видѣть его на первомъ здѣсь мѣстѣ... Прослужилъ В. В. въ земствѣ всего одинъ годъ и въ декабрѣ 1866 г. внезапно скончался. Главной причиною этой неожиданной смерти были тѣ немалыя волненія, которыя пришлось ему испытывать вслѣдствіе разныхъ теченій, явившихся въ начальной дѣятельности губернскаго земскаго органа. Энергическій и прямой В. В. Т-ій не вынесъ тѣхъ дрязгъ, которыя мѣшали *дѣлу* и—погибъ... Вотъ въ это время

---

*) *Памяти Вас. Вас. Тарновскаго. М. Юзефовича. Кіевъ. 1867.* В. В. Т-ій былъ женатъ на сестрѣ М. В. Юзефовича.

черниговской жизни В. В. Т-го намъ и приходилось слушать его разсказы о разныхъ эпизодахъ изъ его дѣятельности въ крестьянскомъ вопросѣ. Разсказывалъ онъ намъ между прочимъ и о томъ эпизодѣ, какъ онъ приглашенъ былъ вел. княгинею Еленою Павловною заграницу, въ какой то незначительный германскій городъ, гдѣ, сопровождая вел. княгиню въ ея прогулкахъ, онъ бесѣдовалъ съ нею о разныхъ начинаніяхъ въ крестьянскомъ вопросѣ, которыя потомъ мало-по-малу и осуществились...

Настоящія письма Кулиша переданы въ редакцію В. В. Тарновскимъ-сыномъ, извѣстнымъ собирателемъ памятниковъ малорусской старины. Къ сожалѣнію, редакція лишена возможности напечатать всѣ эти письма разомъ, вслѣдствіе чего часть ихъ должна въ печати явиться позже...

А. Л.

1.

О Василій Васильевичъ!

Если-бы Вы вовсе не были добродѣтельны, то я Васъ таковымъ сдѣлаю. И первою Вашею добродѣтелью да будетъ терпѣніе. Опять жалуется исторіографъ на несносную боль и на опухоль ноги. Пришлите или привезите завтра доктора, да не лишится Малороссія одного изъ своихъ изслѣдователей!

Женѣ моей гораздо лучше и я надѣюсь, что она скоро будетъ въ состояніи бесѣдовать съ Вами.

Скажите Эмиліи Васильевнѣ, что Александра Михайловна давно знаетъ ее по слухамъ и считаетъ своею знакомою, то есть *какъ-бы* знакомою. Сегодня она меня обрадовала, сказавши, что когда оправится совершенно, то первый выѣздъ ея будетъ къ Эмиліи Васильевнѣ. Я знаю, что Ваши должны быть расположены ко мнѣ, и потому передаю это извѣстіе съ такимъ чувствомъ, которое всего лучше поймутъ женщины.

Вашъ П. Кулишъ.

1855, дек. 14 *).

---

*) Изъ Кіева, какъ и слѣдующія два.

Не безпокойтесь, Василій Васильевичъ, привозить къ намъ доктора: Николаю Михайловичу сдѣлалось лучше. Мнѣ досадно, что я не знаю, гдѣ грань между эгоизмомъ и великодушіемъ. Отъ этого я часто страдаю. Мнѣ не слѣдовало бы обращать на малодушно жалующагося мальчика никакого вниманія, а я тотъ-часъ вообразилъ себѣ антоновъ огонь и готовъ былъ поднять на ноги всѣхъ своихъ друзей. Все это отъ боязни быть эгоистомъ, равнодушнымъ къ положенію ближняго. И такъ вѣчно. Если Вы не будете сегодня цѣлый день озабочены, то заѣзжайте ко мнѣ и побесѣдуйте немножко со мною. Я очень нуждаюсь въ дружеской бесѣдѣ. Потомъ свезите меня къ Дебальмену. Со мной такіе происходятъ ужасы, что я могу заболѣть или сойти съ ума.

Вашъ П. К.

1855, дек. 15.

Вѣроятно, у Васъ есть не протекающая ванна. Будьте такъ добры, пришлите ее намъ на нѣкоторое время, если можно сейчасъ.

Женѣ моей все хуже. Мерингъ обѣщалъ быть и вечеромъ.

П. К.

2.

1856, января 1.

Прекрасный другъ мой

Василій Васильевичъ!

Пріятно было-бы мнѣ сидѣть подлѣ Васъ (это мѣсто оставьте на всегда за мною) посреди друзей Вашихъ, за имянинным Вашимъ обѣдомъ; Вы должны знать, какъ это было-бы мнѣ пріятно. Но знаете ли, почему я лишаю себя и Васъ этого удовольствія? Иной сгорѣлъ бы отъ стыда, дѣлая въ томъ признаніе, а я съ гордостью скажу, что у меня всего на-все одна только пара платья, именно сюртучная. Я рѣшился не шить себѣ не только фрака до послѣдней необходимости, но и другого сюртука не сошью до тѣхъ поръ, пока этотъ не изно-

сится и не поступитъ въ должность домашняго. Въ сюртукѣ я не могу явиться въ общество людей фраконосныхъ, не желая показаться ни гордецомъ, ни неучтивымъ. Я знаю, что въ Вашихъ глазахъ я не былъ-бы ни тѣмъ, ни другимъ, но я уважаю и гостей Вашихъ, со всѣми ихъ предразсудками.

Посылаю Вамъ имянинный подарокъ—рукопись романа, о которомъ я Вамъ говорилъ третьяго дня. Если Вамъ захочется прочитать ее, то имѣйте въ виду, что это писано было затворникомъ, не видавшимъ года три ровно никого, кромѣ своей жены и еще одного семейства, составлявшаго, въ послѣднiй годъ тульской ссылки, отраду нашей жизни. Я-бы ни за что не согласился теперь напечатать этого романа и читать не хочу никому, кромѣ собственно Вашей особы. Но идея этого романа—моя задушевная мечта, и, можетъ быть, я найду формы для ея художественнаго выраженiя. Мнѣ нужно такъ-же подкрѣпить себя изученiемъ людей и ихъ разнообразнаго домашняго быта. Тогда это выйдетъ совсѣмъ иначе. Я напишу вновь романъ на туже самую тему, удержавъ изъ этой рукописи только кое-что въ неизмѣнномъ видѣ. Рукопись же эта пускай хранится у Васъ памятникомъ того времени, когда мнѣ всего труднѣе было бороться съ жизнью за свое человѣческое достоинство. Какъ ни маловажна она въ художественномъ отношенiи, но это трофей, вынесенный мною изъ самой опасной битвы.

Пани моя поздравляетъ Васъ съ днемъ ангела и желаетъ Вамъ счастья въ дѣтяхъ Вашихъ.

Обнимаю Васъ отъ всей души.

Поблагодарите Надежду Васильевну за рецепты.

Во время Вашего торжества, я буду работать изо всѣхъ силъ надъ вторымъ томомъ *). Это должно Васъ утѣшить. Я буду трудиться во имя Вашего ангела.

Еще: Старикъ Аксаковъ проситъ прислать ему русскую Черную Раду немедленно. Я говорилъ съ нимъ давно объ этомъ и для того приготовленъ чистый экземпляръ, кот. теперь нах. у

*) Записокъ о Южной Руси.

Мих. Влад. **) Усерднѣйше прошу Васъ взять его и завтра-же отправить въ Москву по слѣдующему адресу: *Константину Сергѣевичу Аксакову, въ Москву, въ Денежномъ переулкѣ, у Покрова, въ Левшинѣ, въ домѣ Пфеллера.* Они гуртомъ проведутъ рукопись къ Государю, и русская Черная Рада, будучи напечатана *въ Русской Бесѣдѣ* (журналъ Хомякова и другихъ), проложитъ вѣрный путь малороссійской. Повредить же она не можетъ. Вѣдь это не переводъ, а какъ-бы самостоятельное произведеніе.

Вашъ П. Кулишъ.

Предъявитель сего, Н. М. Бѣлозерскій, имѣлъ отъ меня порученіе попросить у Васъ Этнограф. Записки; но какъ онъ могъ не застать Васъ дома, то прошу Васъ прислать сію рукопись къ Гр. П. Галагану, гдѣ я сегодня буду обѣдать, а послѣ обѣда читать. Не осуждайте въ душѣ Н. М-ча за нескорое посѣщеніе Васъ. Онъ въ тотъ день не дозвонился, а потомъ не могъ быть у Васъ до сегодня по глупымъ, но уважительнымъ причинамъ.

А вѣдь воспоминанія Аксакова—прелесть! это вовсе не автобіографія, а исторія сердца матери, въ высокой степени благодарнаго. Это такъ-же параллель домашняго и казеннаго воспитанія, которая говоритъ уму убѣдительнѣе всякихъ диссертацій. На мой вкусъ, это одна изъ лучшихъ книгъ въ повѣствовательномъ родѣ, какія только я читалъ. Я могу быть пристрастнымъ къ Аксакову, котораго очень уважаю и люблю! но слезы, мѣшавшія мнѣ читать его воспоминанія, убѣждаютъ меня самого, что тутъ замѣшалось дѣло поглубже дружескаго пристрастія. Я очень доволенъ, что разошелся съ Вами хоть въ чемъ нибудь.

Вашъ П. Кулишъ.

---

*) Юзефовича.

3.

26 февраля, 1856. Москва.

Да возвеселится сердце Ваше, мой безцѣнный другъ Василій Васильевичъ: „Этнографическія Записки" *) пропущены. Высылайте деньги въ Петербургъ на имя *Матвѣя Терентьевича Симонова, служащаго въ Государственномъ Контролѣ*, а сколько—это рѣшите сами. Я думаю, что надобно издать книгу съ рисунками пѣвцовъ и баевъ и четырмя хромолитографированными типами парубка и дивчины, дида и бабы, съ акварелей Жемчужникова, а въ концѣ приложить десятка три голосовъ пѣсень. Это проведетъ книгу къ панамъ, которые не купятъ ее для одного чтенія, и откроетъ имъ глаза на этнографію, какъ на нѣчто живое, существующее въ природѣ, а не въ головахъ литераторовъ, а текстъ утвердитъ ихъ въ этомъ мнѣніи. Собственно за панами я не гонюсь: они почти всѣ глупы, какъ дѣти, но они предводительствуютъ модою, а мода на хорошее принесетъ обществу пользу. По вычисленію Аксаковыхъ, надобно затратить на такое изданіе 1000 цѣлковыхъ, которую и прошу Васъ выслать.

„Русская Бесѣда" позволена, но неизвѣстно, будутъ-ли пропущены статьи, которыми издатели непремѣнно хотятъ начать журналъ свой. „Русскій Вѣстникъ" имѣетъ уже до 3000 подписчиковъ, но издатели приходятъ въ отчаяніе отъ своей неурядицы. Сегодня я только еще первый день въ Москвѣ и потому мало съ кѣмъ видѣлся (и Вашего сына не успѣлъ еще отыскать). Сомнѣваются въ Москвѣ, чтобы на слѣдующій годъ подписчики „Русскаго Вѣстника" не уменьшились. Москвичи не довольны ни его критикою, ни учеными статьями, ни повѣстями, тѣмъ болѣе, что все это раздроблено на крошечныя статейки.

Прочитайте во 2 № „Современника" пять стихотвореній графа А. Толстого: какія вещи позволяютъ печатать! И между тѣмъ положительнаго облегченія нѣтъ, только цензура какъ-то

---

*) Т. е. „Записки о Южной Руси".

ободрилась, да и всѣ шумать, точно нерусскіе. На юбилеѣ Щепкина Константинъ Аксаковъ предложилъ тостъ за общественное мнѣніе, и общество отъ восторга переломало нѣсколько стульевъ. Сегодня Кокоревъ на обѣдѣ, данномъ купцами севастопольскимъ героямъ, говорилъ о томъ, что горе спасительно для русскаго человѣка, что самъ народъ говоритъ въ пѣснѣ: „Выноси ты меня, мое горе“! что отъ горя и крѣпкой кручины русской человѣкъ переходитъ къ непоколебимой энергіи, и наконецъ предложилъ тостъ *за русское горе*! Собраніе обезумѣло отъ энтузіазма, а офицеры черноморскаго флота разбили объ полъ свои бокалы. Дошли до того, что одинъ ораторъ хотѣлъ произнести рѣчь о сословіяхъ, неучаствующихъ въ общественныхъ праздникахъ, и предложить тостъ за соединеніе крестьянъ, мѣщанъ, купцовъ и дворянъ въ одинъ великій русскій народъ; но Хомяковъ, боясь, чтобъ эта рѣчь не имѣла вреднаго вліянія на разрѣшеніе славянофильскихъ статей для Русской Бесѣды, удержалъ оратора. Общественное мнѣніе дѣлаетъ въ Москвѣ успѣхи. Громко говорятъ противъ чиновныхъ низостей; пишутъ исполненныя благороднаго негодованія письма; противъ мира возстаютъ всѣ сословія, даже и купцы. Здѣшній извощикъ и ремесленникъ слѣдитъ за политическими вѣстями съ трепетомъ патріота и выражаетъ свое сужденіе въ харчевняхъ и на рынкахъ, какъ у себя дома. Москва была и есть сердце Россіи; нельзя не восхищаться ею и вчужѣ. Но всего не пересказать. Я же при томъ чувствую усталость послѣ дороги и очень озабоченъ разными разностями. Обнимаю Васъ; низко кланяюсь Вашимъ дамамъ и прошу ихъ... впрочемъ онѣ и сами это сдѣлаютъ, если только съумѣютъ.

Весь Вашъ П. К.

4.

Марта 7. СПб.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Видѣлъ я Вашего возлюбленнаго сына у доктора Шеффера, но, какъ онъ былъ окруженъ студентами, нестудентами, дѣвицами и дѣтьми, то я могу Вамъ сказать о немъ только то, что онъ очень блѣденъ и не по лѣтамъ солиденъ...

Что Вамъ сказать о Москвѣ? Москва даетъ обѣдъ за обѣдомъ героямъ нынѣшней войны, и отъ излишняго стремленія къ національности не можетъ усидѣть на мѣстѣ и заняться дѣломъ. Отъ этого въ ней два журнала, въ которыхъ нечего печатать. Неурядица Русскаго Вѣстника ничего не значитъ, въ сравненіи съ неурядицей Русской Бесѣды. Сегодня говорятъ мнѣ, что не станемъ издавать, если не разрѣшатъ такихъ-то статей, а завтра Кошелевъ, не спросясь другихъ, печатаетъ объявленіе, которое, вѣроятно, Вы уже получили. Волею судебъ, и я очутился въ сей честной компаніи добродушныхъ крикуновъ, будучи молчаливѣйшимъ изъ грамотѣевъ. Я далъ имъ повѣсть и обѣщалъ напечатать у нихъ переводъ Черной Рады, если будетъ изданъ подлинникъ. А вѣдь есть надежда, что онъ будетъ изданъ! О Москвѣ не распространяюсь, потому что у Васъ теперь передъ глазами Чижовъ, который, по всей вѣроятности, будетъ редакторомъ Русской Бесѣды, по неспособности нынѣшнихъ собесѣдниковъ. Онъ Вамъ разскажетъ обо всемъ лучше, нежели я съумѣю написать. Въ Петербургѣ же я ни съ кѣмъ не видался еще и весь занятъ типографскими дѣлами. Когда все налажу, удосужусь и осмотрюсь кругомъ, то вѣроятно увижу что-нибудь и для Васъ интересное. Здѣсь рѣшительно не знаютъ, миръ или война. Государь собирается осматривать Финляндію, что полагаютъ вѣрнымъ признакомъ войны, т. е. если онъ поѣдетъ въ сію Гиперборейскую страну. Народъ чиновный и всякой иной сдѣлался теперь здѣсь большимъ резонеромъ и не затрудняется ни о чемъ разсуждать публично. Государь пользуется большою популярностью и отъ него чаютъ всего хорошаго. Надъ Клейнмихелемъ производится слѣдствіе, по которому за нимъ чис-

лится 19000000 р. сер. Поговариваютъ, что Плетневъ будетъ здѣсь попечителемъ, а Мусинъ-Пушкинъ *) низвергнется во адъ, сирѣчь удалится во мракъ частной жизни, которая для него будетъ истиннымъ адомъ.—Поклоны и благодарности Вашимъ дамамъ.

Весь Вашъ П. Кулишъ.

(*Съ боку приписка*).

Если мнѣ дадутъ право общей цензуры, то я не уѣду отсюда, не напечатавши Черной Рады по малороссійски. Да и во всякомъ случаѣ загаюсь до 1-го іюня. Очень жалѣю, что не взялъ съ собой А—ы М—ны. Теперь ей надобно дожидаться открытія ходьбы мальпостовъ. Обнимаю Васъ.

А вѣдь Этнографич. Записки до сихъ поръ не подписаны цензоромъ, хотя онъ говорилъ и говоритъ, что пропускаетъ ихъ. На дняхъ я долженъ получить ихъ отъ Аксакова, который имѣетъ на цензора большое вліяніе. Въ запискахъ о жизни Гоголя цензоръ не зачеркнулъ почти ни слова! Теперь-то самое время для печатанія Черной Рады, которое пожалуй опять измѣнится.

5.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Съ этой почтой посылаю Вамъ страховымъ письмомъ статью мою: „О духовномъ соединеніи Южной Руси съ Сѣверною. Предисловіе къ Черной Радѣ“. Прочитайте ее сперва въ семействѣ, а потомъ на вечерѣ у себя, у Галагана или Юзефовича, не обращая вниманіе на то, какіе тутъ случатся люди и будутъ ли, или нѣтъ у нихъ стриженные волосы. Потомъ не полѣнитесь сообщить мнѣ, безъ всякой утайки, что будутъ говорить о ней ученые мужи и простые смертные. Если-бы даже всѣ сказали въ одинъ голосъ, что это вздоръ, то такъ прямо и напишите мнѣ, прибавивъ и свое собственное мнѣніе, каково-бы оно

*) П. А. Плетневъ тогдашній ректоръ С.-Петербургскаго университета, а М. Н. Мусинъ-Пушкинъ—попечитель.

ни было. Частныя замѣчанія такъ же нужны мнѣ. Еще не знаю, скоро ли будетъ, и будетъ ли, напечатана эта статья, но она можетъ быть во многомъ исправлена, сообразно сужденіямъ кіевскаго ареопага. Кіевскіе отзывы для меня, въ этомъ случаѣ, всего важнѣе, ибо здѣсь вся раздробленная литературная дѣятельность Южной Руси приведена къ сознанію и указанъ ей путь, по которому она должна идти отнынѣ. Если моя статья не окажется чепухою, то сперва будетъ напечатана въ „Русской Бесѣдѣ", въ видѣ объявленія объ изданіи подлинника „Черной Рады", а потомъ—при самой „Черной Радѣ", въ видѣ предисловія.

Желающимъ списать сію прояву—со стороны автора не возбраняется. Но сперва пошлите для прочтенія моей паніи, а еще лучше—еслибъ сами къ ней заѣхали да и прочитали. А она Вамъ сообщитъ разные мелочи изъ повседневной моей жизни.

Обнимаю Васъ и Вашего земляка Васю крѣпко.

От всей души вашъ П. Кулишъ.

1856, марта 27. С.-Петербургъ.

NB. Вручите пожалуйста изъ моихъ денегъ 50 р. сер. Александрѣ Михайловнѣ.

Хотя я и писалъ, что, не напечатавши Черной Рады, не уѣду съ сѣвера. но, еслибы и разрушились всѣ препятствія къ печати, то цензоръ Крузе, единственный человѣкъ, которому можно ввѣрить это сочиненіе, такъ заваленъ работами, что только въ теченіе двухъ мѣсяцевъ могъ бы прочитать Черную Раду. При томъ же мнѣ жаль Александры Михайловны, которая скучаетъ въ Кіевѣ. Я буду къ 23 апрѣля, а Черной Радѣ не будетъ поздно выдти и осенью.

P. S. Когда ужъ это письмо было готово къ отправкѣ, получено отъ Васъ 1000 р. сер. У меня въ рукахъ еще только объявленіе, и потому не отвѣчаю на письмо, которое, вѣроятно, сопровождаетъ ассигнаціи. Зѣло доброе дѣло Вы дѣлаете, помогая мнѣ трудиться. Есть у меня предчувствіе, что мы съ Вами

оставимъ по себѣ хорошую память. Рано или поздно, а скажутъ намъ спасибо!

6.

30 марта, 1856. С.-Петербургъ.

Вы совершенно правы, мой прекрасный другъ Василій Васильевичъ, что высокая цѣна книги помѣшала бы ея распространенію. Но я напечатаю половину на веленевой бумагѣ, съ картинками, для столицъ и богатыхъ людей, а половину на самой простой и безъ картинокъ для Малороссіи и людей небогатыхъ. Тѣ и другіе экземпляры пустимъ въ продажу разомъ и посмотримъ, которые пойдутъ быстрѣе. Этотъ опытъ послужитъ намъ въ пользу и на будущее время. Книга во всякомъ случаѣ окупится и, еслибы не было никакой прибыли, то здѣсь рискую я, а не Вы. Впрочемъ я знаю, что Вы хлопочете о моей выгодѣ, а не о чемъ другомъ. *Де наше не пропадало?* утѣшительный, истинно малороссійскій девизъ!...

А вотъ на счетъ войны Вы, мнѣ кажется, не совсѣмъ правы, и Ваши сарказмы хороши только въ относительномъ смыслѣ. Много добра сдѣлала Россіи нынѣшняя война. Это говорятъ не одни тѣ, „которые никогда не видѣли, какъ ломаются кости и бьются черепы". Что касается до „тѣхъ, которые упоенные философскими, политическими и парнасскими фантазіями, никогда (будто бы) не видѣли, какъ страдаютъ бѣдные мужики вслѣдствіе войны", то многіе изъ этихъ людей, потерявъ одного сына, посылали на его мѣсто другого, а нѣкоторые единственно потому не стали въ ряды воиновъ, что мѣсто ихъ въ обществѣ не-боевыхъ гражданъ, ни кѣмъ не могло бы быть замѣнено. Какъ практическій дѣятель въ улучшеніи благосостоянія мужиковъ, Вы должны желать мира: Вамъ естественно хочется исполнить великодушные свои планы. Но это Васъ не уполномачиваетъ осуждать тѣхъ, которые уважаютъ силу вещей и выражаютъ свой восторгъ, что человѣчество двинулось впередъ замѣтнымъ образомъ. Имъ такъ-же, какъ и Вамъ, естественно желать, что-

бы продлился тотъ процессъ движенія, лучше котораго міръ покамѣстъ не выдумалъ. Еслибы задача очеловѣченья Россіи могла быть рѣшена инымъ путемъ, напримѣръ, постояннымъ миромъ, который бы способствовалъ къ улучшенію матеріальнаго благосостоянія мужиковъ, то сила вещей привела бы насъ къ нему, не смотря на всѣ возгласы тѣхъ, которыхъ Вы такъ рѣшительно осудили. Но Вы испытали, мимо философскихъ, политическихъ и парнасскихъ фантазій, кого обогащалъ 30-лѣтній миръ! Пожалуй, еслибы всѣ помѣщики заботились такъ о своихъ крестьянахъ, какъ Вы и Галаганъ! Но посмотрите вокругъ себя: не былъ ли миръ гарантіею вѣчной, повседневной войны хищнаго племени, живущаго чужими трудами? Теперь по крайней мѣрѣ заговорило все благородное въ Россіи, какъ бы устроить благосостояніе наибольшаго числа людей въ государствѣ, а до войны много ли умовъ занималось этимъ вопросомъ? О Василій Васильевичъ! дѣлайте свое дѣло и предоставьте другимъ, столь-же благороднымъ существамъ, дѣлать свое, а вышнія судьбы, которыя не даютъ известись человѣчеству, уравномѣрятъ всѣ слишкомъ пылкія стремленія противодѣйствіемъ другихъ силъ, и человѣчество никогда не потеряетъ благородства своей природы. Не даромъ оно волнуется и страдаетъ. Видно иначе ему существовать невозможно.

Весь Вашъ П. К.

7.

Спѣшу сообщить Вамъ, безцѣнный другъ Василій Васильевичъ, пріятную для Васъ новость: мнѣ, наконецъ разрѣшено, печатать мои сочиненія по разсмотрѣніи оныхъ въ „обыкновенной цензурѣ". Это даетъ мнѣ надежду воротиться въ Малороссію съ хорошимъ гостинцемъ. Сегодня же посылаю въ Москву „Черную Раду" и надѣюсь, что Аксаковы упросятъ цензора бросить для нея все. Этнографическія Записки пропущены безъ малѣйшей помарки, такъ что я самъ ужъ кое-что зачеркнулъ изъ благоразумной умѣренности и осторожности.

Недавно въ здѣшнемъ университетѣ одинъ ботаникъ держалъ экзаменъ на доктора. Когда объявленъ былъ ему искомый санъ, раздался единодушный громъ рукоплесканій. Это случилось впервые отъ основанія университета. Попечитель Мусинъ-Пушкинъ не выразилъ ни неудовольствія, ни смущенія.

Объ освобожденіи крестьянъ начинаютъ говорить первые сановники въ государствѣ. Мало того: собираютъ вокругъ себя молодыхъ людей, предполагаемыхъ преемниковъ своихъ въ управленіи Россіею, читаютъ имъ свои проэкты и просятъ письменныхъ возраженій и замѣчаній. Еще замѣчательнѣе, что они обращаются съ подобными предложеніями къ молодымъ людямъ, которыхъ сами называютъ, по образу мыслей, демократами. Остановка только за тѣмъ, что не знаютъ, какъ поступить въ столь важномъ и опасномъ предпріятіи, но необходимость его признается самыми строгими консерваторами.

„Записки о жизни Гоголя", покойнаго *Николая М.* *) кончены: два тома убористой печати, заключающіе въ себѣ 650 страницъ. Когда будетъ полученъ билетъ отъ цензора на выпускъ книги изъ типографіи, тотъ-часъ пришлю Вамъ экземпляръ. А съ Этнографическими Записками много еще будетъ возни. Вѣроятно, моя пани уже выѣхала изъ Кіева. Благодарю Васъ и все Ваше семейство за дружеское къ ней вниманіе.

Весь Вашъ П. Кулишъ.

1856. апрѣля 6. С.-Петербургъ.

8.

Потрудитесь, безцѣнный другъ Василій Васильевичъ, передать мою просьбу благому юношѣ, чтобы онъ выслалъ мнѣ изъ принадлежащаго ему альбома лирника Погорѣлаго и разсказщика Ивана Бурдула, на имя Николая Яковлевича Макарова

*) Подъ именемъ *Николая М**. разумѣлся недавно умершій Николай Яковл. Макаровъ. Почему онъ называется покойнымъ—не извѣстно; мож. б., потому что въ этотъ моментъ Кулишъ могъ уже печаться подъ своимъ именемъ.

(близъ Почтамта, въ домѣ Лонгинова). Они возвратятся ему въ цѣлости.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856, іюня 4. 1-я Стрѣлецкая Колонія.

9.

1856, сент. 28. Москва.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Цензора наши находятся въ осадномъ положеніи: ихъ бомбандируютъ столоначальники и разные чиновники министерства погашенія талантовъ, отъ имени министра и его достойнаго товарища. Тѣ человѣческія мысли, которыя Вы читаете иногда въ Русскомъ Вѣстникѣ, суть смѣлыя вылазки осажденныхъ. Но они едва держатся на своихъ мѣстахъ. Поэтому и *Черная Рада* до сихъ поръ не пропущена: фонъ Крузе не смѣетъ пропустить ее. Надобно дождаться перемѣны нѣсколькихъ лицъ, пугающихъ правительство Малороссіею; тогда только *Черная Рада* можетъ быть напечатана безопасно для цензора и для автора. Много прекрасныхъ вещей теперь не пропускается; два цензора, у которыхъ я былъ, въ совершенномъ уныніи: боятся, чтобъ дѣла не пришли въ старый порядокъ. Прошлое царствованіе образовало такую массу безчувственныхъ формалистовъ, что усилія изъ скольких разумныхъ дѣятелей производятъ едва замѣтное вліяніе на дѣла правленія. Его преемникъ найдетъ готовую машину, которую перестроить онъ не съумѣетъ, а сломать не сможетъ. Отъ этого и поставленіе прекрасныхъ людей на высшія мѣста остается безплоднымъ. Напримѣръ, оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода сдѣланъ графъ А-ръ Петр. Толстой. Самъ по себѣ, онъ готовъ бы сдѣлать для Русской церкви, но его задавятъ кипами бумагъ и собьютъ съ толку наслѣдственно обрабатываемыми плутнями. Московскіе умные люди въ уныніи, и то, что я Вамъ пишу, есть повтореніе ихъ словъ. У меня тоже заболѣло сердце за нашу Малороссію. Что за бѣдная страна! Она могла бы быть покрыта

розами, а ростутъ въ ней одни репейники. Какъ обновить изъ упадка ея нравственныя силы, когда не позволяютъ существовать ни одному писателю? Шевченко погибаетъ по прежнему въ ссылкѣ; я долженъ бросить великія предпріятія, пріостановить свои ни съ кѣмъ нераздѣляемыя изученія и сдѣлаться журнальнымъ поденщикомъ... — — —

Впрочемъ посмотримъ, кто сильнѣе: цензура или духъ человѣческій. Грустно, а все таки увѣренность въ своемъ дѣлѣ не подавлена. Будемъ трудиться, какъ мученики первыхъ вѣковъ христіанства... Благодарю всѣхъ Васъ за нѣсколько пріятныхъ часовъ, проведенныхъ между Вами: никогда ихъ не забуду!

10.

Вотъ я и въ Петербургѣ. Что же тутъ хорошаго?—Хорошаго то, что въ царскомъ семействѣ сильно хлопочутъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Пишутъ и говорятъ объ этомъ всѣ, кому охота. Есть слухъ, что намѣрены составить комитетъ изъ помѣщиковъ для рѣшительнаго окончанія этого важного вопроса. Для этого лучшихъ, по общественному мнѣнію, людей пригласятъ въ Петербургъ. Комитетъ будетъ состоять подъ покровительствомъ Государя и подъ предсѣдательствомъ одного изъ членовъ государственнаго совѣта. Это порадовало мою бѣдную душу. Пріятно было такъ-же мнѣ узнать, что Ростовцевъ палъ съ высоты своего могущества. Говорятъ, его мѣсто предложено уже Игнатьеву, при которомъ служитъ нашъ Василій Михайловичъ. Пироговъ назначенъ одесскимъ попечителемъ. Статья его въ Морскомъ Сборникѣ (№ 9) *Вопросы жизни* произвела здѣсь фуроръ. Цензура въ Петербургѣ смѣлѣе, потому что ее поддерживаетъ царская фамилія, которая, какъ видно, желаетъ стоять впереди либеральнаго движенія. А либеральное движеніе дѣлаетъ успѣхи неимовѣрные. Въ присутственныхъ мѣстахъ разглагольствуютъ такъ свободно, какъ у себя дома. А все таки Шевченко не освобожденъ, и я даже не знаю почему. Но вотъ я сдѣлаю два—три визита и обо всемъ распрошу. До сихъ

поръ я еще не выходилъ изъ квартиры. Ко мнѣ пришли пріятели и нанесли новостей, которыя и Вамъ сообщаю.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

Въ Прилуку отправлена изъ Петербурга посылка, которая пришла сюда на мое имя. Макаровъ думалъ, что это для меня шинель изъ Кіева, и не посмотрѣвши даже, что именно такое отправилъ къ Вамъ. Но то была вовсе не шинель, ибо шинели не заблагоразсудитъ мой пріятель Сенчило для меня сдѣлать и выслать. Можетъ быть, это какія нибудь книги или рукописи. Потщитесь забрать справки, раскупорьте и, буде вещь окажется того достойною, пришлите въ Петербургъ, чѣмъ истинно меня обяжете.

Прошу такъ-же переслать мнѣ всѣ письма, которыя получатся на Ваше имя для передачи мнѣ.

4 окт. 1858 С.-Петербургъ.

11.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Посланы Вамъ, на имя Каменецкаго, Записки о Южной Руси. Въ ящикъ вложены экземпляры и для нашихъ общихъ знакомыхъ, которымъ пріятно было для меня выразить этимъ подаркомъ, что я цѣню ихъ заслуги въ наукѣ и дорожу ихъ знакомствомъ, хотя очень мало имъ воспользовался во время моего пребыванія въ Кіевѣ. Я разумѣю Журавскаго, Бунге, Шульгина и Павлова. Что касается до *десяти* экземпляровъ, о которыхъ Вы упоминали, то это дѣло Ваше, а не мое. Вы можете потребовать отъ Каменецкаго сколько Вамъ нужно, что и на будущее время пускай разумѣется. Посылать по почтѣ крайне не выгодно: приходится платить треть стоимости книги, и потому я всѣ экземпляры послалъ черезъ транспортную контору. Но экземпляръ проповѣдей Вы получите черезъ почту, равно какъ и всякой другой, совершенно новой для Васъ книги. Къ первому тому картинки не приложены по скудности моей

казны, которая обратилась на покупку бумаги для проповѣдей, которыхъ печатается 2400 экземпляровъ, и для второго тома Записокъ, которыя тоже печатаются въ числѣ 2400 экз.

О *Черной Радѣ* идетъ дѣло съ главнымъ правленіемъ цензуры. Очень обнадеживаютъ. Земляки, прочитавши ее, пришли въ неописанный восторгъ, т. е. тѣ земляки, которые прикосновенны къ сему правленію; а предисловіе повторяютъ тирадами наизусть. Не давайте Вашего списка никому: въ немъ многое сказано не такъ, какъ слѣдуетъ.

Послалъ я въ Московскую цензуру книгу подъ заглавіемъ: Повѣсть о *Борисѣ Годуновѣ и Димитріи Самозванцѣ. Написалъ для дѣтей старшаго возраста* П. Кулишъ. Съ Харьковомъ списываюсь объ Квиткѣ и о прочемъ. Проповѣди пишу, оставивши рѣшительно Гречулевича и даже Иннокентія. Вы увидите проповѣди, обращенныя къ такой паствѣ, въ которой могутъ быть паны и гетманы. Теперь помышляю о новомъ трудѣ для народа: о переводѣ Евангелія, сведеннаго по порядку событій, съ приличными замѣчаніями. Цензоръ говоритъ, что это можно сдѣлать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю первой тетради Вашей книги. Пишите, ради Бога, не оставляйте меня одного на невоздѣланной степи!

Дамамъ Вашимъ отъ меня и отъ моей жены усерднѣйшіе поклоны.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856 окт. 24 Спб.

12.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Что день, то новыя событія съ Черною Радою. Послѣднія двѣ недѣли я почти каждый день бывалъ у кого нибудь изъ цензоровъ и цензурныхъ чиновниковъ, или у сильныхъ земли, каковы князь Вяземскій, князь Щербатовъ, графъ Толстой, князь Оболенскій, то съ визитомъ, то съ запискою, то съ просьбою, то съ жалобою, то съ косвеннымъ внушеніемъ; а тутъ

разразилась въ цензурномъ мірѣ одна и другая буря, и все это какъ будто для того, чтобъ не дать явиться на свѣтъ моему бѣдному произведенію. Возсталъ противъ провинціальныхъ очеркахъ Салтыкова графъ Панинъ, и былъ уничтоженъ рѣшеніемъ Государя: „читалъ съ удовольствіемъ“. Возсталъ противъ стихотвореній Некрасова князь Долгорукій и чуть не низвергъ Современника и цензора Бекетова съ высоты ихъ величія. Въ эту бурю я долженъ былъ безъ устали направлять свой парусъ, сообразно съ дующими въ него вѣтрами. Наконецъ въ пользу Черной Рады образовалась сильная партія и рѣшилась пасть или побѣдить. Чуть-ли не дойдетъ дѣло и до высокаго порога; но, кажется,—безъ того обойдется. А между тѣмъ денегъ у меня нѣтъ. Записки о Южной Руси идутъ покамѣстъ очень туго. Второй томъ печатается въ долгъ, и, если не получу отъ Васъ подкрѣпленія, то буду въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Теперь уже безъ сорома казка: пришлите мнѣ денегъ, да не оскудѣетъ крѣпость моя.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856, ноября 20. С.-Петербургъ.

13.

Безцѣнный другъ Василій Васильевичъ!

Да не смущается сердце Ваше: *Черная Рада* пропущена, и въ то время, когда Вы будете читать эти строки, станки Якобсона будутъ дѣйствовать со всевозможною для нихъ поспѣшностью. Я образовалъ здѣсь малороссійскую типографію, изъ которой сперва наборщики бѣжали, говоря, что набирать эту тарабарщину—все равно, что набирать по гречески, но теперь такъ искусились, что, послѣ второй корректуры, можно подписывать: *печатать*.

Посылаю Вамъ нѣсколько экземпляровъ проповѣдей, пока придутъ ящики съ ними. Читайте первую проповѣдь и тотчасъ переходите къ 100-й страницѣ, т. е. къ тѣмъ проповѣдямъ, которыя писаны мною по возвращеніи изъ Малороссіи. Въ нихъ

выразилась вся душа моя. Напишите мнѣ, которыя проповѣди Вамъ больше понравятся, и что будутъ говорить кіяне.

Всего больше обязанъ я оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода за Черную Раду. Онъ не усумнился поручиться своею репутаціею за чистоту моихъ намѣреній. Цензоромъ моимъ былъ Лажечниковъ, что для меня очень пріятно. Русскій романистъ подалъ руку малороссійскому! Обнимаю Васъ крѣпко. Наши усерднѣйшіе поклоны всему Вашему семейству. Благодаримъ за пакетъ съ письмами.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1856, ноября 26.

---

14. (23)

Ничего вѣрнаго не могу сказать Вамъ, почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ, о мѣстѣ и времени нашего свиданія. Я жду съ каждой почтой извѣстій, которыя могутъ быть такого рода, что мнѣ надобно будетъ поспѣшить въ Петербургъ. У Каменецкаго умеръ жившій съ нимъ братъ; самъ Каменецкій очень расположенъ къ хандрѣ, и меня пугаетъ долгое его молчаніе—не на смертномъ ли онъ одрѣ. Недавно уѣхалъ отсюда Вас. Мих. Бѣлозерскій. Отъ него я ожидаю разрѣшенія этой задачи, а отъ Каменецкаго уже и ждать пересталъ.

Въ Черниговѣ совѣтую Вамъ освѣдомиться о нѣкоторомъ Горошковскомъ, собирателѣ малороссійскимъ рукописей и древностей. Мнѣ очень интересно познакомиться съ нимъ, и можетъ быть я успѣю еще, взявъ подорожную послѣ завтра, т. е. въ понедѣльникъ, захватить Васъ въ Черниговѣ. Такъ какъ Вы лицо очень важное и Ваша квартира будетъ всегда полна властями, съ которыми я не имѣю никакой охоты знакомиться, то позвольте ужъ не являться къ Вамъ, а только прислать Вамъ адресъ моей квартиры съ означеніемъ времени, въ которое я буду дома.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1858, іюля 4 Мотроновка.

---

15. (24)

Почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ!

Не вникнувъ въ смыслъ Вашей борзенской записки, которая гласитъ, что Вы *тотчасъ* уѣзжаете въ Черниговъ, я написалъ Вамъ коротенькій отвѣтъ, въ которомъ выразилъ намѣреніе побывать въ одно время съ Вами въ Черниговѣ для знакомства съ новооткрытымъ малороссійскимъ антикваріемъ Горошковскимъ. Но на другой день получилъ изъ Петербурга извѣстія о гоненіи, воздвигнутымъ Васильчиковымъ на Граматку, и о другихъ обстоятельствахъ, что заставило меня немедленно выѣхать въ Петербургъ. Доѣхавъ однакожъ до Батурина, я воротился вспять. Мнѣ жаль стало оставлять болѣющую почти постоянно жену мою изза литературнаго геройства. Кромѣ того, у меня было на ходу одно изъ тѣхъ двухъ сочиненій, о которыхъ еще неясную мысль я высказалъ Вамъ во время послѣдняго свиданія нашего въ Кіевѣ. Что изъ него выйдетъ, я еще не знаю, но, можетъ быть, оно стóитъ того, что бы махнуть на все остальное рукою. Итакъ, я предоставилъ свои дѣла нѣсколькимъ пріятелямъ, на преданность которыхъ могу вполнѣ положиться, а самъ остаюсь въ Малороссіи на неопредѣленное время. Въ Качановку пріѣхать я покамѣсть не могу потому, что долженъ бы былъ пріѣхать одинъ. Принимая же Ваше обѣщаніе даже въ буквальномъ смыслѣ, не могу вызывать Васъ въ борзенскія окрестности, ибо занятъ сборами къ переѣзду въ небольшой, принадлежащій мнѣ, хуторъ за Лубнами, а сборы эти сопряжены съ разъѣздами за покупкою и изготовленіемъ разнаго рода вещей, о которыхъ вы, хозяева большой руки, никогда и не вспомните. Когда же переѣду въ свой хуторъ, то опять не могу ни къ Вамъ ѣхать, ни Васъ пригласить къ себѣ, такъ какъ два года мы тамъ не были и намъ трудно на первый разъ устроиться такимъ-образомъ, чтобы гость нашъ, его люди и кони, не терпѣли ни въ чемъ недостатка. Домъ нашъ тамъ—простая мазанка, а скоро ли устрою себѣ сколько нибудь удобное жилище, не могу сказать. Итакъ, намъ суждено не видѣться еще долго. Впрочемъ я думаю, что у Васъ къ этому

нѣтъ болѣе важныхъ побужденій, кромѣ дружескаго желанія провести вмѣстѣ нѣсколько часовъ. На это взаимное для насъ удовольствіе я могу разсчитывать только къ зимѣ. Тогда мы переѣдемъ на нѣкоторое время въ Борзенскій уѣздъ, откуда я могу сдѣлать экскурсію въ Качановку. Можетъ быть, къ тому времени и литературная моя работа подвинется до такой степени, что ее не совѣстно будетъ показать Вамъ и вашему милому семейному кружку. Я былъ бы очень доволенъ, если бы мнѣ удалось занять Васъ въ зимніе вечера нѣсколькими часами свѣжаго, оживляющаго чтенія. А Вашимъ судомъ я очень дорожу. У Васъ большое знаніе жизни и изящный вкусъ, чего въ совокупности и въ столицѣ не встрѣтишь. До свиданья же! Передайте наши усерднѣйшіе поклоны Вашимъ домашнимъ. Если бы Вамъ пришла особенная охота писать, что я знаю, какъ для васъ трудно, то адресуйте на мое имя въ Лубны.

Вашъ всею душою П. Кулишъ.

1858, Іюля 7. Мотроновка.

16.

Лубны 1858, августа 25.

Въ хуторѣ Мотроновкѣ оставался я до 22 августа, не желая прервать работу, которая шла хорошо. Одробившись трохи, я могъ бы завернуть къ Вамъ, почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ, однакожъ не завернулъ, и вотъ тому причины: во-первыхъ, въ Лубнахъ ожидали меня письма, на которыя надобно было дать отвѣты; во-вторыхъ, у Васъ теперь наступаеуъ хлопотливое время по сахарному производству; въ третьихъ, еще не готово у меня то, что я желаю Вамъ прочесть. Ѣду въ свой хуторокъ, а оттуда въ Полтаву и къ матери Гоголя, а оттуда въ Екатеринославскую губернію, къ нѣкоторому ученому мужу, у него-же систематически собрана обширная библіотека *). На возвратномъ же пути всенепремѣннѣйше

---

*) Н. Д. Мизко.

буду въ Качановкѣ. Чтеніе мое о Малороссіи будетъ на русскомъ языкѣ, и когда Вы его выслушаете и возьмете во вниманіе разныя обстоятельства, то скажете: дда!...

Всѣмъ Вашимъ усерднѣйшій поклонъ.

Всею душою преданный П. Кулишъ.

Два адреса: до половины сентября на имя Маріи Ив. Гоголь, въ Полтаву, а съ половины сентября—на имя Николая Дм. Мизко, въ Новомосковскъ, Екатеринославской губерніи.

17.

Почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ!

Настоящій періодъ моей жизни есть періодъ самыхъ странныхъ обо мнѣ толковъ, которыхъ отголоски, отъ времени до времени, касаются и моего слуха. Никто лучше меня не знаетъ, что эти толки и самые нелѣпѣйшіе изъ нихъ—очень естественны при тѣхъ данныхъ, которыя представляетъ свѣту неправильная, сама на себя непохожая жизнь моя; но тѣмъ не менѣе мнѣ больно видѣть имя мое игралищемъ людей, непроникающихъ глубже кажущагося. Что же сказать, если къ числу такихъ людей начинаютъ присоединяться и тѣ, которымъ, кажется, дано разумѣть тайны видимыхъ явленій? Это я говорю о Васъ. Зачѣмъ Вы гдѣ-то выразили какое-то неудовольствіе на меня? Вамъ-бы слѣдовало больше, нежели кому либо, щадить меня, потому что Вы больше нежели кто-либо дали мнѣ вѣры и засвидѣтельствовали это не одними словами. Что жъ Вы такъ рано усомнились въ чистотѣ моихъ душевныхъ движеній? Еще мы живемъ; еще будущаго передъ нами много. Обождите по крайней мѣрѣ конца настоящаго акта нашей драмы, и тогда выражайте свое неудовольствіе. Я на все сдѣланное мною до сихъ поръ смотрю только какъ на начало чего-то. Обѣщаетъ ли оно достойное продолженіе или нѣтъ,—не мое дѣло объ этомъ судить; но за чистоту своихъ стремленій я могу сказать слово, обращаясь къ такому другу, какъ Вы,—и это слово бу-

детъ: обождите, не торопитесь выражать Ваше неудовольствіе, дайте горячимъ моимъ порицателямъ унестись впередъ. Вы непроиграете, оставшись позади. Я уже не прошу у людей помощи, никакого содѣйствія, никакого заступничества. Я имѣю друзей, но и у нихъ прошу одного—терпѣнія. Сила воли, разумѣется, великое дѣло, а увѣренность въ себѣ еще большее; но тяжело идти къ своей цѣли, вдвойнѣ тяжело подъ градомъ бросаемыхъ впопадъ и невпопадъ порицаній. Вотъ почему я умоляю Васъ: сохраните хоть Вы ненарушимое обо мнѣ молчаніе. Вы будете еще имѣть время и никогда не лишитесь права высказывать свои неудовольствія,—но тогда Ваше слово будетъ непогрѣшительно. Изъ всѣхъ людей, которымъ угодно было сблизиться со мной въ послѣднее время, Вы—лицо исключительное. Какъ же не больно мнѣ видѣть Васъ въ сонмѣ людей, только казавшихся друзьями? Если Вы мною недовольны, то пишите ко мнѣ и упрекайте меня подружески, имѣя на то право любви и преданности, или говорите мнѣ въ глаза самыя рѣзкія вещи, когда я буду у Васъ. Можетъ быть Ваше открытое слово принесетъ мнѣ пользу. Но рѣчь, на которую нельзя отвѣчать, причиняетъ человѣку одинъ вредъ, лишая его душевнаго спокойствія.

Теперь я гощу у матери Гоголя; отсюда хочу проѣхать въ Екатеринославъ, а оттуда черезъ свой хуторокъ—въ Качановку. Если-бы Вамъ нужно было меня о чемъ нибудь извѣстить (напримѣръ, что Васъ не будетъ дома), то прошу адресовать въ Лубны, на мое имя.

Всею душою преданный П. Кулишъ.

1858, сент. 13. Васильевка.

18.

Трудно мнѣ разсказать Вамъ, почтеннѣйшій другъ Василій Васильевичъ, почему я не былъ у Васъ. Вы не должны требовать отъ меня подробной автобіографіи для объясненія Вашего вполнѣ законнаго недоумѣнія. Довольно сказать Вамъ,

что у меня было въ головѣ очень важное дѣло, требовавшее совѣщаній и переговоровъ съ Вами, а именно—*журналъ* съ малороссійскимъ направленіемъ,—и при всемъ томъ я не былъ у Васъ! Да, я предпринимаю журналъ, подъ заглавіемъ „Хата", который будетъ выходить книжками въ 20 печатныхъ листовъ въ январѣ, февралѣ, мартѣ,—октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ. Цѣна 6 р. Теперь я занятъ хлопотами о позволеніи напечатать программу. Это будетъ журналъ словесности, исторіи, этнографіи и сельскаго хозяйства для малороссіянъ. Произведеніямъ на малороссійскомъ языкѣ дается здѣсь почетное мѣсто, но ученыя статьи (а также и большія повѣсти) будутъ печататься на языкѣ общерусскомъ.

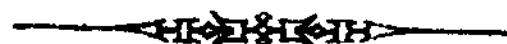
Шесть книжекъ—первый опытъ, послѣ котораго можно будетъ издавать и 12. Возлагаю на Васъ великую надежду по части хозяйственныхъ и ученыхъ статей, мѣстныхъ замѣтокъ объ обществѣ, сужденій о крестьянскомъ вопросѣ и пр. и пр. Теперь для Вашего зоркаго ума открылось широкое поприще и протяните же съ него намъ дружескую руку.

Сегодня выпускаю въ свѣтъ Повісті Квітки. Малороссійскаго моего предисловія не пропустила цензура. Можно-бы похлопотать, но теперь мнѣ не слѣдуетъ высовываться съ какою бы то ни было смѣлою статьею. Итакъ, Вы получите экземпляръ безъ предисловія.

Съ нетерпѣніемъ ожидаю Вашего отвѣта.

Всею душою Вашъ П. Кулишъ.

1858, октября 18. С.-Петербургъ.

ЗАМѢТКИ О МАЗЕПѢ.

(*По поводу книги Ѳ. М. Уманца „Гетманъ Мазепа“*).

(*Продолженіе* [1]).

II. Мазепа гетманъ.

Переходимъ къ центральной части книги г. Уманца, къ главѣ „*Быть или не быть*“. Въ ней сосредоточена главная задача автора—„выдѣлить свѣтлыя точки политической и частной жизни Мазепы“.

Разсуждая о будущей измѣнѣ Мазепы, г. Уманецъ говоритъ, что „еще Хмельницкій понималъ, что для государственной самостоятельности въ Малороссіи нѣтъ базиса, могъ ли чрезъ тридцать лѣтъ не понимать этого Мазепа? Имѣя, въ случаѣ измѣны, для себя только участь Брюховецкаго, для Малороссіи только новую „Руину“, могъ ли по убѣжденію не быть „вѣрнымъ“ Мазепа? Такимъ образомъ не только личный разсчетъ гетмана, но и польза Малороссіи требовала отъ него тѣснаго союза съ Москвой... Итакъ, скептицизмъ и самосохраненіе обезпечивали Москвѣ вѣрность гетмана. Прогрессивное движеніе, охватившее всѣ среды московской жизни, давало этому тяготѣнію къ Москвѣ болѣе широкое основаніе...„Затѣмъ, разсказавъ, какъ „въ исторіи Малороссіи и ея гетмана было введено новое лицо—семнадцатилѣтній Петръ“, г. Уманецъ говоритъ, что „въ Малороссіи видѣли, какъ послѣ утренней зари правленія Софьи и Федора, въ лицѣ Петра надъ Москвой взошло яркое солнце прогресса. Здѣсь поняли, что въ Москвѣ—привык-

---

[1]) См. „Кіевск. Стар.“ 1898 г., № 3.

шей давать камень, когда Малороссія просила хлѣба—неожиданно явился идеальный царь... Въ свою очередь Мазепа въ высшей степени раздѣляетъ общее настроеніе»... Разсказывая послѣ этого исторію Петрика, г. Уманецъ полагаетъ, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія въ настоящемъ случаѣ подозрѣвать участіе Мазепы въ измѣнѣ... Вовстаніе Петрика, въ извѣстномъ смыслѣ, было пробнымъ камнемъ для Мазепы. Надо отдать ему справедливость—изъ этого испытанія онъ вышелъ вѣрнымъ Петру и Россіи. Ясно, что въ это время Мазепа не держалъ въ умѣ мысли, объ отдѣленіи Малороссіи отъ Москвы и вполнѣ стоитъ за Петра и его политику... Большинство упрекаетъ Мазепу въ измѣнѣ родному краю. Но онъ слишкомъ хорошо знаетъ Малороссію, чтобы вѣрить въ „речь посполитую Украинскую", и слишкомъ практикъ, *чтобы не замѣтить, какъ поднимая Москву на степень цивилизованнаго государства, Петръ тѣмъ же движеніемъ поднимаетъ Малороссію...* Вотъ почему отъ представленія Петру въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, до той минуты въ жизни, *которую намъ остается еще угадать,* Мазепа болѣе поклонникъ Петра, болѣе входитъ въ его планы и рѣшительнѣй идетъ на встрѣчу его желаніямъ, чѣмъ всѣ родные царя, всѣ московскіе бояре... *Теперь мы понимаемъ, почему въ первые годы гетманства между строкъ оффиціальной переписки, въ подкладкѣ всѣхъ распоряженій Мазепы, какъ правителя края, видна искра расположенія не только къ дѣлу Петра, но и къ самому Петру. Въ лицѣ Петра Мазепа предвидитъ будущее Россіи. И юноша Петръ покорилъ стараго Мазепу"*... За этою тирадою, въ которой больше сказано, чѣмъ то позволяютъ историческіе матеріалы, слѣдуютъ страницы, на которыхъ г. Уманецъ старается „угадать минуту", когда старый Мазепа задумалъ измѣну... Искру ея г. Уманецъ ищетъ вблизи московскихъ событій, наступившихъ послѣ возвращенія Петра изъ за-границы, около 1698—99 года (стр. 162). Первую мысль объ измѣнѣ г. Уманецъ старается уловить въ приписываемой Мазепѣ „думѣ" („Вси покою щире прагнутъ"), а затѣмъ останавливается надъ тѣмъ, какъ Мазепа принялъ, въ мартѣ 1701 г., послѣ нарвскаго пораженія, дьяка Михайлова, посланнаго къ

гетману Петромъ В. за совѣтомъ. При этомъ Мазепа особенно торжественно благодарилъ царя („кланялся до земли трижды“), что „изволилъ такими государскими велики дѣлами его увѣдомить“... Это утрированная благодарность и эти земные поклоны такъ неестественны!... Зная, что Мазепа ничего не дѣлаетъ на-обумъ, приходитъ на мысль: „это не спроста“; Мазепа кому то заблаговременно „отводитъ глаза“... Намъ кажется, что основанную на этомъ случаѣ догадку слѣдовало бы подкрѣпить указаніемъ на другіе случаи противнаго характера... Затѣмъ слѣдуетъ описаніе тягостей, вызванныхъ шведской войною... Пораженія и неудачи развили энергію Петра. Козаковъ тотчасъ потребовали на сѣверъ. Идутъ полки за полками. На смѣну однихъ, являются другіе. Какъ и прежде, козакъ содержится на свой счетъ; но теперь онъ идетъ на край свѣта, въ незнакомую страну, по дѣлу совершенно чуждому мѣстнымъ интересамъ. Теперь онъ не видитъ ни конца войны, ни пользы отъ этой войны... Гетманъ начинаетъ жаловаться на тѣ или на другія обиды малороссіянъ.—Является „странное отношеніе Петра къ Польшѣ и его несправедливости къ Малороссіи“. Вдругъ Петра одолѣваетъ фантазія: цѣною Малороссіи купить содѣйствіе поляковъ въ борьбѣ съ Швеціей... Мысль оставить полякамъ правый берегъ Днѣпра, въ разныхъ видахъ, не покидаетъ Петра до самой Полтавской побѣды... „Упорно пріобрѣтая на сѣверѣ, Петръ отдаетъ коренныя русскія земли на югѣ... Положимъ, уступка праваго берега Днѣпра полякамъ дѣлалась не серьезно... Въ своей малороссійской политикѣ, какъ и во многомъ другомъ, Петръ слѣдуетъ узкимъ традиціямъ Москвы. Опасенія усилить малороссійскій элементъ въ Московскомъ государствѣ играетъ здѣсь главную роль... Пока Петръ заискиваетъ у поляковъ на счетъ Малороссіи, гетманъ является болѣе русскимъ, чѣмъ сама Москва. Его занимаетъ грандіозный планъ возвратить Малороссіи правый берегъ, т. е. на три четверти вѣка ранѣе исправить ошибку Андрусовскаго договора*).

*) Какъ далекъ былъ Петръ В. отъ мысли отдать правый берегъ Польшѣ— это указываетъ его письмо къ Мазепѣ, писанное 20 сентября 1707 г. и найденное недавно Н. В. Молчановскимъ въ шведск. госуд. архивѣ въ Стокгольмѣ. Вотъ сокращеніе этого письма. „Не могу уступить Украины полякамъ по тремъ причинамъ:

Тѣмъ хуже для Мазепы. Тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ ошибку московской политики и несчастіе племени, къ которому принадлежалъ и края, въ которомъ провелъ молодость... Мазепа, конечно, понималъ, что человѣкъ уничтожившій патріаршество, не могъ рано или поздно, не уничтожить гетманство. Остановка только за удобной минутой, когда это можно будетъ сдѣлать не опасаясь народнаго раздраженія"... Является на сцену Меншиковъ и слѣдуютъ отъ него гетману обиды, одна за другою (стр. 195—197). Въ тоже время, ближайшая къ гетману старшина твердитъ ему: „яко мы за душу Хмельницкого всегда Бога молимъ и имя его блажимъ, что Украину отъ ига ляцкого свободилъ, такъ противнымъ способомъ и мы, и дѣти наши, въ вѣчные роды, душу и кости твои будемъ проклинать, если насъ за гетманства своего, по смерти своей, въ такой неволѣ зоставишъ". Наконецъ, разсказывается эпизодъ, происшедшій лѣтомъ 1706 г. въ Кіевѣ, на обѣдѣ у гетмана, когда Меншиковъ будто бы сказалъ послѣднему: „пора приниматься за враговъ", разумѣя подъ ними старшину.

Въ такомъ видѣ нарисовалъ г. Уманецъ картину постепеннаго развитія у Мазепы идеи объ измѣнѣ. Засимъ перечисляются „измѣнники", т. е. сторонники Мазепинаго замысла; тутъ видимъ почти всю высшую старшину (стр. 212), къ сожалѣнію безъ какихъ либо хотя черточекъ ихъ индивидуальности... Этотъ списокъ указываетъ, что вопросъ объ измѣнѣ является какъ-бы общимъ, но Мазепа, повидимому, дѣйствуетъ одинъ:—„спуститеся на мою совѣсть и на мой подлый разумишко, на которомъ вы не ошибаетесь," говоритъ Мазепа старшинѣ и—дѣйствуетъ... Дѣйствія эти даютъ г. Уманцу полное основаніе сказать: „Правда и ложь въ его рукахъ до того дѣлаются одинаково

---

1) если уступлю, то потеряю возможность сношеній съ вѣрнѣйшими друзьями, курьеровъ нельзя посылать, поляки народъ легкомысленный и непостоянный; 2) По окончаніи войны съ Швеціей, думаю воевать съ Турціей,—Украина мнѣ необходима для свободнаго движенія войскъ; 3) если уступлю Украину полякамъ, они мнѣ всячески будутъ вредить въ сношеніяхъ съ Турціей и Крымомъ.—Постарайся сплавить польскихъ пословъ, если представятъ мое письмо". (Получено отъ Н. В. Молчановскаго, которому и приносимъ здѣсь глубокую нашу благодарность).

неузнаваемыми, что, наконецъ, дѣлается невозможнымъ отличить укрывательство отъ правды и даже теперь трудно разобрать, гдѣ кончается истина и гдѣ начинается маска, надѣтая имъ по собственному желанію или вслѣдствіе рокового стеченія обстоятельствъ. Отъ этого даже теперь многое, что надо толковать въ похвалу Мазепѣ, ставится ему въ укоръ“ (стр. 234). При этомъ г. Уманецъ старается уяснить, напр., мотивъ Мазепиной непріязни къ Палѣю. Защищая Палѣя,—послѣ приказа Петра В. вызвать послѣдняго изъ Бѣлой Церкви и арестовать,—Мазепа могъ де „возбудить у Петра подозрѣніе въ потворствѣ идеѣ малороссійскаго обособленія...“ Не лучше ли послушаться Петра и, отдѣлавшись отъ Палѣя, сохранить за собою всю арену и полную свободу“ (стр. 238). Другой примѣръ мазепиной хитрости г. Уманецъ видитъ въ отношеніяхъ послѣдняго къ стародубскому полковнику Миклашевскому. „Еще въ 1703 г. Мазепа доносилъ царю о томъ, что Миклашевскій ведетъ тайную переписку съ злонамѣренными поляками. Миклашевскій былъ даже лишенъ полка“... Для объясненія этого факта г. Уманецъ ссылается на Костомарова, видѣвшаго въ Миклашевскомъ—можетъ быть, подобіе Выговскаго... Мазепа для спасенія идеи могъ не жалѣть „своихъ“, говоритъ г. Уманецъ и продолжаетъ: „теперь въ поведеніи Мазепы, съ чувствомъ похожимъ на ужасъ, узнается человѣкъ, который съ психологической цѣлью, чтобы заглушить всѣ сомнѣнія въ душѣ Петра, не только покупалъ имѣнія въ Великороссіи, бранилъ свой народъ, сообщалъ царю и Головкину всѣ слухи о себѣ, безъ остатка, говорилъ правду и, какъ природный украинецъ, защищалъ Малороссію, но не остановился передъ притворствомъ и кощунствомъ фальшиваго причастія. Только теперь можно измѣрить всю глубину несчастія этого человѣка, всю бездну униженія этого таланта, который, по собственному желанію или въ силу рокового стеченія обстоятельствъ, задавшись невозможной, противной историческому теченію цѣлью, поставленъ въ необходимость прибѣгать къ такимъ средствамъ и расходоваться на эту достойную изумленія, но недостойную игру... Стынетъ кровь подъ гнетомъ этой строгой артистической игры, передъ холодно выдержанной

ролью... Онъ ставитъ на карту все, даже свое человѣческое достоинство. Это великій актеръ, очаровывающій зрителя и оставляющій въ недоумѣніи потомство, но, вмѣстѣ, это хищный звѣрь, искусно путающій слѣдъ, чтобы сбить съ толку охотника... Это измѣна артистической отдѣлки... Спѣшимъ закрыть эту главу съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ непривычный зритель спѣшитъ оставить анатомическій театръ и залу вивисекцій." Такъ заключаетъ г. Уманецъ главу—*Быть или не быть*.

Мы нарочно сдѣлали большія изъ нея выписки, чтобы показать—какъ выполнилъ г. Уманецъ свою задачу относительно „выдѣленія свѣтлыхъ точекъ политической жизни" Мазепы. (О частной жизни будетъ говорено дальше). Читатель видитъ, что нельзя сказать, чтобы положенныя г. Уманцемъ краски на Мазепу-политика были особенно свѣтлы... „Нѣтъ обмана, жестокости и преступленія, предъ которыми онъ остановится", рѣшившись на измѣну (стр. 242). Послѣ такой характеристики Мазепы, рождается вопросъ: кто же былъ Мазепа—авантюристъ или „патріотъ"? Вопросъ этотъ г. Уманецъ посильно рѣшаетъ въ главѣ—„*Шведская инкурсія*". Тамъ и мы скажемъ объ этомъ вопросѣ, а относительно главы „*Быть или не быть*" слѣдуетъ сказать, что едва ли авторъ ея угадалъ „ту минуту въ жизни Мазепы", въ которую послѣдній рѣшился на „измѣну". По крайней мѣрѣ, догадки его не убѣдительны... Быть можетъ, расположеніе къ „измѣнѣ" у Мазепы, какъ человѣка выросшаго среди правобережныхъ шляхетскихъ тенденцій, было, такъ сказать, въ крови у него... А поэтому—тѣмъ труднѣе историку угадать искомую „минуту". Затрудненіе это еще болѣе увеличивается отъ побочныхъ обстоятельствъ: война Петра В. съ Карломъ XII, слава послѣдняго и такіе успѣхи, послѣдняго какъ нарвское пораженіе,—являлись для Мазепы большимъ соблазномъ къ проявленію таившейся „измѣны"... Является сильное подозрѣніе, что надежда на благопріятный исходъ шведской войны для Карла—могла оказать сильный толчокъ въ области думъ и мечтаній Мазепы объ „измѣнѣ".

Въ главѣ „*Крестьянское дѣло при Мазепѣ*“ [1]) послѣдній оцѣнивается какъ *правитель* въ „гражданской его дѣятельности“. Глава эта важна въ томъ отношеніи, что здѣсь авторъ долженъ намъ представить *дѣла* Мазепы въ фактахъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ, а характеръ этихъ дѣлъ, во всякомъ случаѣ, долженъ помочь для уясненія личности Мазепы.

Главу о „*крестьянскомъ дѣлѣ*“ г. Уманецъ начинаетъ очеркомъ соціальнаго положенія Малороссіи до 1687 года, при чемъ, прежде всего, дѣлаетъ попытку объяснить происхожденіе сословій. Желая уяснить отношенія „товариства“ къ „посполь-ству“, т. е. козаковъ къ крестьянамъ, г. Уманецъ говоритъ, что при Хмельницкомъ „козаки и посполитые ежедневно мѣнялись ролями“, такъ какъ само „положеніе дѣла (нужда въ народномъ ополченіи) не позволило при немъ выдѣлить козачество изъ массы населенія“... Страницей ниже (244) самъ г. Уманецъ говоритъ о данныхъ Хмельницкимъ монастырямъ универсалахъ, въ которыхъ гетманъ обѣщаетъ не позволять монастырскимъ крестьянамъ переписываться въ козаки... Наконецъ, если существовали термины для обозначенія сословій („товариство“ и „посполъство“), то значитъ, что не только существовали самыя эти группы сословій, но при этомъ группы эти были уже и обособлены [2]). Можно сказать только, что переходъ изъ одной группы въ другую, не былъ затрудненъ, но эта легкость перехода существовала во все продолженіе XVII в., и даже позже, такъ что время Хмельницкаго здѣсь особенно не выдѣлялось. На раннее обособленіе двухъ сельскихъ группъ указываетъ самъ г. Уманецъ, говоря о запрещеніяхъ перехода крестьянъ въ козаки. Здѣсь авторъ, между прочимъ, полагаетъ, что запрещеніе крестьянамъ переписываться въ козаки происходило не потому, что старшина не желала „дѣлить на мелкія части

---

[1]) Глава эта, по ошибкѣ, нами пропущена въ ихъ перечнѣ, сдѣланномъ въ началѣ „Замѣтокъ“.

[2]) Самъ народъ понималъ это обособленіе двухъ *юридическихъ группъ*; старожилы одного стародубскаго села въ 1729 г. говорили: „по изгнаніи ляховъ, якъ осѣли люде (въ этомъ селѣ), то можнѣйшіе записались въ козаки, а подлѣйшіе остались въ мужикахъ“. Опис. Ст. Малор., I, 381.

кусокъ общественнаго пирога, падающій на долю козаковъ", а потому, что „лучшіе люди той эпохи старались удержать стремленіе массы мѣнять плугъ на мечъ" (стр. 253). Такимъ образомъ, г. Уманецъ какъ будто предполагаетъ, что крестьянинъ, переписавшись въ козаки, бросалъ плугъ, замѣняя его мечомъ... Но развѣ козакъ бросалъ плугъ? Развѣ онъ не былъ такимъ же *земледѣльцемъ,* какъ и крестьянинъ?—Старшина не могла бояться, что „поля останутся непаханными", но боялась, что принадлежавшей ей земли некому будетъ пахать... Преслѣдуя переходъ крестьянъ въ козаки въ своихъ маетностяхъ, старшина мало препятствовала такому переходу въ селахъ монастырскихъ и еще менѣе въ селахъ *ратушныхъ.* Московскій воевода естественно интересовался этимъ вопросомъ при Брюховецкомъ (стр. 253), потому что податью въ пользу государя облагалось одно посполъство. Впрочемъ, самъ-же авторъ опровергаетъ высказанное имъ мнѣніе. На стр. 255-й, онъ указываетъ на приказъ Многогрѣшнаго любецкому сотнику: „не привлащать любецкихъ мѣщанъ подъ региментъ", чтобы тѣмъ не причинить убытка черниговскому войту, которому гетманъ позволилъ владѣть любецкими мѣщанами. Отсюда видно, что не боязнь замѣны плуга мечемъ тутъ была причиною. Еще менѣе можно видѣть въ этомъ распоряженіи тенденцію Многогрѣшнаго—„поддержать обособленіе мѣщанъ, т. е. ремесленнаго, торговаго и рабочаго класса" (стр. 256) или—„создать въ мѣщанахъ противовѣсъ бурной, все забирающей въ свои руки демократіи козачества" (стр. 258). Распоряженіе Многогрѣшнаго объ отдачѣ любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому войту обозначало, что гетманъ отдавалъ любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому магистрату, котораго расходы на разныя общественныя нужды требовали средствъ; вотъ для пополненія ихъ черниговскій магистратъ и получилъ отъ Многогрѣшнаго право на послушенство любецкихъ мѣщанъ, т. е. на ихъ трудъ. Любецкіе мѣщане являлись здѣсь—тѣми же *крестьянами.* Никакой мысли объ „особленіи мѣщанъ" тутъ быть не могло, потому что до такихъ цѣлей гетманы XVII в. дорости не могли...

А между тѣмъ г. Уманецъ идетъ далѣе и приписываетъ Многогрѣшному „учрежденіе настоящихъ сословій,“ прибавляя при этомъ, что учрежденіе это послѣдовало „прежде, чѣмъ естественный ходъ жизни выдвинулъ вопросъ о сословіяхъ“... Думается, что приведенный фактъ отдачи любецкихъ мѣщанъ въ послушенство черниговскому магистрату не можетъ давать матеріала для такого широкаго заключенія... Притомъ же, Многогрѣшный ужъ никакъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ правителей, которые могли преслѣдовать тѣ или другія соціальныя цѣли... Всѣдъ за такимъ заключеніемъ о дѣятельности Многогрѣшнаго, г. Уманецъ говоритъ, что „первые гетманы старались только о томъ, чтобы не всѣ шли въ козаки. Они вовсе не хотѣли сдѣлать козаковъ панами и только думали, какъ удержать возможно бо́льшее количество населенія при производительныхъ занятіяхъ. Событія повели общество далѣе, чѣмъ гетманы желали. Козакъ именно становится паномъ. Не только козаки дѣлаются малочисленнымъ классомъ, но получаютъ значеніе привиллегированнаго сословія. Съ этого времени (послѣ Многогрѣшнаго) ясно выдѣляются два направленія: въ силу перваго, козаки получаютъ значеніе дворянскаго сословія, въ силу второго—посполитые все болѣе и болѣе приближаются къ будущему крѣпостному праву“... Тутъ авторъ несомнѣнно сильно упреждаетъ событія *)... Далѣе читаемъ: „Итакъ, къ началу 80-хъ годовъ XVII в., въ теоріи уже проводится рѣзкая грань между козаками и посполитыми: козаки освобождаются отъ послушенства, но обязываются личной военной службой на своемъ содержаніи“ и т. д. (стр. 262). Да когда же козаки не были свободны отъ послушенства? Если мы возьмемъ и время Хмельницкаго, то и тогда уже званіе козака указываетъ на обязанность нести военную службу на своемъ содержаніи, при чемъ о какомъ либо послушенствѣ (т. е. о личномъ трудѣ въ пользу того или другого державца) не могло быть и рѣчи.

---

*) О томъ, какъ зарождалось въ Малороссіи „дворянское сословіе“, можемъ сослаться на монографію г. Миллера — „О превращеніи старшины въ дворянство“. (Кіевск. Стар. 1897 г.) и на наши „Замѣчанія“ на эту работу. (Харьковъ. 1898).

Здѣсь же кстати замѣтимъ, что „Войско“ никогда не пользовалось тѣмъ „послушенствомъ“ (конечно, крестьянъ?), о которомъ говоритъ г. Уманецъ, указывая на водяныя мельницы (стр. 249). Указывая на послѣдствія, какъ на источникъ для заплаты жалованья охотницкимъ полкамъ, г. Уманецъ говоритъ: „случалось, что одно колесо или просто часть дохода съ мельницы принадлежала „Войску“, а другая составляла частную собственность“ и при этомъ приводитъ въ примѣръ универсалъ Брюховецкаго войск. товар. Годуну, которымъ гетманъ жалуетъ послѣднему „двѣ мѣрочки млиновыя, приподающія на насъ“, „т. е. въ войсковую казну“, добавляетъ г. Уманецъ. Но дѣло въ томъ, что вся эта мельница, цѣликомъ, принадлежала Годуну; но такъ какъ водяныя мельницы представляли собою вообще одинъ изъ источниковъ для пополненія „войсковаго скарба“ (войсковой казны), причемъ на „Войско“ шло двѣ трети ихъ мельницкаго барыша (двѣ мѣрочки изъ трехъ), то гетманы очень часто жаловали владѣльцевъ водяныхъ мельницъ *войсковою частью дохода.* Такъ было и въ данномъ случаѣ. Брюховецкій жалуетъ в. тов. Годуну тѣ „двѣ мѣрочки“ изъ получаемаго хозяиномъ мельницы дохода, которыя передъ тѣмъ отбирались въ „скарбъ“. Слѣдовательно, мельницы, съ которыхъ собиралась часть помола въ пользу войсковаго скарба, *никогда во владѣніи „Войска“ не находились,* а принадлежали всецѣло тому или другому собственнику, который, какъ всецѣлый хозяинъ, заботился самъ и о ремонтѣ мельницы. Ни о какомъ участіи „Войска“ въ веденіи мельничнаго хозяйства и рѣчи не могло быть.

Переходя къ характеристикѣ управленія гетманщиною Мазепы, г. Уманецъ говоритъ о его отношеніяхъ къ крестьянскому вопросу, къ вопросу объ „арендахъ“, какъ источникѣ пополненія „войскового скарба“, и наконецъ—о заботахъ Мазепы относительно церковно-строительства, которое, по мнѣнію автора, „имѣло столько же религіозное, сколько экономическое и просвѣтительное значеніе“. Очерку „гражданской дѣятельности“ Мазепы предшествуетъ нѣкоторая характеристика личныхъ отношеній новаго гетмана къ своимъ сотрудникамъ. „Съ из-

браніемъ Мазепы — перемѣнилось обращеніе въ гетманскомъ дворцѣ. Солдатская грубость Многогрѣшнаго и мелкое высокомѣріе Самойловича замѣняется *внушительной обходительностью.* Мазепѣ ли не умѣть заискать? Пиры оглашаютъ батуринскій замокъ. Старикъ пускаетъ въ ходъ свое *обворожительное краснорѣчіе, умѣнье съ каждымъ говорить на его языкѣ,*—гдѣ надо затронуть личные интересы, корыстолюбіе или патріотизмъ"... „Мы имѣемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о „грубости" Многогрѣшнаго и о „высокомѣріи" Самойловича, но о „внушительной обходительности" Мазепы, о „его обворожительномъ краснорѣчіи" развѣ слѣдуетъ лишь догадываться.... Впрочемъ, быть можетъ, для заключенія о Мазепиномъ краснорѣчіи автору служатъ письма гетмана къ Кочубеевнѣ, о „силѣ выраженія" въ которыхъ г. Уманецъ такого высокаго мнѣнія (стр. 231). Другихъ историческихъ данныхъ объ указанныхъ выше личныхъ качествахъ Мазепы—нѣтъ.

Обозрѣвая затѣмъ „гражданскую дѣятельность" Мазепы и не находя въ ней какихъ-нибудь замѣтныхъ *дѣлъ*, г. Уманецъ полагаетъ, что причина этого заключается въ томъ, что Мазепа „не могъ удѣлять много времени гражданскому устройству Малороссіи", *будучи занятъ походами,* такъ какъ онъ совершилъ въ первыя двѣнадцать лѣтъ своего гетманства—одинадцать лѣтнихъ и двѣнадцать зимнихъ походовъ, и имѣя во вторую его половину, благодаря шведской войнѣ, одинъ сплошной походъ" [1]). Не ужели же въ 23 года своего гетманства Мазепа занятъ былъ одними походами?—Несомнѣнно, что Мазепа имѣлъ много времени, чтобы „удѣлять часть его и на гражданское устройство Малороссіи", но повидимому, этотъ вопросъ его нисколько не заботилъ безъ внѣшнихъ воздѣйствій.

[1]) Здѣсь г. Уманецъ дѣлаетъ ссылку на донесеніе Мазепы въ Москву (1699 г.) о народномъ бѣдствіи вслѣдствіе голода, причемъ Мазепа указываетъ, что тяжкое положеніе народа увеличивается отъ военныхъ походовъ „отправуючихся лѣто и зиму чрезъ кильконадцять лѣтъ...." (Костомар., Мазепа, 161) О *личной* тяготѣ Мазепѣ—тутъ нѣтъ ни слова.

Ссылаясь на извѣстный универсалъ Мазепы 1691 г. (Кiев Стар., 1891, янв., 3), въ которомъ гетманъ приказывалъ державцамъ „власть свою при владѣнiи маетностями выражать мѣрно, не чиня подданнымъ разныхъ вымысловъ и тяжестей“, а также на предстательство Мазепы предъ Петромъ В. за посполитыхъ въ двухъ-трехъ случаяхъ, когда царь требовалъ ихъ на разныя военныя надобности, г. Уманецъ говоритъ, что „приведенныхъ фактовъ достаточно, чтобы видѣть въ защитѣ посполитыхъ Мазепой не случайность, *а систему*“ (стр. 287). Кажется, что такое заключенiе сдѣлано поспѣшно, такъ какъ никакой системы у Мазепы по этому вопросу не видно. Думается, что мы не ошибемся, если скажемъ, что исторiю именно этого универсала разсказываетъ самъ Мазепа въ своемъ донесенiи въ Москву, относящемся къ октябрю 1692 г. Изъ этого замѣчательнаго донесенiя (Матер., Бант.-Кам., II, 5—7) видно, что Мазепа въ сентябрѣ 1692 года получилъ изъ Москвы указанiе на происходящiя „межъ народомъ вопль и пререканiе“ по поводу арендъ и неправильной раздачи маетностей, причемъ добавлялось, что эти народныя жалобы даютъ поводъ и запорожцамъ „произносить голосы къ шатости склонные“. Московское правительство поручило гетману „помыслить и посовѣтывать“—нельзя ли сдѣлать необходимыхъ облегченiй. Въ отвѣтъ на это распоряженiе, Мазепа отвѣчалъ подробнымъ донесенiемъ о томъ, что дѣйствительно народъ жалуется на аренды, а запорожцы пишутъ къ нему объ отягощенiи народа — „что многiе села розданы разнымъ особамъ въ подданство“; „*предваряя* (пишетъ онъ далѣе), *чтобы отъ особъ, селами владѣющихъ, какъ старшинъ генеральныхъ, такъ и полковниковъ и товарищества войскового, люди посполитые, въ подданствѣ ихъ будучiе, отягченiя и бременъ неудобь носимыхъ не терпѣли, розослали есмы давно наши универсалы во весь полки и городы, разголошая такой нашъ приказъ, дабы нихто изъ тѣхъ владѣтелей не дерзалъ работами великими и поборами вымышленными людей въ селахъ, собѣ данныхъ, обрѣтающихся, отягощати и ни малой въ земляхъ, поляхъ, лѣсахъ, сѣножатехъ и всякихъ угодьяхъ чинити имъ обиды*

и насилія и чтобъ владѣли ими въ мѣру, ничего вновь и выше мѣры не налагая...."

Думаемъ, что изъ исторіи универсала 1691 года ясно видно, что онъ былъ результатомъ случайности (запорожскихъ „нареканій", которыя порождали въ народѣ „шатость"), но никакъ не системы.

Едва ли вѣрно заключеніе г. Уманца и о предполагаемой имъ попыткѣ Мазепы возстановить значеніе ранговыхъ имѣній. Указывая на трудность таковой попытки, г. Уманецъ говоритъ, что однакожъ Мазепою она была сдѣлана, причемъ приведенъ слѣдующій примѣръ. „Генеральный обозный Петръ Забѣла передалъ с. Клишки по завѣщанію одному изъ своихъ сыновей; Мазепа отдалъ Клишки другому и, не смотря на всѣ ходатайства, даже царскій указъ (т. е. грамоту), не возвратилъ. Послѣ паденія Мазепы многіе объясняли неутвержденіе распоряженія прежняго владѣльца взяткой, будто бы данной гетману. Но во 1-хъ, тогда все можно было говорить о Мазепѣ; во 2-хъ, если сохраненіе Клишекъ для „Войска" было злоупотребленіемъ, то чѣмъ объяснить всѣ распоряженія Мазепы въ видахъ сохраненія ранговыхъ имѣній? *Отобраніе Клишекъ неизбѣжно при желаніи спасти ихъ, какъ ранговое имѣніе (?), и противодѣйствовать безусловно незаконному дѣйствію покойнаго вліятельнаго чиновника*". Приводимый здѣсь случай, послужившій г. Уманцу основаніемъ для такого широкаго обобщенія, заимствованъ имъ изъ бумагъ, нами напечатанныхъ (Кіевск. Стар. 1883 г., іюль) и тѣмъ яснѣе для насъ, что дѣло было не такъ. Генер. обозный Петръ Забѣла получилъ по царской грамотѣ въ 1656 году пять селъ, въ томъ числѣ и Клишки (Опис. Стар. Малор., II, 136). Умирая, Забѣла распредѣлилъ свои маетности такъ: три села (въ томъ числѣ и Клишки) отдалъ младшему сыну Ивану, а два села—сыновьямъ Степану и Василію. Умеръ П. Забѣла въ 1689 г., т. е. въ тотъ годъ, когда Мазепа ѣздилъ въ Москву послѣ неудачнаго похода кн. Голицына въ Крымъ. Мазепа ѣздилъ въ Москву въ сопровожденіи чуть ли не всей первостепенной старшины и множества меньшей [1]). Въ это время въ

---

[1]) Перечисленіе старшины у Костомарова, „Мазепа", 32 и слѣд.

Москвѣ произошелъ тотъ переворотъ, послѣдствіемъ котораго было удаленіе Софіи и вступленіе въ дѣйствительную власть Петра. Какъ извѣстно, въ этотъ моментъ Мазепа съумѣлъ понравиться Петру и, воспользовавшись удобнымъ моментомъ, повыпрашивалъ царскія грамоты на маетности, раньше розданныя старшинѣ и, кромѣ того, понадавалъ послѣдней еще и новыя. Повидимому, въ этотъ моментъ Мазепа старался закрѣпить за собою пріязнь вліятельной старшины и ея родичей, чтобы тѣмъ самымъ пріобрѣсти надъ нею большее вліяніе. Надѣляя маетностями старшину, Мазепа нашелъ нужнымъ надѣлить и нѣжинскаго полковника Степана Забѣлу. Послѣдній уже раньше получилъ отъ Мазепы с. Конашевку (подъ Борзною), да по отцовскому завѣщанію владѣлъ онъ с. Лушниками. Пользуясь случаемъ, Степанъ Забѣла самъ распорядился отобрать отъ младшаго брата одно изъ завѣщанныхъ послѣднему селъ—Клишки („село Клишки отъ мене подъ свою власть отобралъ"), а въ Москвѣ обратился къ Мазепѣ съ просьбою узаконить его самоволіе и дать ему свой универсалъ на отнятую у брата маетность. Просьба была удовлетворена и Клишки утверждены были за Степаномъ Забѣлою гетманскимъ универсаломъ. Что же, значитъ, Мазепа дѣлалъ при этомъ? — Онъ отобралъ у одного изъ братьевъ наслѣдственную его маетность (которою наслѣдодатель владѣлъ по грамотѣ) и отдалъ другому брату потому, что этотъ другой братъ занималъ важный урядъ нѣжинскаго полковника, а тотъ братъ, отъ котораго отбиралась маетность, былъ человѣкъ малаго ранга и кромѣ того былъ зятемъ генеральнаго обознаго Борковскаго, котораго Мазепа всегда не любилъ [1]). Здѣсь и

[1]) См. Кіевск. Стар. 1893 г. Вотъ относительно Борковскаго Мазепа дѣйствительно поступилъ такъ, какъ говоритъ г. Умавецъ о случаѣ съ Забѣлами. Не успѣлъ Борковскій умереть, какъ Мазепа отобралъ у его вдовы м. Орловку, надлежащее „на урядъ обозничества", причемъ впрочемъ мѣстечко было повернуто—„на гетманскій дворъ". Но здѣсь Мазепа проявилъ актъ пристрастія и нелюбви къ покойному Борковскому, на что и указываетъ Кочубей. (Матер., Бант.-Кам., II, 109). Тутъ же разсказанный Кочубеемъ случай съ наслѣдствомъ кіевск. полковника Солонины былъ того же характера. Въ обоихъ случаяхъ причиною отобранія маетностей была нелюбовь Мазепы.

рѣчи не было о какомъ либо „сохраненіи ранговыхъ маетностей", а было лишь *одно насиліе, одна несправедливость* по отношенію къ Ивану Забѣлѣ, младшему брату Степана Забѣлы [1]). Вѣдь не отобралъ же Мазепа Клишекъ послѣ смерти Степана Забѣлы, какъ ранговую маетность, а оставилъ ее у сына послѣдняго, незначительнаго войскового товарища (Опис. Ст. Малор., II, 360). Мы остановились на этомъ фактѣ, какъ на примѣрѣ рѣзкаго, несоотвѣтствія между фактомъ и заключеніемъ автора, который затѣмъ продолжаетъ: „Изъ всего этого видна неосновательность предположенія объ исключительномъ сочувствіи Мазепы къ панамъ и будущему дворянству... Напротивъ, если всѣ брались за ближайшія средства, то Мазепа въ сословномъ вопросѣ заботился о справедливости". Такую „справедливость" можетъ указывать одинъ только универсалъ Мазепы 1691 года, но и онъ былъ вынужденною мѣрою для успокоенія „воплей и пререканій" полтавскаго поспольства, жившаго въ сосѣдствѣ съ Запорожьемъ и потому менѣе смирнаго, чѣмъ поспольство, находившееся вдали отъ Запорожья...

Говоритъ г. Уманецъ и объ „арендахъ". Это былъ откупъ на торговлю виномъ, табакомъ и дегтемъ. Народъ былъ противъ этихъ откуповъ, но они составляли одинъ изъ главныхъ источниковъ для пополненія „войсковаго скарба", а доходами послѣдняго оплачивалось жалованье „охотницкимъ" полкамъ. Мы уже видѣли, что однимъ изъ первыхъ распоряженій Мазепы-гетмана была отмѣна „арендъ на горѣлку" и на другіе напитки (Самовид., 79); но затѣмъ, какъ видно изъ полученнаго въ сентябрѣ 1692 г. указанія изъ Москвы, аренды эти были возстановлены. Заботясь объ устраненіи народнаго недовольства, на которое указывалось даже изъ Москвы, гетманъ, послѣ многихъ совѣщаній, повидимому, не нашелъ возможности отмѣнить „арендъ", пока не будетъ найденъ другой источникъ на „собраніе денегъ".

---

[1]) Самъ Мазепа признавалъ за Иваномъ Забѣлою право на Клишки и долго водилъ его обѣщаніями возвратить ему маетность. Кіевск. Стар. 1884 г., іюль, 521—522.

При этомъ, сдѣланы были, впрочемъ, нѣкоторыя облегченія, „чтобъ при покупкѣ водки на родины и на свадьбы досады людемъ не дѣлалось". Изъ этихъ фактовъ, и только изъ этихъ, едва ли можно дѣлать общія заключенія, что „Мазепа, неожиданно, сдѣлавшись гетманомъ, высказывается противъ арендъ" и что, „стремясь уничтожить аренды, Мазепа встрѣтилъ нѣмое сопротивленіе пановъ (?) и старшины"... И еще менѣе можно видѣть въ обложеніи шинковъ и винокуренъ попытку Мазепы перейти къ акцизной системѣ.... Аренды были необходимы въ Малороссіи потому, что тогдашній складъ жизни не давалъ возможности найти болѣе удобный, по способу взиманія, источникъ на заплату наемному войску жалованья.

Разсказывая о построеніи Мазепою многихъ церквей и объ украшеніи ихъ, г. Уманецъ говоритъ, что постройка церквей Мазепою „равносильна учрежденію имъ *цѣлой системы маленьнихъ шпиталей и школъ*... Постройка церквей Мазепою и другими жертвователями того времени имѣетъ столько же религіозное, сколько экономическое и просвѣтительное значеніе.... Тогдашній *шпиталь содержалъ бѣдныхъ сиротъ, учившихся въ школѣ и коллегіи*"... И здѣсь, по нашему мнѣнію, нельзя не видѣть нѣкотораго преувеличенія фактовъ... Дѣйствительно, Мазепа не скупился на постройки церквей и ихъ украшеніе въ большихъ городахъ и монастыряхъ (причемъ былъ выстроенъ имъ и новый корпусъ въ Кіево-Братскомъ монастырѣ); но этотъ фактъ не былъ какимъ-нибудь исключеніемъ относительно Мазепы. Такъ же точно строилъ церкви и помогалъ ихъ украшенію и Самойловичъ [1]). Стародубскій полковникъ Миклашевскій строитъ церкви въ Глуховѣ и въ Выдубицкомъ монастырѣ; въ послѣднемъ имъ была выстроена каменная церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца и каменная трапеза съ церковью Преображенія Господня [2]). Набожное усердіе одушевляло тогда всѣхъ

[1]) См., напр., Отрывки изъ лѣтописи Мгарск. м—ря, въ Кіевск. Стар. 1889 г. Успенская каменная церковь въ Глуховѣ начата постройкою (въ 1686 г.) Самойловичемъ. Опис. Стар. Малор. II, 430.

[2]) Тамъ же, 430. Соч. Максимовича, II, 251.

имущихъ людей, что лучше всего видно изъ монастырскихъ земельныхъ актовъ того времени, изъ которыхъ почти каждый свидѣтельствуетъ о „жертвѣ“ [1]). Мазепа, какъ представитель страны, не могъ отставать въ этомъ дѣлѣ отъ другихъ. Поэтому едва-ли можно говорить, что „старшина, богатые паны, городскія и сельскія общества самостоятельно и *изъ подражанія* дѣлали то же, что и гетманъ“ (стр. 303). „Старшина и богатые паны“ строили церкви очень усердно, безъ всякаго подражанія, въ своихъ *слободахъ* потому, что Божій храмъ былъ однимъ изъ главныхъ средствъ для привлеченія новыхъ слобожанъ, любившихъ садиться тамъ, гдѣ уже таковой имѣлся. Что же касается до постройки сельскихъ церквей Мазепою, на что указываетъ г. Уманецъ (стр. 302), то здѣсь имъ приводятся случаи постройки церквей лишь на основаніи „церковныхъ лѣтописей“, какъ извѣстно, наполняемыхъ преданіями не всегда осторожно; притомъ же, м.м. Янполъ и Марчихина-Буда, гдѣ Мазепа, по преданію, построилъ церкви, принадлежали къ числу гетманскихъ маетностей (Опис. Стар. Малор., II, 486 и 500), слѣдовательно, здѣсь церкви строить Мазепѣ было выгодно....

Здѣсь же нельзя не замѣтить, что указаніе г. Уманца, будто бы тогдашній шпиталь содержалъ бѣдныхъ сиротъ, учившихся въ школѣ“—невѣрно. Г. Уманецъ ссылается при этомъ на универсалъ, „упрекающій Петрика въ томъ, что его воспиталъ полтавскій шпиталь“; но обращаясь къ этому универсалу (Величко, III, 114), мы читаемъ: „всѣ мы знаемъ, же батько твой (Петрика) *жебракъ* (нищій) есть, въ городѣ нашемъ Полтавѣ въ *шпиталѣ* мешкалъ; а ты *въ школѣ*, межи нищими валялся, и по-подъ окнами нашими ходячи, окрушками выкормился“... Изъ этого отрывка мы видимъ, что отецъ Петрика, будучи *нищимъ*, жилъ въ *шпиталѣ*, т. е. въ богадѣльнѣ, а сынъ его жилъ *въ школѣ, но не въ шпиталѣ*, причемъ универсалъ добавляетъ, что Петрикъ, и въ школѣ будучи, „валялся межъ

---

[1]) См. цѣлую коллекцію этихъ актовъ, переданныхъ изъ Черниг. казенной палаты въ Кіевск. центр. архивъ.

нищими", т. е. былъ тѣмъ же нищимъ... Кто жилъ въ шпиталяхъ—это видно изъ описанія въ Румянцовской описи тогдашнихъ церквей и необходимыхъ ихъ принадлежностей—„шпиталей" и „школъ" [1]). Въ шпиталяхъ жили только „старцы", т. е. нищіе и калѣки, а школяры жили вмѣстѣ съ „дьячками" и „пономарями", въ особыхъ домахъ, называвшихся „школами". Въ спискахъ обитателей „школъ" такъ постоянно и значится, что живутъ въ ней „молодики" и „школьники" такіе-то (имя рекъ), при чемъ возрастъ тѣхъ и другихъ колеблется между 10 и 35 годами.

Обращаясь, послѣ этихъ частныхъ замѣчаній, къ общему заключенію о „гражданской дѣятельности" Мазепы, въ предѣлахъ разсказа г. Уманца, мы полагаемъ, что положительной стороны этихъ дѣлъ—не видно. Но тутъ же нужно еще сказать, что „гражданская дѣятельность" Мазепы въ книгѣ г. Уманца далеко не исчерпана. Отведя особую главу *крестьянскому дѣлу при Мазепѣ*, г. Уманецъ вовсе не коснулся вопроса относительно раздачи имъ маетностей, а между тѣмъ мы видѣли, что именно эта раздача порождала въ народѣ „вопль и пререканія". Правда, печатный матеріалъ по этому вопросу не великъ, но все же кое-что есть. Изъ одного только печатнаго матеріала можно сдѣлать несомнѣнное заключеніе, что для нѣкоторыхъ лицъ изъ своей старшины Мазепа былъ очень щедръ, а для другихъ—скупъ. Видимо, у Мазепы были любимцы и нелюбимцы. Укажемъ на прилуцкаго полковника Дмитрія Горленка, которому Мазепа съ 1694 г. по 1706 г.—далъ пять селъ, а въ 1707 г. далъ село и сыну его, въ то время только знатному войск. товарищу" [2]). Преемникъ по уряду Дмитрія Горленка, Иванъ Носъ оставилъ намъ любопытную характеристику отношеній своего

---

[1]) Для примѣра укажемъ опись прилуцкихъ церквей въ 1765 году. *Архиеп. Отрывки для исторіи Полтавской епархіи* (Полтава. 1887), вып. I, стр. 57—64.

[2]) Русск. Арх. 1875 г., II, 244.

предшественника къ Мазепѣ. Указавъ на захватъ Горленкомъ множества полковыхъ земель, Носъ говоритъ, что Горленко „много могущимъ будучи властелиномъ, все, что хотѣлъ, то и забиралъ, имѣя протектора своего и отца[1]) въ бывшемъ гетманѣ Мазепѣ, который, „не видя обиды людской", выдавалъ ему универсалы не только на всякіе грунта и маетности, *но выдалъ бы универсалъ „подуфалому своему сыну" и на цѣлый полкъ, на всѣхъ людей посполитыхъ и козаковъ*, если бы онъ, Горленко, попросилъ о такомъ универсалѣ" [2])! Черниговскому полковнику Павлу Полуботку за три года его полковничества при Мазепѣ, послѣдній не далъ ни одной маетности[3]). Затѣмъ, въ практикѣ Мазепы при пожалованіи маетностей мы встрѣчаемъ *первый случай* отдачи населенной маетности *мѣщанину*, будущему стародубскому войту Спиридону Шираю: по универсалу 26 мая 1688 г., „обывателю стародубскому Спиридонови, съ певныхъ респектовъ и причинъ, надано въ завѣдываніе и уживанье, до ласки войсковой, селце Сининъ" [4]). Ширай велъ обширную заграничную торговлю пенькою и поэтому былъ очень богатъ; Шираево богатство и было, повидимому, причиною „певныхъ къ нему респектовъ". Такое же покровительство Мазепою было оказано и другому *мѣщанину*, „обывателю кіево-печерскому п. Максиму" (родоначальнику Максимовичей), то же „съ певныхъ респектовъ и для частой въ войсковыхъ потребахъ дозна́нной выгоды", исходившей изъ богатства „п. Максима", у котораго,

---

[1]) Костомаровъ говоритъ („Мазепа", 7), что жена Мазепы (рожд. Половецъ) была родственницей прилуцкому полковнику Горленку. Хотя источникъ этого свѣдѣнія и не указанъ, но несомнѣнно, что оно взято изъ „Родословной книги" кн. Лобанова-Ростовскаго, куда свѣдѣніе о родствѣ Мазепы съ Горленками попало, какъ догадываемся, изъ бумагъ „историка" Н. А. Маркевича. Никакого родства тутъ не было и не могло быть уже по одному различію тѣхъ мѣстностей Малороссіи и слоевъ общества, изъ которыхъ происходили жена Мазепы и Горленки. Носъ называетъ Дм. Г—ка „подуфалымъ сыномъ" Мазепы иронически за чрезмѣрное пристрастіе къ нему гетмана.

[2]) Русск. Арх. 1875 г, II, 246.

[3]) Тамъ же, 1880 г., I, 139—140.

[4]) Перечень универсаловъ на маетности, рукоп. нашей б—ки.

значитъ, не было еще и настоящаго прозвища. Здѣсь покровительство богатому мѣщанину выразилось въ томъ, что сыновья его поступили въ войсковую службу и надѣлены были всякими милостями, а въ томъ числѣ и маетностями [1]).

Не познакомилъ читателя г. Уманецъ въ своемъ изслѣдованіи и съ ближайшими совѣтниками или сотрудниками Мазепы. Здѣсь мы бы увидѣли, что Мазепа, будучи правобережнымъ человѣкомъ, повидимому, предпочиталъ своихъ земляковъ лѣвобережникамъ, можетъ быть по недостаточной еще при немъ культурѣ послѣднихъ. Изъ правобережниковъ Мазепу окружали: Ломиковскій, Зеленскій, Чечель и Мазепины родичи: Обидовскій, Мокіевскій, Трощинскій. Въ числѣ наперсниковъ Мазепы были и чужеземцы: Орликъ [2]), Кенигсекъ, Згура (грекъ). Изъ лѣвобережниковъ въ числѣ Мазепиныхъ присныхъ можно назвать только четырехъ: Дм. Горленка, Дм. Максимовича, Чуйкевича Ант. и Гамалѣю [3]). Данило Апостолъ, хотя и былъ единомышленникомъ въ измѣнѣ, но Петръ В. называлъ его, конечно не безъ основаній, „великимъ непріятелемъ Мазепы" [4]). Такой составъ Мазепиныхъ наперстниковъ можетъ указывать, по нашему мнѣнію, что Мазепа болѣе чѣмъ въ двадцатилѣтнее свое гетманство оставался достаточно стороннимъ человѣкомъ въ лѣвобережной Малороссіи.

Не можемъ не вспомнить тутъ и того пункта изъ доноса Кочубея, гдѣ говорится о „ганебной симоніи" Мазепы за полковничьи мѣста и о его вообще стяжательности.... Изъ этихъ коротенькихъ указаній можно видѣть, что въ „гражданской дѣятельности" Мазепы были и отрицательныя стороны...

Но здѣсь же нужно сказать, что, обѣляя Мазепу въ гражданской его дѣятельности, г. Уманецъ едва ли не напрасно на-

---

[1]) Опис. Стар. Малор., II, 28.

[2]) Орликъ родомъ былъ чехъ, какъ видно изъ документовъ Стокгольмскаго госуд. архива. (Сообщено Н. В. Молчановскимъ).

[3]) Впрочемъ, Максимовичъ и Гамалѣя были сыновьями правобережниковъ.

[4]) Изъ письма Петра В. къ Меньшикову отъ 27 окт. 1708 г. („буде полковникъ миргородскій гдѣ въ близости, то прикажите его прислать... п. ч. онъ *великій непріятель былъ Мазепѣ*"). Дополн. къ дѣян. Петра В. (М. 1792) т. VIII, стр. 139.

брасываетъ ужъ черезчуръ темныя тѣни на его политику, до ея сравненія—съ вивисекціей... Можетъ быть нѣсколько темна исторія Мазепы съ Палѣемъ. Хотя и здѣсь можно думать, что Мазепа самолично желалъ устранить съ арены дѣйствія слишкомъ замѣтнаго и при томъ богатаго человѣка, затѣнявшаго Мазепу въ родной ему Бѣлоцерковщинѣ...

Напрасно не вспомнилъ г. Уманецъ, говоря объ отношеніяхъ Мазепы къ Палѣю, народныхъ легендъ, въ родѣ хотя бы, напр., той, гдѣ говорится, что „Мазепа за те хотивъ стратить Палѣя, що народъ звавъ его козацькимъ батькомъ", и проч. [1]). Мотивомъ Мазепиной непріязни къ Палѣю народъ называетъ зависть и, какъ кажется, не ошибается...

Другой указываемый г. Уманцемъ примѣръ „вивисекціи"— Миклашевскій, по нашему мнѣнію, выбранъ совсѣмъ неудачно. Называть Миклашевскаго человѣкомъ того направленія, „*во главѣ котораго стоялъ гетманъ*" (т. е. тенденціи къ „измѣнѣ") значитъ— называть вещи не ихъ именами... Стародубскій полковникъ Миклашевскій былъ типическій лѣвобережникъ конца XVII в.—неграмотный козакъ и великій практикъ въ стяжаніи, умѣвшій нажить даже при Мазепѣ огромныя имѣнія. Судя по началу его дѣятельности (Опис. Стар. Малор. I, 28), это былъ умный и вмѣстѣ съ тѣмъ пронырливый человѣкъ, умѣвшій подлаживаться къ своимъ патронамъ. Мазепа сразу оцѣнилъ Миклашевскаго: въ 1687 г. онъ далъ ему с. Кочерги, въ 1688 г.— с. Волокитинъ, а въ 1690 г. *поставилъ* полковникомъ въ *чужомъ* для Миклашевскаго полку, гдѣ онъ за пятнадцать лѣтъ своего управленія пріобрѣлъ много маетностей, отчасти по универсаламъ, а отчасти и безъ нихъ... Въ 1704 году Миклашевскій вдругъ былъ отставленъ Мазепою отъ уряда, причемъ кромѣ того, гетманъ написалъ царю, что Миклашевскій ведетъ какую-то тайную переписку съ поляками. Костомаромъ по этому случаю говоритъ, что „надобно принимать во вниманіе, что мало-

---

[1]) См. обстоятельный пересмотръ этихъ легендъ—*Палѣй и Мазепа въ народной поэзіи*, В. В. Каллаша, во 2-й кн. *Этнографическаго Обозрѣнія* (1889 г.).

россійскихъ старшинъ соблазняла не совсѣмъ еще забытая, хотя и неудавшаяся, попытка Выговскаго образовать изъ Украины автономное политическое тѣло" и проч. Эту догадку Костомарова г. Уманецъ приводитъ въ своей книгѣ безъ какого-либо возраженія, а слѣдовательно, какъ будто, раздѣляетъ приведенное мнѣніе. Но дѣло въ томъ, что такіе некультурные стяжатели, какимъ былъ Миклашевскій, ни въ какую „политику" не мѣшались; она имъ была совершенно чужда уже по одному отсутствію у нихъ какого-либо образованія. „Тайная переписка" Миклашевскаго съ „литовскимъ паномъ" Коцѣломъ касалась несомнѣнно хозяйскихъ дѣлъ; съ Коцѣломъ, какъ и съ другими сосѣдями Стародубщины, поляками и русскими, Миклашевскій могъ переписываться о своихъ дѣлахъ торговыхъ, о поташѣ, о пенькѣ, но ужъ никакъ не о присоединеніи Малороссіи къ Польшѣ, какъ предполагалъ Костомаровъ... Вѣрнѣе всего, что Мазепа удалилъ Миклашевскаго отъ полковничества по тому же мотиву, по которому онъ низвелъ съ арены дѣйствія и Палія; только тамъ на первомъ планѣ была Паліева популярность, а потомъ уже его богатство, а здѣсь—одно богатство Миклашевскаго... Могло случиться, что, кромѣ того, и стародубское полковничество въ это время потребовалось для кого нибудь изъ присныхъ Мазепы; вѣдь въ томъ же 1704 г. племянникъ гетмана Трощинскій посаженъ былъ на гадяцкое полковничество. Впрочемъ, дѣло съ Миклашевскимъ кончилось благополучно: въ слѣдующемъ 1705 г. стародубское полковничество ему было возвращено. Можно догадываться только, что временная отставка Миклашевскаго стоила послѣднему недешево (см. ниже). Повторяемъ, Миклашевскій не могъ быть „человѣкомъ того направленіи, во главѣ котораго стоялъ гетманъ". Напротивъ это былъ несомнѣнный антагонистъ этого направленія...

Подводя итоги „гражданской дѣятельности" Мазепы, можно сказать, что ничѣмъ *особеннымъ* она не отличалась и почти во всемъ была похожа на ту же „дѣятельность" его предшествен-

ника.. А между тѣмъ у г. Уманца читаемъ: „не имѣя всѣхъ деталей (изъ гражданской дѣятельности), по найденнымъ образцамъ можно угадать *всю широту Мазепиныхъ* плановъ. Позволительно думать, что *будь у Мазепы болѣе свободнаго времени и свободы дѣйствій, мы имѣли бы въ его лицѣ одного изъ замѣчательныхъ мастеровъ государственнаго дѣла*" (стр. 304).

Историки бываютъ иногда пристрастны къ своимъ героямъ...

Главу о „гражданской дѣятельности" Мазепы (иначе — „крестьянское дѣло") г. Уманецъ заканчиваетъ отвѣтомъ на тутъ же предложенный вопросъ: „какъ велики (были) богатства Мазепы?" По этому поводу, говорится, между прочимъ, что изъ предшественниковъ Мазепы крупныя суммы видны только у Богдана Хмельницкаго и Самойловича, при чемъ замѣчается, что послѣдній „одержимъ исключительной стяжательностью".— Хотя Мазепа лично вѣдалъ „войсковой скарбъ", но „это еще не значитъ, чтобы онъ собралъ большіе капиталы на гетманскомъ урядѣ".—Если бы въ Батуринѣ, при его истребленіи 2 ноября 1708 года, „было много золота и серебра, принадлежавшаго Мазепѣ, его нашли бы расплавленнымъ или зарытымъ подъ пепломъ батуринскаго замка. Не случилось ни того, ни другого".—Оказывается, „что послѣ двадцати лѣтъ гетманства и безконтрольнаго распоряженія войсковой казной, послѣ того, какъ Мазепа много лѣтъ готовился къ государственному перевороту, требующему большихъ денегъ, въ самую критическую минуту, когда надлежитъ двинуть всѣ ресурсы, въ его казнѣ (она же „войсковая") оказывается не много болѣе тѣхъ 240000 талеровъ, которые Мазепа далъ взаймы Карлу XII". А Орликъ свидѣтельствуетъ, какъ самъ Мазепа говорилъ ему, что онъ настолько „богатъ" что можетъ и „Москву" подкупить... Г. Уманецъ полагаетъ, что Мазепа въ этомъ случаѣ хвасталъ.... (стр. 313). Трудно считать деньги въ чужомъ карманѣ, говоритъ пословица и легко говорить о большихъ суммахъ Самойловича, когда все имущество послѣдняго было подсчитано и описано [1]). Но и Мазепа былъ богатъ; такъ слѣдуетъ предполагать

[1]) См. Русск. Историч. Библіотека, изд. Археогр. Ком., т. VIII, стр. 989—1204.

потому, что онъ былъ стяжателемъ, а въ его положеніи для стяжаній было широкое поле. Главнымъ свидѣтелемъ о стяжаніяхъ Мазепы является Кочубей; въ его доносѣ мы читаемъ: „прежнихъ лѣтъ... полковниковъ по любви вольными голосами обирано, а симоніи грамотной и ганебной не чувати было; а теперь за полковницкіе уряды (Мазепа) великіе беретъ взятки; хочь бы незнать якъ которій заслужоный товарищъ былъ годенъ того уряду, а не будетъ ли мѣти достатку денегъ, то оного воспріяти не сподобится, а сподобятся тіи, которіи зъ дябелъ маютъ гропей и есть що дати въ руки его по достатку". (Источн., Бант.-Кам., II, 109). Конечно, это свидѣтельство *доносчика*, но читая внимательно *доносъ* Кочубея, въ немъ не находимъ ни одного факта, видимо ложнаго... Можетъ быть, Кочубей невѣрно освѣщаетъ нѣкоторые факты, но перечень послѣднихъ представляется правдивымъ... Г. Уманецъ, критикуя этотъ доносъ, говоритъ, что въ немъ „важное смѣшано съ мелочами" и что онъ „въ практическомъ отношеніи обработанъ чрезвычайно плохо". Да, можетъ быть, это обстоятельство и доказываетъ достовѣрность доноса или, по крайней мѣрѣ, отсутствіе въ немъ „ложныхъ сплетеній", говоря о которыхъ, Орликъ однакожъ не указываетъ примѣровъ. Какъ бы то ни было, но о продажѣ полковничьихъ мѣстъ Мазепою свѣдѣнія есть. Напримѣръ. Вдова гадяцкаго полковника Бороховича, разсказывая, *въ своемъ духовномъ завѣщаніи*, о семейныхъ своихъ дѣлахъ и объ оставляемомъ имѣніи, между прочимъ говоритъ, что по смерти ея мужа, одинъ изъ ея сыновей, „стараючися о полковничество гадяцкое у Мазепы, просилъ меня, дабымъ позычила ему зъ общого нашого скарбу недѣленого—тысячу червоныхъ и сколько сотъ талеровъ битыхъ"; деньги были даны, „но онъ не добился полковничества, а деньги потратилъ, да еще и обманулъ меня: поѣхавши къ Мазепѣ, *выпросилъ универсалъ на мои маетности*" [1])... Едва ли можно подозрѣвать въ этомъ свидѣтельствѣ какую-нибудь неправду. Если Мазепа и не взялъ этихъ денегъ, то въ обществѣ существовала увѣ-

---

[1]) Русск. Арх., 1875 г., I, 314.

ренность, что онъ ихъ беретъ. При томъ же въ данномъ случаѣ гадяцкаго полковничества Мазепа не могъ дать Федору Бороховичу потому, что на это мѣсто садилъ своего племянника Трощинскаго, а Федору Бороховичу оказалъ видимое благоволеніе, давши ему одному универсалъ на отцовскія маетности при наличности матери-вдовы и двухъ братьевъ [1]). Что Мазепа вообще былъ склоненъ къ стяжанію, на это указываетъ, напр., тотъ фактъ, что лишенный полковничьяго уряда Миклашевскій, выпрашивая универсалъ на свои маетности, долженъ былъ поднести гетману подарокъ: походную палатку („наметъ") и сто талеровъ. Объ этомъ разсказывала вдова Миклашевскаго, при чемъ „наметъ" былъ подаркомъ, конечно, всѣми видѣннымъ. Та же вдова разсказываетъ, что когда по смерти мужа, она поѣхала съ своими пасынками къ Мазепѣ просить подтвердительнаго универсала на маетности, то поднесла гетману на „поклонъ" „кредексъ срѣбній" (сервизъ) въ тысячу талеровъ [2]). Источниковъ для стяжаній было много...

Предложеніе Кочубеевнѣ 10000 червонцевъ (въ видѣ ли „вѣна" или — обыкновеннаго обольщенія) не можетъ не указывать на обиліе у Мазепы капиталовъ. А замѣчаніе г. Уманца, что при разореніи Меншиковымъ Батурина не найдено де ни золота, ни сребра, принадлежавшаго Мазепѣ, опровергается свидѣтельствомъ военнаго дневника Петра В., гдѣ говорится: „и тотъ городъ (Батуринъ) совсѣмъ сожгли и разорили до основанія, гдѣ *зѣло много измѣнника Мазепы богатства взяли*"... [3])

Свѣдѣнія о богатствахъ Мазепы можемъ дополнить еще и слѣдующимъ новымъ извѣстіемъ, которое г. Уманцу не могло быть извѣстно. Въ шведскомъ государственномъ архивѣ, въ Стокгольмѣ, Н. В. Молчановскій нашелъ (въ нач. этого года) донесеніе шведскаго чиновника, которому, по просьбѣ Мазепы, было поручено принять въ охрану богатства послѣдняго, на случай его смерти. Въ этомъ донесеніи значится, что послѣ смерти

---

1) См. тамъ же родословную.

2) Опис. Стар. Малор., I, 31—32.

3) Журналъ или поденная записка Петра В. (Спб. 1770.) ч. I, стр. 195.

Мазепы у него, между прочимъ, оказалось: два „сѣдельныхъ“ мѣшка (мѣшки, которые привязывались къ сѣдламъ?), одинъ съ драгоцѣнностями, а другой съ золотыми „медалями“, и два „четвертныхъ“ (viertel-tonnen) боченка съ червонцами [1]).

Поздняя любовь. Разсказывая романъ Мазепы съ Кочубеевной, г. Уманецъ рисуетъ сначала портретъ отца ея, какъ и должно быть, человѣкомъ недалекимъ. Относительно біографіи Кочубея г. Уманецъ дѣлаетъ замѣтную ошибку, говоря, что на урядъ генер. писаря онъ былъ назначенъ Самойловичемъ; при Самойловичѣ Кочубей, повидимому, былъ только „реентомъ“ гетманской канцеляріи (на доносѣ 7 іюля 1687 г. подпись Кочубея значится безъ обозначенія чина, но генер. писаремъ въ это время былъ Прокоповичъ), а генер. писаремъ онъ назначенъ на „радѣ“ 24 іюля, когда чины были розданы Голицынымъ *по соглашенію съ Мазепою.* Отсюда видно, что Мазепа самъ выбралъ Кочубея на писарство, а онъ его не могъ не знать, находясь такъ давно вмѣстѣ на службѣ у Самойловича. „Кочубей не принадлежалъ къ лучшимъ генер. писарямъ Малороссіи“, говоритъ г. Уманецъ. Однакожъ, пробыть 13 лѣтъ генер. писаремъ при Мазепѣ—чтó нибудь да значило. Несомнѣнно, что Мазепа цѣнилъ Кочубея, какъ усерднаго работника и безличнаго человѣка, а на такихъ мѣстахъ, какое занималъ Кочубей, безличіе есть достоинство, въ глазахъ патроновъ, такіе секретари, какъ Кочубей, не критикуютъ ихъ дѣйствій и охотно имъ льстятъ... Разбирая доносъ Кочубея на Мазепу, г. Уманецъ говоритъ, что доносъ „обработанъ плохо въ литературномъ и практическомъ отношеніи“. „Самъ Кочубей, написалъ бы лучше (примѣръ—его „прекрасное“ письмо къ митрополиту Варлааму). Читая доносъ, кажется, что стоящая за нимъ жена настойчиво подсказываетъ: пиши царю вотъ о чемъ... этого не забудь... Почтенный судья слу-

[1]) Всѣ эти богатства потомъ были переданы Войнаровскому, какъ видно изъ тѣхъ же шведскихъ свѣдѣній.

шаетъ жену... Условія тогдашней жизни создали небывалую самостоятельность женщины... на каждомъ шагу встрѣчаются сильные женскіе характеры и факты, указывающіе на ихъ общественное значеніе *)". Такимъ сильнымъ характеромъ обладала и жена Кочубея. Она то и „замѣтила въ душѣ дочери нѣчто болѣе обыкновеннаго расположенія къ крестному отцу". Въ тоже время Мазепа полюбилъ свою крестницу и „просилъ ее руки". „Кромѣ неравенства лѣтъ, бракъ этотъ претилъ Кочубеямъ, потому что между женихомъ и невѣстой было духовное родство... Мазепѣ отказали... Невѣста упорствовала и ночью—ушла въ гетманскій дворецъ... *Въ замкѣ гетмана Матрена Кочубей была самое короткое время. Это фактъ чрезвычайно важный* и его надо установить прежде всего. Будь иначе, оставайся она здѣсь, напр., день или недѣлю, враги гетмана, желавшіе сдѣлать его во что бы то ни стало отвѣтственнымъ, въ своемъ обвиненіи такъ и сказали бы... Все это: бѣгство, набатъ, возвращеніе—*было дѣломъ одного, много—двухъ часовъ*". Затѣмъ подвергая разбору всѣ извѣстные факты изъ отношеній Мазепы къ Кочубеевнѣ, авторъ приходитъ къ заключенію, что „отношеніе Мазепы къ его крестницѣ до конца остается корректнымъ... Давно пора болѣе трезво свотрѣть на эту любовь Мазепы и возвратить ей обыкновенную гражданскую честность." На цѣлыхъ десяти страницахъ (стр. 329—348) г. Уманецъ старается доказать „корректность" отношеній Мазепы къ Кочубеевнѣ и невозможность подозрѣнія въ соблазнѣ. Но всѣ доводы автора о „корректности" этихъ отношеній, на нашъ взглядъ,

*) Приведены примѣры, причемъ прежде всего указываются „ворожки"; указывается мать Мазепы, заслужившая, по преданію, названіе „чаровницы". Другіе примѣры столь-же *неясные* и *темные* (напр. о разсылкѣ женою полковн. Солонины „универсаловъ", ср. Соловьевъ, III, 420). Относительно Анны Хмельницкой и Өедосьи „Палѣевой" въ исторіи сохранилось по *одному* факту, указывающему на ихъ „общественное значеніе". Дневникъ Як. Марковича и Н. Ханенка заключаютъ въ себѣ подробное описаніе общественнаго быта Малороссіи почти за весь XVIII-й вѣкъ, но женщинъ съ общественнымъ значеніемъ тутъ вовсе не видится. Изъ историческихъ памятниковъ XVII и XVIII вв. (преимущественно изъ „тестаментовъ") можно сдѣлать одно заключеніе о тогдашней малорусской женщинѣ, что въ семьѣ она занимала почетное положеніе, какъ *домоправительница*.

не убѣдительны. Откуда, напр., авторъ беретъ свое заключеніе, что бѣгство Кочубеевны изъ отцовскаго дома къ Мазепѣ, набатъ и возвращеніе—все это продолжалось *не болѣе двухъ часовъ*?—Вѣдь источникъ для исторіи этого бѣгства одинъ—письмо Кочубея къ Петру В.—„Нощи же единыя, яко волкъ овцу огради, тако онъ (Мазепа) *дщерь мою похити тайно*"—говоритъ Кочубей и далѣе прибавляетъ: не зная что дѣлать, онъ приказалъ „ударить въ колоколъ", „да всякъ видитъ бѣдство мое!" И стало въ домѣ Кочубея „рыданіе *о похищеніи и сокрушеніи дщере*".—„Увидавъ же (Мазепа) каковъ въ дому моемъ содѣяся плачъ и рыданіе, и вопль многъ... возврати мнѣ дщерь" при посредствѣ Анненкова, который при этомъ сказалъ такъ: не токмо дщерь вашу силенъ есть гетманъ взяти, но и жену отняти отъ тебе можетъ *)... Хотя это письмо Кочубей писалъ черезъ три года слишкомъ послѣ событія, но онъ его описываетъ только въ главныхъ чертахъ, которыхъ, какъ отецъ, никогда не могъ забыть... Не смотря на краткость описанія, передъ нами рисуется цѣлая семейная драма... Для ея поясненія нужно представить нѣкоторыя топографическія свѣдѣнія. Извѣстно, что Мазепа жилъ не въ самомъ Батуринѣ, а верстахъ въ двухъ отъ его центра, въ предмѣстьи Гончаровкѣ, гдѣ дворецъ его помѣщался среди особаго „городка", существующаго и теперь **). А Кочубей жилъ въ самомъ Батуринѣ, въ своемъ домѣ, который, будучи пощаженъ при истребленіи Батурина Меншиковымъ, существуетъ (конечно въ измѣненномъ видѣ) и теперь. Около этого дома находилась домовая церковь Кочубея, о которой говоритъ монахъ Никаноръ („ходили они къ заутрени въ церковь, что у ево Васильева двора"). Вотъ изъ этого отцовскаго двора и бѣжала „единыя нощи" Кочубеевна. Повидимому, родители сразу догадались, что бѣжала она къ Мазепѣ, на Гончаровку. Какъ видно, бѣгство это не скрылось и отъ сосѣдей, такъ какъ отецъ и мать въ ужасъ пришли

*) Источн., Бант.-Кам., II, 127.

**) См. Опис. Стар. Малор., II, 260.

отъ того позора, который долженъ былъ слѣдовать за этимъ бѣгствомъ... И чтоже дѣлаютъ обезумѣвшіе отъ горя родители?— Броситься въ Гончаровку, какъ видно, представлялось имъ безполезнымъ: разъ гетманъ согласился принять бѣжавшую къ нему дѣвушку, въ рукѣ которой ему отказано, конечно нельзя было разсчитывать, чтобы Кочубеевъ пустили да еще ночью въ гетманскій дворецъ... И вотъ Кочубей (а вѣрнѣе—Кочубеи) рѣшается на крайнее средство: онъ велитъ „ударить въ колоколъ, да всякъ видитъ бѣдство его“. Что же это значило?—Это значило, что Кочубей приказалъ тогда же ночью, ударить на своей колокольнѣ набатъ („на гвалтъ“), какъ это дѣлалось въ моментъ какого нибудь бѣдствія, напр., въ пожаръ, когда гудѣвшій звонъ сзывалъ людей на помощь. Извѣстно то впечатлѣніе, которое производитъ ночью въ деревнѣ набатный звонъ во время пожара... Такое же впечатлѣніе произвелъ конечно и раздавшійся съ Кочубеевой церкви ночной набатъ... Сбѣжался народъ, и Кочубеи ему объявили о своемъ „бѣдствѣ“... Очень можетъ быть, что это средство придумано было не отцомъ, а матерью, энергическою Кочубеихою, потому что средство было настолько сильное, что не могло остаться безъ послѣдствій. Раздавшійся въ Батуринѣ набатъ не могъ не быть услышанъ и въ Гончаровкѣ... А Мазепѣ, конечно, донесли, что „звонъ на гвалтъ“ призываетъ людей не на пожаръ, а на помощь противъ ужаснаго насилія его, гетмана, принявшаго въ свой дворецъ бѣжавшую отъ родителей дѣвушку, неравнодушіе къ которой его, гетмана, для батуринцевъ тайною не было. Что же оставалось дѣлать Мазепѣ?—Если онъ не обратилъ бы особаго вниманія на ужасъ семьи Кочубеевъ, то не могъ онъ не беречь своего гетманскаго достоинства... Гудѣвшій въ Батуринѣ колоколъ вызывалъ его на судъ народный, и Мазепа это хорошо понималъ!—Такъ или иначе, а приходилось дочь вернуть семьѣ... Отвѣчая на всенародную жалобу Кочубееву, Мазепа и вернулъ ихъ дочь. Несмотря, однакожъ на общую тревогу, „прощаніе старого съ молодою“ было, повидимому, очень нѣжное: уходящей былъ данъ перстень діамнтовій („надъ которій найлѣпшого и найдо-

рогшого у Мазепы не было) и было условлено: „хоть сякъ, хоть такъ будетъ, а любовь межъ нами не одмѣнится“. Но понимая, какъ встрѣчена будетъ дома бѣжавшая дочь, Мазепа далъ ей въ проводники царскаго чиновника Анненкова. По своему авторитетному положенію, послѣдній являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и свидѣтелемъ „корректныхъ“ отношеній бѣглянки къ гетману. Участіе въ возвращеніи Кочубеевны Анненкова должно было защитить Мазепу отъ явныхъ нареканій на мѣстѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать извѣстную огласку „случаю“ въ Москвѣ, когда пожаловался бы туда Кочубей.—Такъ мы объясняемъ себѣ фактъ, почему Мазепа выбралъ въ проводники Кочубеевнѣ не кого либо изъ своихъ, а царскаго чиновника... Видно, что этотъ чиновникъ, не смотря на его особое положеніе, былъ очень близокъ къ Мазепѣ. Если вѣрить Кочубею,—а не вѣрить изложенію жалобы скромнаго Кочубея нѣтъ основаній,—то Анненковъ, возвращая дочь отцу, не удержался, чтобы не сдѣлать ему еще и нотаціи за причиненное безпокойство высокому патрону.—„Что, молъ, ты поднялъ такой шумъ изъ-за того, что дочь твоя ушла?—Вѣдь ушла то она къ гетману, который и самъ бы могъ ее взять да не только, что дочь, а и жену твою можетъ у тебя отнять!“ Могъ, разсердившись, царскій чиновникъ такъ пригрозить Кочубею, особенно зная его приниженность предъ гетманомъ.

И вотъ бѣжавшая дочь возвращена была подъ кровъ отца. Г. Уманецъ настаиваетъ, что въ отсутствіи она пробыла „не болѣе двухъ часовъ“, почему и слѣдуетъ де полагать, что „корректность“ отношеній была соблюдена... А намъ кажется, что тутъ важно не количество часовъ, проведенныхъ Кочубеевною въ гетманскомъ дворцѣ, а тайный ея уходъ ночью къ Мазепѣ, который не задолго передъ тѣмъ ее сваталъ и—публичное ея затѣмъ возвращеніе, ночью же, подъ охраною царскаго чиновника... Вся обстановка этого случая должна была сразу помрачить дѣвичью честь Кочубеевны въ тогдашнемъ общественномъ мнѣніи, у котораго вслѣдъ за тѣмъ явилось полное основаніе шушукать, что *Кочубеевна «ночевала» у гетмана...* Это шу-

шуканье тѣмъ больше клало пятно на честь дѣвушки, что Мазета и въ старости слылъ среди батуринцевъ—ловеласомъ *).

Изъ писемъ Мазепы къ Кочубеевнѣ („по силѣ выраженія, ихъ можно сравнить, говоритъ г. Уманецъ, только съ любовными письмами Пушкина") видно, что Кочубеевна была недовольна за отсылку ея изъ гетманскаго дворца къ отцу. Мазепа оправдывается, что ничего добраго не вышло бы, если бъ она осталась у него („мусѣли-би-смо изъ собою жити такъ якъ малженство кажетъ"), но тѣмъ не менѣе романъ свой Мазепа продолжаетъ: проситъ свиданія, напоминая объ обѣщаніяхъ любить.. Г. Уманецъ полагаетъ, что съ возвращеніемъ бѣглянки въ отчій домъ, ея любовь кончилась. „Горячія письма, подарки, мольбы о свиданіи и подсылки чрезъ прислугу получаютъ надоѣдливый и нѣсколько пошлый характеръ"... Бываетъ и такъ, какъ думаетъ г. Уманецъ, но бываетъ и иначе. Мазепа пишетъ къ Кочубеевнѣ: „уже ты меня изсушила краснымъ своимъ личкомъ и *своими обѣтницами...* Прошу *не откладай своей обѣтници...*" Повидимому, „обѣтницы" не исполняются потому, что дома ее „мучили и катовали". Далѣе въ письмахъ читаемъ: „чого по мнѣ потребуешъ, скажи все сій дѣвцѣ", „коли они, проклятіи твои, тебе цураются, иди въ монастырь". „Тяжко зафрасовалемся почувши, же тая катувка (мать) не перестаетъ в. м. мучити, яко и вчора тое учинила". Какъ видно, сначала сношенія дѣятельно поддерживаются *съ обѣихъ* сторонъ. Но затѣмъ дѣйствительно у Кочубеевны является какъ будто сомнѣніе въ дальнѣйшей судьбѣ романа.—„Вижу, же в. м. во всемъ одмѣнилася своею любовію прежнію ку минѣ," пишетъ ей гетманъ.—„Бодай того Богъ зъ душею розлучивъ, хто насъ розлучаетъ".—„Впередъ смерти на-себе сподѣвався, нѣжъ такой въ сердцу вашомъ одмѣни. Спомни тилко на свои слова... же мене, *хочъ будешъ за мною, хочъ не будешъ*, до смерти любити обѣцала." Эти напоминанія Мазепы указываютъ, что то чувство, которое несомнѣнно было у Кочубеевны, стало мерк-

---

*) Опис. Стар. Малороссіи, II, 248.

нуть... „Убійственное сомнѣніе запало въ душу"; „уязвлено самолюбіе; разсѣялась иллюзія; парализовано чувство"... Такъ говоритъ г. Уманецъ, и очень вѣроятно, что разочарованіе это поразило Мазепу до того, что онъ замѣтивъ въ дѣвушкѣ угасаніе чувства, совсѣмъ потерялъ голову и сталъ обольщать ее деньгами... Кочубей разсказываетъ, что гетманъ, приславъ ему 4 декабря 1704 г., изъ Бахмача (здѣсь у Мазепы былъ загородный хуторъ—Поросючка) свѣжей рыбы, поручилъ тому же посланцу Демьяну повидаться съ его дочерью,—и выпросить у нея свиданіе съ Мазепою, обѣщая 3000 червонцевъ... А когда дѣвушка отвѣчала молчаніемъ, то Мазепа, вернувшись въ тотъ же день изъ Поросючки въ Батуринъ, снова прислалъ къ Кочубеевнѣ Демьяна, обѣщаетъ уже не 3 т., а 10 т. червонцевъ *). „абы только такъ учинила"... Полагать слѣдуетъ, что Мазепа настаиваетъ на свиданіи. А когда Кочубеевна „отговоровалася," то посланецъ именемъ „пана" проситъ у дѣвушки локонъ ея волосъ... Черезъ два дня, въ день св. Николая, Мазепа снова шлетъ посланца, умоляя о свиданіи и добавляя, что гдѣ-то въ оградѣ Кочубеевой усадьбы „проломана дирка", „до которой дирки абы конечне вечеромъ пришла для якогось разговору"... „Частократне" присылалъ Мазепа къ своей возлюбленной, при чемъ просилъ то „сорочку еи *зъ тѣла*, то намисто *зъ шіи*..." И посылала ему это намисто бѣдная дѣвушка, по словамъ Кочубея.

Эти частыя посылки гетманскихъ слугъ къ Кочубеевнѣ, какъ видно, ни для кого уже не оставались тайною, потому что по словамъ Кочубея, „крайнія ему учинились обелга (оскорбленіе) и поруганіе, и *смертельное безчестіе*". Видимо, что,

---

*) Г. Уманецъ полагаетъ, что такая значительная сумма предлагалась въ видѣ „вѣна", т. е. того обезпеченія, которое по литовск. статуту, полагается отъ мужа для обезпеченія жены, причемъ и Мазепа обѣщалъ де такую сумму Кочубеевнѣ на случай ея вдовства послѣ брака съ нимъ... Намъ кажется, что Кочубеевна не могла обладать такимъ практицизмомъ, чтобы съ нею можно было говорить о „вѣнѣ" (о немъ говорятъ съ родителями)... Скорѣе можно предполагать, что Мазепа предлагалъ дѣвушкѣ большую сумму денегъ просто какъ „деньги", съ которыми жить на свѣтѣ легче, чѣмъ безъ нихъ...

„слава“ дѣвушки окончательно помрачалась, а настойчивое продолженіе романа со стороты гетмана все большимъ и бóльшимъ гнетомъ ложилось на сердца отца и матери. Не смотря на свою скромность, Кочубей рѣшается писать Мазепѣ, что нѣтъ болѣе у него силъ имѣть какіе бы то ни было сношенія съ гетманомъ... „Омрачися очей моихъ свѣтъ, обишолъ ми мерзеный студъ, не могу право зрѣти на лица людскія и передъ власными близкими и домовниками моими *окриваетъ мя горкій срамъ и поношеніе*“. Сохранился и отвѣтъ Мазепы на этотъ горькій вопль отца о поруганной „славѣ“ дочери, въ которой онъ видѣлъ „будущую свою утѣху“. Гетманъ отвѣчаетъ, что не на него, гетмана, слѣдуетъ жаловаться, а не жену Кочубееву. „Она то, а не кто иншій печали твоей, пишетъ Мазепа, причиною...“ И затѣмъ, разумѣя бѣгство Матрены изъ отцовскаго дома, сравниваетъ ее съ св. Варварой, убѣгавшей отъ отца своего Діоскора... „А що взменкуешъ въ томъ же своемъ пашквилномъ писмѣ о якомсь *блудѣ, того я не знаю и не розумѣю* *)“.

Вотъ тотъ матеріалъ, которымъ располагаетъ исторія для суда надъ Мазепою за его романъ съ дѣвушкой, близкой ему и по отношеніямъ къ ея отцу, и по „духу“, какъ своею крестницей. „Все дѣло, ясное само по себѣ, въ устахъ молвы и поэтовъ получило такой видъ, какъ будто Мазепа соблазнилъ свою крестницу,“ говоритъ г. Уманецъ и пытается доказать, что если Мазепа предлагалъ Кочубеевнѣ 10 тыс. червонцевъ, то тутъ вовсе нѣтъ вопроса о „соблазнѣ“—„Искать мимолетной любви въ то время, когда дѣвушка отказала въ рукѣ!“—восклицаетъ г. Уманецъ и прибавляетъ, что предложеніе денегъ черезъ Демьяна говоритъ не о соблазнѣ, а о легкомысліи Мазепы.“ И далѣе г. Уманецъ продолжаетъ настаивать на „легальныхъ отношеніяхъ Мазепы къ невѣстѣ.“ Сохранилось показа-

*) Эта фраза можетъ указывать, что Мазепа отвѣчаетъ не на предыдущее письмо Кочубея, въ которомъ нѣтъ рѣчи „о блудѣ“, но можетъ быть, что укоръ за блудъ—Мазепа самъ подразумѣвалъ въ словахъ Кочубея „о горькомъ срамѣ и поношеніи“.

ніе монаха Никанора о томъ, что ему говорили Кочубеи, мужъ и жена, о „соблазнѣ“ („гетманъ ихъ дочь, зазвавъ къ себѣ въ гости, изнасиловалъ блудомъ“), но г. Уманецъ этому показанію не даетъ вѣры и заключаетъ свое изслѣдованіе романа съ Кочубеевной словами, что давно пора болѣе трезво смотрѣть на эту любовь Мазепы и возвратить ей обыкновенную гражданскую честность,“ тѣмъ болѣе, что „бывшая его невѣста вышла замужъ за Чуйкевича“ (стр. 346).

Намъ же представляется эта „любовь Мазепы“—послѣ всего разсказаннаго—совсѣмъ въ иномъ свѣтѣ. Какъ увлекъ Мазепа дочь своего стараго помощника—не знаемъ, но несомнѣнно, что онъ будучи 65-тилѣтнимъ (по крайней мѣрѣ) старикомъ, увлекъ эту дѣвушку. Увлекъ, можетъ быть, обѣщаніемъ брака, можетъ быть блескомъ общественнаго своего положенія, или своею стариковскою красотою—этого мы не знаемъ, но увлекъ онъ ее до того, что когда мысль о бракѣ оказалась неосуществимою, то дѣвушка бѣжала къ нему, укрываясь отъ надзора ночнымъ временемъ. Мазепа не образумилъ дѣвушки, *а оставилъ ее у себя...* Только родительское горе могло изобрѣсти такое чрезвычайное и своеобразное средство, какъ ночной набатъ, чтобы вырвать изъ рукъ Мазепы эту дѣвушку... Сколько часовъ пробыла въ домѣ у гетмана эта дѣвушка—это вопросъ не важный, такъ какъ толпа, на глазахъ которой произошелъ этотъ случай, объ этомъ количествѣ часовъ не справлялась, но видѣла, что дочь генер. судьи бѣжитъ ночью къ отвергнутому но желанному жениху и *остается у него* до тѣхъ поръ, пока набатъ, т. е. сила внѣшняя, принудилъ Мазепу отослать дѣвушку домой. Самый набатъ уже показывалъ, какъ Кочубеи смотрѣли на бѣгство своей дочери и чего боялись... Это не было бѣгство дочери хотя бы отъ злой матери къ крестному отцу, а это было бѣгство влюбленной дѣвушки къ своему возлюбленному и въ тоже время властелину страны... „Да не подумаетъ читатель, говоритъ г. Уманецъ, что Мазепа принадлежитъ къ числу людей, созданныхъ для мелкихъ эротическихъ похожденій. Такое заключеніе было бы нѣсколько

поспѣшнымъ“ (стр. 357). А батуринцы, живя годы вблизи гетмана, говорили между собою, что Мазепа не чуждъ былъ именно „мелкихъ эротическихъ похожденій“ *). Если всѣ эти обстоятельства взять вмѣстѣ, то намъ станетъ вполнѣ понятенъ ужасъ Кочубеевъ, когда они узнали о бѣгствѣ дочери. Ужасъ явился отъ мысли о связанномъ съ бѣгствомъ поруганіи чести дочери-дѣвушки... Возвращенная затѣмъ къ отцу дочь уже лишилась въ глазахъ толпы того ореола дѣвичьей чистоты, который принадлежалъ ей наканунѣ, при чемъ толпа не справлялась—была-ли дѣвушка «соблазнена». *Возможность* соблазна была налицо... „Гражданскую честность“ Мазепа, впрочемъ, могъ еще сохранить, объяснивъ бѣгство къ нему дѣвушки порывомъ натерпѣвшейся отъ материнскихъ укоровъ дочери... Но Мазепа—эгоистъ. Стариковская страсть превозмогаетъ надъ „гражданской честностью“: начинается пересылка писемъ, посылка „Мелашекъ“ и „Демьянковъ“, требованіе отъ дѣвушки присылки ея сорочекъ съ тѣла, коралловъ съ шеи, волосъ... При приглашеніяхъ на свиданіе, дѣлается предупрежденіе, что мѣстомъ свиданія назначается нарочно сдѣланная для того дыра въ оградѣ Кочубеевой усадьбы. Слѣдовательно и послѣ возвращенія Кочубеевны, Мазепа продолжаетъ съ ней сношенія и объ этихъ сношеніяхъ, конечно, знаетъ весь Батуринъ, а съ нимъ и вся Украина... **). Однимъ словомъ, 65-ти лѣтній Мазепа сдѣлалъ все, чтобы окончательно *обезславить* несчастную дѣвушку, и—должно быть,—изъ-за однихъ лишь „эротическихъ“ побужденій. Обезславленная дѣвушка должна была погибнуть и—погибла. О замужествѣ ея—не могло быть и рѣчи. Г. Уманецъ повторяетъ разсказъ о выходѣ Матрены К—ны замужъ за Семена Чуйкевича, но послѣдній былъ женатъ на Катеринѣ Кочубей, какъ самъ онъ говоритъ въ оффиціальной бумагѣ (Оп. Стар. Малор., II, 32), слѣдовательно

*) См. примѣч. на стр. 162.

**) Нужно имѣть въ виду, что хотя Мазепа къ Кочубеевнѣ *писалъ* письма, но отвѣты ея должны были быть *устные*, н. ч. Кочубеевна писать не умѣла, какъ не умѣли писать и всѣ лѣвобережныя малороссіянки, до полов. XVIII в. за весьма рѣдкими, *быть можетъ*, исключеніями.

этотъ фактъ къ „вороху преданій“ не имѣетъ отношенія. Къ преданію слѣдуетъ обратиться, разыскивая, что сталось затѣмъ съ несчастной дѣвушкой. Мѣстное, полтавское преданіе говоритъ, что Матрена К—на кончила жизнь въ Пушкаровскомъ монастырѣ (недалеко отъ Полтавы), и это преданіе наиболѣе вѣроятное *). О ея замужествѣ *нигдѣ указаній нѣтъ.* Да и кто-бы ее взялъ въ тогдашней Малороссіи съ ея поруганною «славою». Матрена Кочубеевна погибла, какъ жертва эгоизма и легкомыслія Мазепы... Мы нарочно такъ подробно разсказали всѣ сохранившіеся факты изъ „поздней любви“, чтобы на сколько можно выяснить то положеніе, которое при этомъ занималъ Мазепа.—

Думается, что безпристрастный судья, выслушавъ точный разсказъ о романѣ Мазепы съ Кочубеевною, ничего въ немъ не найдетъ кромѣ эгоизма и легкомыслія со стороны этого самаго Мазепы.

Ал. Лазаревскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

*) Объ этомъ преданіи см. Записки о Полтавск. губ., Н. Арандаренка, Ш, 85.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Изъ прошлаго полтавской епархіи. *(Бытовыя картинки).* Лѣтъ пять тому назадъ, по счастливой случайности, намъ удалось пріобрѣсти нѣсколько «указныхъ книгъ», хранившихся до того въ одной изъ церквей нынѣшней Полтавской епархіи. Книги эти обнимаютъ собою періодъ времени съ 1724 по 1759 годъ. Въ нихъ вписаны указы, какъ высочайшіе, присылавшіеся въ Кіевскую и Переяславскую дикастерія, такъ и указы современныхъ Кіевскихъ и Переяславскихъ архіереевъ. При разсмотрѣніи этихъ книгъ, оказалось, что онѣ заключаютъ въ себѣ богатый историческій матеріалъ для характеристики церковной жизни нѣкоторой части нынѣшней Полтавской епархіи въ прошломъ столѣтіи. Но на ряду съ указами чисто церковнаго характера и относящимися къ епархіальному управленію, въ этихъ «указныхъ книгахъ» нашли мы и нѣсколько указовъ, заключающихъ въ себѣ довольно цѣнныя указанія на своеобразныя бытовыя черты малороссовъ въ прошломъ столѣтіи. Съ такими особенностями, чисто бытоваго характера, мы и считаемъ не безъинтереснымъ познакомить читателей.

I. Отпѣваніе безъ покойниковъ. Въ 1784 г., 17 мая, изъ Переяславской духовной консисторіи въ Хорольское духовное правленіе послѣдовалъ указъ такого содержанія.

«Въ Духовной Консисторіи слушали дѣло, представленное Духовнымъ Золотоношской протопопіи Правленіемъ, о отправленіи тоя протопопіи села Богушковой-Слободки священникомъ Василіемъ Канѣветскимъ и діакономъ тамошнимъ Тимоѳеемъ Черняховскимъ, съ просьбы значкового товарища Ивана Сухенка и козака Михаила Хо-

руженка въ церкви своей приходской, покрывъ одни токмо пустые мары обыкновеннымъ для умершихъ сукномъ, похорона за умершихъ въ Новороссійской губерніи отъ заразительной болѣзни онаго Сухенка человѣка и Хоруженка сыновей. Понеже самъ священникъ Василій Канѣветскій не потаился, что за бывшихъ въ отлучкѣ съ домовъ и тамъ умершихъ—Сухенковаго свойственнина и Хоруженкового сына, отправлялъ въ церкви своей надъ пустыми, однимъ погребальнымъ сукномъ покрытыми марами, похоронъ, во всемъ по чиноположенію требника, токмо разрѣшительной молитвы не читалъ, по окончаніи же похорона допустилъ бывшій народъ и къ сукну прикладываться, примѣрно, какъ къ умершему тѣлу за долгъ христіанскій прикладываются, съ тѣмъ, наконецъ, признаніемъ, *что онъ сіе отважился учинить потому*, яко-де съ бывшими его половинными Богушковскими священниками Василіемъ Черняховскимъ и Павломъ Навроцкимъ, кои уже померли, доводилось ему не единажды таковое погребеніе пѣть. Всѣ же обряды, къ долгу священника относящіеся, положены въ книгѣ требникѣ, съ точнымъ узаконеніемъ, какимъ что порядкомъ въ благопотребное и нужное время дѣйствовать; но чтобъ погребеніе, надъ тѣломъ мертвеца пѣваемое, во мѣсто того надъ пустыми, по вышеписанному, марами дозволено въ какое ни есть время отправлять, сего вовсе не значится, и когда въ требникѣ, кой святѣйшимъ Правительствующимъ Синодомъ аппробованъ, во всѣхъ его чиноположеніяхъ таковаго дозволенія не имѣется, по самопроизвольному чьему-либо поступку въ томъ подражать всячески не должно, паче же собственной своей выдумкѣ, какова отъ упомянутыхъ Богушковскихъ священниковъ произошла и священникъ Василій слѣпо оной подражалъ, выступая съ порядка церковныхъ уставовъ и народъ соблазняя; а діаконъ Тимоѳей Черняховскій, хотя въ допросѣ своемъ потаился, яко-бы на такомъ похоронѣ не былъ, а пришелъ уже наконецъ онаго, и будто, сумняся о дѣйствіи священника, спрашивалъ онаго: можно-ли надъ пустыми марами пѣть похоронъ? но такъ какъ причетники, при томъ бывшіе, два дьячка и пономарь, показали, что дѣйствительно на всемъ похоронѣ онъ былъ и совмѣстно съ священникомъ отправлялъ, по отправленіи же и покрывало, одному ему надлежащее, получилъ, съ чего всего явствуетъ, что оба безъ дольшаго разсудка и осторожности такую въ церкви неприличную и предосудительную церемонію совершали, почему оба являются виновными и подлежатъ неминуемому наказанію; для того

приговорили и преосвященнымъ господиномъ Иларіономъ, епископомъ Переяславскимъ и Бориспольскимъ, архипастыремъ нашимъ, конфѣрмовано: священника Василія Канѣвецкаго и діакона Черняховскаго, суще подъ интересомъ корыстолюбія своего, похоронъ надъ пустыми марами, съ обманомъ простаго народа, отправлявшихъ, оштрафовать денежнымъ штрафомъ,—съ священника 20, а съ діакона 5 рублей взять на консисторію (и взяты), обязавъ обоихъ строжайшими подписками, впредь того не дѣлать, но во всѣхъ по долгу ихъ обрядахъ наблюдать чиноположеній церковныхъ. Во отвращеніе же таковыхъ и подобныхъ симъ могущихъ быть непорядочествъ, предложить во всѣ духовныя Правленія указами, съ предписаніемъ неослабное въ томъ имѣть за священствомъ наблюденіе. 1784 года, мая 17 дня. Ректоръ, Игуменъ Варлаамъ. Экономъ, іеромонахъ Аполоній. Протоіерей Іоаннъ Савѣнскій».

Сообщилъ Ив. П—чъ Ян—скій.

Аэролиты, упавшіе въ Овруцкомъ и Васильковскомъ уѣздахъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Около ста лѣтъ назадъ польскій натуралистъ Кароль Кортумъ составилъ изслѣдованіе объ аэролитахъ, напечатанное въ періодическомъ изданіи того времени: Nowy Pamiętnik Warszawski, dziennik historyczny, polityczny, tudzież nauk i umiejętności, t. XVIII, rok 1805. Описавъ всѣ извѣстные ему аэролиты, хранившіеся въ западно-европейскихъ музеяхъ, Кортумъ хотѣлъ собрать какія-нибудь свѣдѣнія объ аэролитахъ, падавшихъ въ Польшѣ. Такихъ свѣдѣній ему не удалось отыскать; но его ученый «коллега» Тадеушъ Чацкій прислалъ ему слѣдующія сообщенія о двухъ украинскихъ аэролитахъ, которыя въ подлинникѣ и приведены въ названномъ изданіи.

«Мнѣ извѣстны (писалъ Чацкій) два случая паденія аэролитовъ на Украинѣ: одинъ въ с. *Олешковцахъ*, въ двухъ миляхъ отъ Овруча, а другой въ с. Блощинцахъ, близъ Бѣлой-Церкви. Зимой 1770-го года въ Олешковцахъ упала жидкая масса, которая по прошествіи нѣкотораго времени окаменѣла. Лица, ее видѣвшія, утверждаютъ, что камень былъ мелко-зернистый и совершенно походилъ на камень,

упавшій подъ Бѣлой-Церковью. Одна часть этого камня была отправлена въ Житомиръ, въ катедру (католическую) и тамъ погибла безслѣдно, а другая осталась при костелѣ въ с. Веледникахъ (Овручскаго уѣзда), но впослѣдствіи, при перестройкѣ костела, тоже куда-то затерялась. Всѣ старанія мои отыскать хотя бы ничтожный обломокъ этого камня остались безуспѣшными: нерадивость и небреженіе допустили исчезнуть этому интересному памятнику. Спрошенные при дознаніи лица показали, что простолюдины имѣли обыкновеніе обмывать этотъ камень въ водѣ и затѣмъ пили эту воду, какъ лѣкарство противъ лихорадки. Обыватели и давніе владѣльцы Веледникъ сообщили то же самое».

«Въ 1797 году, 8-го января, въ с. Блощинцахъ, въ разстояніи одной мили отъ Бѣлой-Церкви, во время сильнаго мороза упала изъ облака (z chmury) близъ экономическихъ построекъ каменистая масса, вѣсомъ до полупуда. Въ сосѣдней деревнѣ было замѣчено, что въ тотъ самый моментъ что-то сверкнуло въ томъ облакѣ. Имѣла-ли упавшая масса сѣрный или иной запахъ—нельзя было добыть свѣдѣній; говорятъ только, что въ снѣгу она явственно издавала шипѣніе, такъ что мѣстный управитель, священникъ и другіе присутствовавшіе опасались приблизиться къ ней. Одинъ изъ крестьянъ, осмѣлившійся подойти къ ней, нашелъ ее сильно раскаленной, дымящейся и такой мягкой, что ударомъ лома (drąga) онъ легко раздробилъ ее на два большихъ и множество малыхъ кусковъ. Прибывшіе затѣмъ русскіе чиновники, собравъ подробныя свѣдѣнія, подъ присягой, отъ разныхъ лицъ, видѣвшихъ этотъ камень или что либо о немъ слышавшихъ, записали все это въ протоколъ и отправили его, вмѣстѣ съ кускомъ аэролита, въ Петербургъ».

Одинъ изъ кусочковъ этого аэролита былъ доставленъ Кортуму, и въ дальнѣйшей части цитируемой статьи приводятся результаты произведеннаго надъ нимъ химическаго изслѣдованія.

О. Л.

Отношеніе роменцевъ къ ремесленному образованію 90 лѣтъ тому назадъ. 14 ноября 1807 года Малороссійскій ген.-губернаторъ кн. Куракинъ прислалъ роменской городской думѣ предложеніе—оповѣстить «подвѣдомыхъ ей гражданъ»: не пожелаетъ ли кто-нибудь отдать мальчиковъ 10—12 лѣтъ въ черниговское ремесленное училище «для обученія по сродности которому-либо изъ ремеслъ—слѣсарному, столярному, серебренному, рѣзному и сапожничьему»? Думѣ предписывалось «употребить особенное внушеніе» гражданамъ, что это послужитъ не только къ ихъ собственной и общественной пользѣ, но и «къ славѣ и отличію цѣлаго города».

По повѣсткамъ думы, собрались роменцы 28 декабря на совѣщаніе. Съ первыхъ же моментовъ совѣщанія обнаружилось абсолютно отрицательное отношеніе къ предложенію ген.-губернатора. По просьбѣ собравшихся, думской писарь слѣдующимъ образомъ редактировалъ отказъ «гражданъ»: «изъявили на семъ несогласіе наше отдавать малчиковъ въ оное училище по причинѣ отдаленности отъ Ромна губернскаго города Чернигова, въ которомъ оное училище существуетъ, и не мало потребной издержки на содержаніе тѣхъ малчиковъ, дондеже обучатся прописанныхъ ремеслъ, а согласны по прежнему на мѣстѣ, въ своемъ городѣ, по вольности, всѣхъ тѣхъ ремеслъ малчиковъ, по сродности ихъ и по возможности всякаго хозяена, обучать, въ чемъ на семъ и подписались».

Должно быть главный мотивъ отказа роменцевъ «не мало потребная издержка на содержаніе тѣхъ малчиковъ»—повторялся въ большинствѣ отзывовъ ремесленнаго люда Малороссійскихъ городовъ, такъ какъ въ слѣдующемъ году черниговскій приказъ обществ. призрѣнія, въ вѣдѣніи котораго было ремесленное училище, чрезъ полтавское губернское правленіе разослалъ думамъ разъясненіе, что «буди согласны они отдать имѣющихся у нихъ мальчиковъ въ черниговское ремесленное училище, то содержаніе тѣхъ мальчиковъ будетъ зависить не отъ нихъ, а отъ казны».

Опять роменская дума разослала 3 іюля 1808 г. повѣстки «подвѣдомымъ ей гражданамъ», но отвѣтъ опять получился отрицательный: «изъявляемъ нынѣ на семъ, такъ какъ и до сего изъявляли, наше желаніе, что мы имѣющихся у насъ мальчиковъ отдавать въ Черниговское ремесленное училище не желаемъ; *а имѣемъ здѣсь по волности и возможности нашей таковыхъ малчиковъ, по сродности ихъ, ремесламъ обучать, въ чемъ на семъ и подписались*».

Прошло 5 лѣтъ. Черниговское ремесленное училище не могло видно похвалиться многолюдствомъ, ибо Полтав. губ. правленіе опять разсылаетъ думамъ предписанія по тому же дѣлу. На этотъ разъ оно старается выставить предложеніе возможно заманчивѣе. Пусть—десказать дума объяснитъ гражданамъ, пишетъ оно 7 іюля 1813 года, «къ лучшему въ семъ разѣ успѣху», что «мальчики тѣ сверхъ того, что приняты будутъ на весь казенный щетъ, и безъ малѣйшаго за наученіе ихъ платежа, но по истеченіи шести лѣтъ, бывъ изучены ремесла, паки обратятся въ домы свои, и послѣдніе три года пребыванія въ училищѣ должны участвовать въ половинѣ выработываемыхъ ими прибыльныхъ денегъ, кои при выпускѣ ихъ составя капиталъ, дадутъ способъ не только основать каждому свое мастерство, но и обратить ихъ въ собственную и общественную пользу».

Опять собрались роменцы въ думу 25 августа 1813 года. Но и на этотъ разъ дѣло не подвинулось; роменцевъ не соблазнила даже открывавшаяся ихъ дѣтямъ перспектива—«изъ прибыльныхъ денегъ составить при выпускѣ капиталъ» для основанія «каждому своего мастерства». Отвѣтъ все-таки данъ былъ прежній: «изъявили на семъ несогласіе наше, такъ какъ и до сего изъявляли прошлого 1807 года декабря 28 числа въ заключенномъ письменномъ приговорѣ, по причинѣ, въ ономъ изъясненной, *а имѣемъ здѣсь по волности и по возможности нашей таковыхъ малчиковъ, по сродности ихъ, ремесламъ обучать, въ чемъ и подписались*».

Черезъ годъ послѣ этого, 22 сентабря 1814 года, въ четвертый разъ пишетъ о томъ же роменской думѣ мѣстный полиційместеръ Рѣдкинъ (по приказанію губ. правленія), прибавляя, что если и на этотъ разъ не окажется желающихъ, то чтобъ дума указала для отправки въ училище сиротъ изъ мѣщанъ. На этотъ разъ призывъ остался вовсе безъ отвѣта.

Изъ указовъ губ. правленія видно, что въ ремесленное училище приглашались дѣти не только мѣщанъ, но и козаковъ и казенныхъ обществъ,—какъ въ городахъ, такъ и по волостямъ. Не смотря на такую обширную сферу дѣйствія начальственныхъ предписаній, почему то роменскіе мѣщане безуспѣшно бомбардируются предложеніями на счетъ «малчиковъ» въ теченіе семи лѣтъ. Должно быть этотъ непобѣдимый скептицизмъ къ ремесленному училищу присущъ былъ не однимъ роменцамъ.

(Изъ архива ромен. гор. думы, по описи № «дѣла» 351, 1807—1814 гг.).

Сообщ. Ѳ. Н.

Кресты гетмана Сагайдачнаго. Въ статейкѣ подъ названіемъ «Реликвіи перваго кадетскаго корпуса», напечатанной въ № 41 Русск. Инвал. за 1898 г., при перечисленіи этихъ «реликвій», между прочимъ названы: 1) *Два креста литаго серебра, поднесенные гетману Петру Конашевичу-Сагайдачному* и 2) *Евангеліе* (*Евангеліонъ*), *напечатанное въ Львовѣ 1644 г.* Относительно послѣдняго авторъ статейки г. Ал. С. говоритъ: «Здѣсь нельзя не указать, что 1644 г былъ годомъ рожденія гетмана Мазепы. На первыхъ страницахъ Евангелія, внизу, написаны слова, смыслъ которыхъ тотъ, что «завладѣвшій этимъ Евангеліемъ будетъ преданъ анафемѣ». Предсказаніе это сбылось: Мазепа, по занятіи имъ Батурина (имѣніе кн. Вишневецкаго), овладѣлъ этимъ Евангеліемъ, принадлежавшимъ кн. Вишневецкому».

При чтеніи этой замѣтки рождаются два вопроса: 1) изъ чего видно, что указанные кресты были поднесены Сагайдачному, а затѣмъ—кѣмъ поднесены и когда, и откуда кресты эти поступили въ церковь кадетскаго корпуса? 2) Откуда взято свѣдѣніе о рожденіи Мазепы въ 1644 г.?—Личное ли это свѣдѣніе автора, одинаковаго характера, какъ и свѣдѣніе его о томъ, что Мазепа завоевалъ Батуринъ, принадлежавшій де передъ тѣмъ Вишневецкому, или же указанный годъ рожденія Мазепы значится на имѣющейся въ Евангеліи надписи?

Интересно было бы получить отвѣты на эти вопросы отъ любителей южнорусской старины, находящихся въ Петербургѣ.

А. Л.

Поминки по Шевченку въ Петербургѣ. День 26-го февраля помнится здѣсь весьма многими. Для старожиловъ Петербурга, особенно знавшихъ Шевченка, естественно помнить день своего поэта; но особенно отрадно почитаніе его памяти людьми молодыми, располагающими весьма малымъ свободнымъ временемъ отъ занятій, всецѣло ихъ поглощающихъ.

Панихида, какъ и всегда, была въ Казанскомъ соборѣ. Сѣверный притворъ и вся средняя часть помѣстительнѣйшаго храма была полна молящимися самыхъ разнообразнѣйшихъ возрастовъ, состояній.

Того-же дня въ Сѣверной гостиницѣ былъ обѣдъ человѣкъ на 60. Собравшіеся представляли собою цвѣтъ мысли, науки...

Тутъ стало извѣстнымъ, что 11-го марта будетъ вечеръ въ память Шевченка. Для этого выбранъ залъ Павловой, вмѣщающій около 600 человѣкъ. Давно замѣчено, что желающихъ бывать на этихъ вечерахъ чрезвычайно много. Нѣкоторымъ изъ распорядителей предлагавшимъ помѣщеніе Дворянскаго Собранія, какъ болѣе помѣстительное, пришлось много огорчаться: продажа билетовъ начата была 8 марта, а 9-го ихъ уже не было. Надо принять во вниманіе, что билеты выдавались только именные, людямъ знакомымъ, кто изъ послѣднихъ передавалъ билетъ другому, то былъ для него поручителемъ. Многимъ, заблаговременно не запасшимся билетами, пришлось помѣститься за кулисами. Въ проходахъ, подъ стѣнами зала, расположилась молодежь, стоя. Публика по состоянію, одеждѣ представляла большое разнообразіе; многіе были въ національныхъ костюмахъ. Изъ почетныхъ гостей мы замѣтили гг. Герарда, Пыпина, Калмыкова, Немировича-Данченко...

Въ окнахъ зала размѣщены были рисунки Шевченка, какъ его собственные, такъ и другихъ художниковъ на сюжетъ изъ Кобзаря. На эстрадѣ, слѣва отъ зрителей, въ лѣсу тропическихъ растеній утопалъ бюстъ Шевченка; бюстъ бѣлый—выглядывалъ изъ глубины зеленой ниши, какъ ангелъ чистоты, какъ свѣтъ истины, надежды.

Программы вечера не было; въ общемъ онъ имѣлъ характеръ семейнаго малороссійскаго собранія.

Въ 8 час. вечера Д. Л. Мордовецъ открылъ собраніе длинной рѣчью на малороссійскомъ языкѣ.

Послѣ пѣнія смѣшаннаго хора г. Лесевичъ прочиталъ нѣсколько стихотвореній Шевченка. Выразительность чтенія, интонація исполнителя, почтенная личность его самого производили необычайное впечатлѣніе на слушателей. Въ оваціяхъ участвовали безусловно всѣ и старые, и малые, мужчины и женщины.

Затѣмъ пѣли соло изъ произведеній Шевченка, музыка Лысенка, артисты императорскихъ театровъ — пѣвицы Селюкъ, Забѣла и Варзеръ, Шаляпинъ, Ждановъ, Морской. Послѣдній исполненіемъ «Думы мои, думы мои» приводилъ публику въ экстазъ. Другихъ артистовъ надолго прерывали аплодисментами *среди исполненія*.

Музыкальную часть закончилъ хоръ классическимъ произведеніемъ Нищинскаго — «Закувала та сыва зозуля».

Въ промежуткѣ показана была въ *живой картинѣ* сцена изъ Гайдамакъ: Оксана въ монастырѣ разговариваетъ съ *черныцею*, а въ заключеніе такая-же картина изъ «Невольника»: Ярына узнаетъ слѣпого Степана. Рисунки къ живымъ картинамъ въ натуральную величину на полотнѣ исполнены въ мастерской Рѣпина. Картины довершили иллюзію совершавшагося.

Литературно-вокальная часть закончилась около часу ночи; залъ приготовили для танцевъ. Послѣдніе, въ началѣ общіе, смѣнились скоро гопакомъ и метелыцею. Однако, многіе были крайне не довольны ими, какъ несоотвѣтствующими характеру *вечера*.

За ужиномъ, заказывавшимся каждымъ въ отдѣльности, по желанію, говорились рѣчи, и между прочими С. Н. Кулябка развивалъ ту мысль, что малороссы, при всемъ столь великомъ прошломъ своей интеллигенціи, не вселяютъ своимъ дѣтямъ любви къ родному языку, въ противоположность тому, что замѣчается у всѣхъ народовъ, а особенно у южныхъ славянъ. Д-ръ Г.

Крашанки въ старину. Въ «Очеркахъ Малорос. Фамилій» А. М. Лазаревскаго (Русск. Архивъ 1875 г., книга 1-я, стр. 444), въ разсказѣ о ссорѣ Осипа Гамалѣи съ свящ. Кантаровскимъ, приводятся, между прочимъ, слѣдующія слова Гамалѣи: «а на воскресенскихъ праздникахъ—яйцами вареными рядки били и тѣ жъ рядки вмѣстѣ ѣли». Въ примѣчаніи къ этимъ словамъ Гамалѣи приводится такое объясненіе Кантаровскаго: «на воскресенскихъ праздникахъ рядковъ съ нимъ не билъ, а билъ яйца красныя». Авторъ «Очерковъ» тутъ дѣлаетъ замѣчаніе: «Битье *рядковъ яицъ*, вѣроятно, составлялъ какой нибудь обычай, о которомъ теперь мы ничего не знаемъ».

Можетъ быть авторъ въ послѣдствіи, или кто другой, выяснилъ дѣло объ этихъ *рядкахъ*; во всякомъ случаѣ, не считаю, на всякій случай, лишнимъ сообщить о томъ, какъ въ Зарожскихъ палести-

нахъ *), во время моего дѣтства (въ 20-хъ и 30-хъ годахъ) *бавились* на *Велыкдень* (главнымъ образомъ, на первый день) яйцами.

Яйца на Велыкдень являлись въ обиходѣ: *крашанкѝ* (окрашенныя въ *кйрку*—красныя, въ *бразолію*—темно-синія съ особымъ оттѣнкомъ и въ *жовтвйло*—желтыя); наиболѣе было красныхъ, потомъ бразолійныхъ и наименѣе всего желтыхъ. Крашанки не всегда варились очень *круто*, а *бѣлыя*, очень круто сваренныя, всегда. Бавились въ яйца двоякимъ образомъ: 1) *навбйтки* (и теперь еще не вышедшими изъ употребленія) исключительно крашенными яйцами, а по преимуществу красными, и 2) *въ котючки* (теперь мало уже въ употребленіи) крашанками (но круто сваренными) и бѣлыми (отъ продолжительной игры яйца становятся мягкими, какъ мячики). На гладкомъ мѣстѣ, напр., на протоптанной тропѣ, одинъ ставитъ свое яйцо, а другой, съ извѣстнаго разстоянія, быстро покатитъ свое, и если задѣнетъ яйцо противника—беретъ послѣднее себѣ, а не то свое проигралъ... Если рядки Кантаровскаго тоже, что и котючки, то при Кантаровскомъ рядкѣ была что-то въ родѣ *кóна*; но въ котючкахъ я *кóна* не помню: кажется, въ котючкѣ всегда играли одинъ на одинъ.

М. Номисъ.

Легенды, относящіяся къ берегамъ Буга около Винницы.

Обогнувъ Винницу, Бугъ течетъ къ югу; потомъ, послѣ того какъ онъ принялъ въ себя маленькую рѣчку Вишню, онъ поворачиваетъ на югъ, пока не встрѣтитъ горъ около мѣстечка Сабарова, которыя поэтому тамъ на мѣстѣ и называются Сабаровскими; тутъ рѣка снова поворачиваетъ и дѣлаетъ большую излучину, которая поразительно красива. Горы круто спускаются къ рѣкѣ, составляя мѣстами почти отвѣсную стѣну изъ гранита, красная поверхность котораго покрыта зеленью кустарника и плюща; скалы опускаются въ воду прямо, не оставляя никакого откоса. Въ одномъ мѣстѣ такая скала очень странно опустилась въ воду: она не спускается въ нее непосредственно, а упирается въ другую, которая торчитъ изъ воды и поддерживаетъ ее. Кажется, что она катилась съ горы и, докатывавшись до берега,

*) Говорится о хуторѣ Зарожскомъ, лубенск. уѣзда, мѣстѣ рожденія автора сей замѣтки. *Ред.*

почему то остановилась. Можетъ быть, въ какое то стародавнее время оно такъ и было, что она упала съ горы. Много разъ, катаясь на челнокѣ, я любовался ея красивымъ и страннымъ положеніемъ. Однажды, когда я проходилъ по берегу въ этомъ мѣстѣ и обходилъ по тропинкѣ эту скалу сзади, со мной шелъ старикъ крестьянинъ изъ села Тютьки, направлявшійся домой. На мое замѣчаніе, какъ камень чудно лежитъ, онъ мнѣ разсказалъ преданіе, которымъ объясняется присутствіе этого камня въ данномъ мѣстѣ.

«Это было давно, говорилъ онъ, когда еще только люди стали селиться въ Сабаровѣ; они стали строить церковь. Вотъ, какъ только черти увидѣли это, они захотѣли имъ помѣшать и рѣшили скатить съ горы эту скалу, перебросить ее на тотъ берегъ и завалить ею церковь. Вотъ стали они катить, докатили до берега, а тутъ пѣтухи закричали, надо было въ пекло возвращаться, такъ они эту скалу и бросили, и съ тѣхъ поръ она тутъ и лежитъ».

Это не единственное преданіе, связанное съ берегами Буга подъ Винницей. Ближе къ городу, на правомъ берегу, немного ниже такъ называемой «скалы», на хуторѣ принадлежавшемъ прежде Гродецкому, а теперь принадлежащемъ Дювре, недалеко отъ воды выступаетъ изъ-подъ земли большая скала, представляющая площадь около двухъ саженей квадратныхъ; на этой скалѣ видны два углубленія, имѣющія сходство со слѣдами лошадиныхъ копытъ: какъ будто лошадь сильно уперлась задними ногами; немного далѣе видны двѣ ямки, какъ будто отъ какого нибудь остраго орудія, воткнутаго въ камень, а еще немного дальше на камнѣ видѣнъ странный потекъ, очень похожій на слѣдъ чего-то пролитаго. По поводу этого камня, какъ утверждаетъ одинъ изъ старожиловъ Винницы, г. Постоловскій, существовала такая легенда. Въ то время, какъ люди начинали тутъ селиться, ихъ очень обижали вѣдьмы тѣмъ, что выдаивали ихъ коровъ; Георгій Побѣдоносецъ рѣшился заступиться за людей; однажды онъ погнался за одной вѣдьмой, которая несла горшокъ молока; она пустилась бѣжать отъ него съ горы; но когда сбѣжала съ нея на этотъ камень, то упала. Георгій Побѣдоносецъ поразилъ ее своимъ копьемъ, которое вонзилось въ камень, молоко разлилось и оставило слѣдъ на камнѣ, тутъ же видны и слѣды копытъ коня св. Георгія. Самъ я не слыхалъ ни отъ кого этого преданія; объясняю это тѣмъ, что люди, живущіе по близости, въ сущности недавно поселились тутъ; но самый камень я нашелъ по

описанію, прочитанному мною въ книжечкѣ г. Постоловскаго, въ которой онъ описываетъ свое дѣтство и свои воспоминанія о Винницѣ. Онъ передаетъ этотъ разсказъ, какъ ходячее преданіе, которое ему приходилось слышать въ дѣтствѣ.

Г. Аѳанасьевъ.

Кіевъ, 25 февр. 1898 г.

Находки римскихъ монетъ. «Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ крестьянами селъ Келеберды и Лѣпляваго, Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, на лѣвомъ берегу Днѣпра сдѣлана находка римскихъ монетъ. Монеты довольно хорошей сохранности и относятся къ временамъ императора Марка Аврелія, т. е. ко II столѣтію по Р. Х. Одна изъ нихъ имѣетъ на лицевой сторонѣ изображеніе головы императора въ лавровомъ вѣнкѣ; вокругъ находится такая надпись: M. Antoninus Arm. (enicus) Parth. (icus). На оборотной сторонѣ находится изображеніе богини, а вокругъ стоитъ надпись: IMP IIII COS III TR P XX. Возлѣ мѣстечка Лѣпляваго найдены двѣ монеты, изъ которыхъ одна императора Антонина Пія, а другая—Марка Аврелія. На лицевой сторонѣ первой, вокругъ изображенія головы императора, находится надпись: Divus Antoninus, т. е. божественный Антонинъ; а на оборотной—изображеніе четырехъ-ярусмаго, постепенно съуживающагося кверху, на подобіе пирамиды, костра, на которомъ было сожжено тѣло императора. Вокругъ надпись CONSECKRATIO. Это—погребальный динарій, выбитый по случаю похоронъ Антонина Пія. На другой монетѣ, вокругъ выпуклаго изображенія головы Марка Аврелія (лицо въ бородѣ), находится слѣдующая надпись: Imp. M. Aurel. Antoninus Aug. На оборотной сторонѣ—изображеніе стоящей женщины, обращенной лицемъ налѣво и держащей въ рукѣ рогъ изобилія, а вокругъ монеты надпись: PROVID Deor. R. T. P. XVI COS III. Въ 1894 г. въ с. Ковтунахъ, Золотоношскаго уѣзда, найдено 104 римскихъ серебряныхъ монеты временъ Траяна, Комода и Септимія Севера. Недавно возлѣ мѣстечка Прохоровки, того же уѣзда, было найдено нѣсколько римскихъ серебряныхъ монетъ, изъ которыхъ одна временъ Антонина Пія и вполнѣ

тождественна, какъ по надписи, такъ и по изображенію лица императора, съ описаннымъ выше погребальнымъ динаріемъ, а другая— Септимія Севера, голова котораго изображена въ вѣнкѣ; вокругъ монеты надпись: Imp. CAEL, Sep. Sev. PART. AVG. На оборотной сторонѣ монеты находится изображеніе знамени между двухъ значковъ и вокругъ надпись: M. A. C.; внизу—TR. P. COS. Въ м. Семиполкахъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губ., найдена платиновая монета Элія Вера. Въ м. Б. Круполѣ, Переяславскаго уѣзда, Полтавской губ., на старомъ городищѣ, на валахъ была вырыта изъ земли серебряная римская монета Марка Аврелія. Наконецъ, въ Роменскомъ уѣздѣ, Полт. губерніи, у с. Медвѣжьяго найдено значительное количество римскихъ серебряныхъ монетъ. Кромѣ того въ селѣ Волковцахъ, Роменскаго уѣзда, недавно отысканъ кладъ, состоявшій изъ 250 золотыхъ и серебряныхъ римскихъ монетъ, но къ какому времени онѣ относятся, рѣшить пока трудно». (Полтавск. Губ. Вѣд. 1898 г., № 57).

Городецкій музей Волынской губерніи. На дняхъ отпечатана въ Варшавѣ книжка подъ такимъ заглавіемъ: *Отчетъ Городецкаго музея Волынской губерніи барона Ф. Р. Штейнгеля, за первый годъ съ 25 ноября 1896 г. по 25 ноября 1897 г. Составилъ Н. Бѣляшевскій.* (60 стр. и «рисунокъ—внутренній видъ части Городецкаго музея»). Извлекаемъ изъ этой любопытной книжки, а также и изъ статьи, напечатанной 11 марта въ газетѣ «Волынь» (1898 г., № 68) слѣдующія свѣдѣнія.

Городецкій музей Волынской губ. барона Ф. Р. Штейнгеля помѣщается въ с. Городкѣ, ровенскаго уѣзда. Въ ноябрѣ 1896 года, баронъ Ф. Штейнгель началъ приводить въ исполненіе давно задуманный имъ планъ учрежденія областнаго музея волынской губерніи, т. е. такого учрежденія, въ которомъ были-бы собраны разнообразные матеріалы, касающіеся Волыни, такъ или иначе характеризующіе различныя стороны жизни края. Для общаго руководства этимъ учрежденіемъ барономъ Штейнгелемъ приглашенъ молодой археологъ Н. Ф. Бѣляшевскій, уже извѣстный въ литературѣ нѣкоторыми своими работами.

«При детальномъ обсужденіи программы музея, говорится въ первомъ отчетѣ музея, было рѣшено поставить ее возможно шире, что откроетъ большій просторъ для дѣятельности; вести дѣло не торопясь, но вести систематически, обращая главное вниманіе на то, что можетъ служить для общей характеристики края, исключая все, что является случайнымъ, что носитъ названіе «раритетовъ» и чѣмъ зачастую бываютъ заполнены частныя и общественныя собранія. Районъ, который охватываетъ музей,—теперешняя волынская губернія. Хотя границы губерніи и не соотвѣтствуютъ границамъ древней Волынской земли, но въ виду того, что расширеніе этихъ рамокъ завело бы слишкомъ далеко, рѣшено ограничиться территоріей волынской губерніи, и такъ достаточно обширной».

Городецкій музей имѣетъ слѣдующіе отдѣлы:

Естественный, географическій, антропологическій, археологическій и этнографическій. Кромѣ того, есть еще отдѣлъ—библіотека музея, которая раздѣляется на три части: рукописи, старопечатныя книги и книги позднѣйшаго времени.

Въ коллекціи музея помѣщаются только такіе предметы, происхожденіе которыхъ точно извѣстно. Что касается внѣшняго порядка, принятаго въ музеѣ, то для записи предметовъ заведенъ «инвентарь», для записи расходовъ—расходная книга, и, кромѣ того, заведена «лѣтопись Городецкаго музея», куда заносятся замѣтки о дѣятельности музея и мнѣнія по различнымъ вопросамъ лицъ, принимающихъ участіе въ устройствѣ музея или посѣщающихъ его.

Подводя итогъ дѣятельности музея за минувшій годъ, отчетъ отмѣчаетъ то обстоятельство, что успѣхъ дѣла зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того, что въ немъ приняли живое участіе нѣкоторыя лица, сочувствующія дѣлу. Такъ, при посредствѣ В. А. Мошкова, для этнографическаго отдѣла было получено много разнообразныхъ предметовъ, касающихся народнаго быта; имъ же было снято для музея болѣе сотни фотографій, записывались народныя произведенія, составлялись замѣтки о различныхъ мѣстностяхъ и т. п. А. А. Матвѣевъ, совершая поѣздки по Волыни, снабдилъ музей массой очень цѣнныхъ фотографій съ различныхъ памятниковъ старины. Благодаря помощи С. П. Яремича, для музея было пріобрѣтено много книгъ, брошюръ, фотографій. Кромѣ того, многія другія лица содѣйствовали развитію музея, жертвуя различные предметы и книги, помогая совѣтами и

указаніями. Всего въ теченіи отчетнаго года въ музей поступило 950 номеровъ, которые по отдѣламъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ географическомъ отдѣлѣ	354 №№
» антропологическомъ	16
» археологическомъ	103
» этнографическомъ	252
» библіотекѣ	179
Предметовъ, не вошедшихъ въ вышеупоименованные отдѣлы	46.

Для пополненія антропологическаго и археологическаго отдѣловъ, въ іюлѣ и августѣ 1897 года, Н. Ф. Бѣляшевскимъ и барономъ Ф. Р. Штейнгелемъ были произведены раскопки кургановъ въ 4-хъ могильникахъ, расположенныхъ въ ровенскомъ уѣздѣ на лѣвомъ берегѣ рѣки Устья. Могильники эти языческіе, славянскіе; время ихъ можно опредѣлить VII—IX вв. по Р. Х.; скелеты, обнаруженные въ курганахъ, разной сохранности, большей частью плохой. Кромѣ того, въ отчетномъ году былъ изслѣдованъ, у с. Большого Олексина, ровенскаго у., склепъ, разрытый раньше, заключавшій въ себѣ, повидимому, социніанское погребеніе (XVI в.) и принадлежащій, по всей вѣроятности, одному изъ Чапличей, прежнихъ владѣльцевъ Шпаново,—находящагося близь склепа. Поступившіе предметы распредѣляются по группамъ слѣдующимъ образомъ: доисторическаго времени—каменнаго вѣка 12 №№, языческаго славянскаго вѣка—28; историческаго времени—13; архитектурныхъ памятниковъ—28 №№, монетъ—28, медаль—1. Предметы доисторическаго времени (каменнаго вѣка) большею частью составляютъ—діоритовые топоры-молоты съ отверстіемъ (шлифован. и безъ слѣдовъ шлифовки). Кремневый топорикъ-клинъ, отбивной и кремневый наконечникъ стрѣлы со стержнемъ для древка и безъ онаго. Изъ предметовъ, относящихся къ языческому славянскому вѣку, большею частью встрѣчаются—глиняныя кубышки разной величины, куски дубовыхъ досокъ отъ гробовъ, желѣзные гвозди и бронзовыя кольца. Всѣ подобнаго рода предметы, имѣющіеся въ Городецкомъ музеѣ, добыты при раскопкѣ кургановъ (могильниковъ) въ ровенскомъ уѣздѣ. Среди предметовъ

историческаго времени имѣется портретъ дѣвушки въ малорусскомъ костюмѣ XVIII вѣка. Портретъ писанъ масляными красками, изображеніе погрудное; длина портрета 41 стм.; ширина 31 стм.; дѣвушка одѣта въ «корсетку», на шеѣ три ряда кораллювъ и дукачъ, голова убрана тремя разноцвѣтными лентами, концы которыхъ спадаютъ на спину. Въ рапортѣ, отъ 31 января 1856 г., владимірскаго земскаго исправника, нашедшаго этотъ портретъ, значится, что по преданіямъ это портретъ Бондаривны, любовницы Потоцкаго, старосты Каневскаго. Особенно богатъ этнографическій отдѣлъ музея. Интересенъ также найденный въ м. Славутѣ: «Вертепъ»—деревянный ящикъ для представленія народной пьесы того-же названія. Предметъ къ представленію народной пьесы «Царь Иродъ». Текстъ и музыка къ «Вертепу», записанные В. А. Мошковымъ. Полная коллекція мѣстной с. Городка крестьянской одежды. Принадлежности мужского крестьянскаго костюма: сымрага, сорочка, ярмулка, кацавейка, бархандва сорочка, кашкетъ, чоботы, постолы, поясъ и т. д. Принадлежности женскаго крестьянскаго костюма: сорочка, сорочка перкалева, сподныця, нагрудныкъ, хвартухъ, каптуръ, тканка (кольцо, на которое навертываются волосы), хустка, намысто, куцань и намитець (головная повязка, почти совсѣмъ вышла изъ употребленія). Имѣется, кромѣ того, много образцовъ вышивокъ и матерій. Кромѣ того, въ музей поступили также различныя произведенія народной словесности; эти послѣднія распредѣлены по сборникамъ историко-географическихъ матеріаловъ, а также вошли частью въ отдѣленіе рукописей.

Въ отчетномъ году въ библіотеку музея поступило: рукописей 5, книгъ, брошюръ и періодическихъ изданій—168, афишъ и объявленій 6 №№. Болѣе замѣчательныя рукописи: Записная книга процессовъ церкви въ с. Караевичахъ, ровенскаго у., съ 1779 по 1795 г., на польскомъ языкѣ. 2) Бумаги Я. Я. Волошинскаго; главное содержаніе бумагъ—дневники раскопокъ, произведенныхъ покойнымъ ученымъ въ 50-хъ годахъ въ кіев. губ.; но есть также среди бумагъ тетрадь, заключающая различныя преданія, записанныя въ овручскомъ уѣздѣ въ концѣ 40-хъ годовъ однимъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ. 3) Пѣсни, записанныя В. А. Мошковымъ въ 1891 г. отъ солдатъ варшавскаго гарнизона, уроженцевъ волынской губерніи; пѣсни съ мотивами.

Книги въ музеѣ есть по естествовѣдѣнію, географіи (топографія, статистика, путешествія, этнографія), исторіи (исторія, археологія, біографія), обществовѣдѣнію и народному образованію.

Кромѣ, того имѣются справочныя книги, программы, афиши и объявленія.

Нельзя не пожелать учрежденію барона Ф. Р. Штейнгеля полнаго преуспѣянія, а также нельзя не указать на это учрежденіе многимъ и многимъ городамъ Юго-Западнаго края, въ которыхъ о мѣстныхъ музеяхъ нѣтъ и рѣчи... А между тѣмъ находимые тутъ предметы мѣстной старины, тщательно собираемые различными «агентами», систематически вывозятся заграницу и навсегда гибнутъ для нашего края...

А. Л.

Карта Подольской епархіи. Подольскою духовною консисторіею издана карта Подольской епархіи. Отпечатана она въ типолитографіи С. Кульженка въ Кіевѣ; масштабъ—въ одномъ англійскомъ дюймѣ 10 верстъ. На картѣ нанесены всѣ поселенія губерніи съ особымъ обозначеніемъ городовъ, мѣстечекъ и селъ, имѣющихъ церковь и причтъ, селъ съ церковью, но безъ причта (приписныхъ), и деревень (безъ церкви и причта). Кромѣ того, цвѣтными линіями подъ названіями поселеній отмѣчены церковно-приходскія школы и школы грамоты, а также министерскія народныя училища; обозначены также особыми знаками мѣстоположенія православныхъ монастырей и католическихъ костеловъ. Составлена карта учителемъ Каменецкаго духовнаго училища С. Беднаровскимъ.

Отъ Императорскаго Казанскаго Университета. Къ столѣтнему юбилею, наступающему въ 1904 г., совѣтъ Казанскаго Университета постановилъ выпустить въ свѣтъ исторію Университета и біографическій словарь его профессоровъ и преподавателей, и въ видахъ

достиженія возможной полноты изданій, обращается ко всѣмъ учрежденіямъ и лицамъ, которыя располагаютъ соотвѣтствующими матеріалами, съ покорнѣйшей просьбой не отказать въ заблаговременной доставкѣ таковыхъ въ Казанскій Университетъ на имя г. Ректора. Все доставленное будетъ принято Университетомъ съ глубокой благодарностью и сохранено въ цѣлости до востребованія.

Библіографія.

Записки наукового товариства імени Шевченка. *Виходять у Львові під редакциею Михайла Грушевського. Томы: XVIII (1897, кн. IV. Стр. 192), XIX (1897, кн. V. Стр. 194), XX (1897, кн. VI. Стр. 194) и XXI (1898, кн. I. Стр. 184* [1]).

Въ настоящемъ году исполнится 25 лѣтъ существованія львовскаго общества имени Шевченка (съ 1893 г.—научнаго общ. того-же имени). Въ прежнихъ отчетахъ «Кіев. Стар». указаны были главныя цѣли, преслѣдуемыя этимъ симпатичнымъ и полезнымъ учрежденіемъ: создать средоточіе научной работы на родномъ языкѣ, объединить научныя силы на пользу родной литературы въ широкомъ смыслѣ слова и такимъ путемъ дать толчекъ дальнѣйшему возрожденію и укрѣпленію этой литературы сообразно съ потребностями и идеальными запросами обширнаго народа, чтобы поставить его въ рядъ съ другими культурными національностями Европы. Ближайшею практическою задачею общества было основаніе во Львовѣ академіи наукъ.

Въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ общество съ неутомимой и заслуживающей удивленія энергіей продолжало свою полезную дѣятельность, несмотря на различныя затрудненія и обычный недостатокъ матеріальныхъ средствъ. Въ Галичинѣ общество Шевченка не имѣетъ прочной опоры въ народной высшей школѣ; матеріальныя условія галицко-русской интеллигенціи таковы, что научная работа на родномъ языкѣ является актомъ патріотическаго самопожертвованія, какъ то признаютъ и сами галичане (т. XXI, записка для

[1]) Обзоръ содержанія прежнихъ 17 тт. „Записокъ“ въ „Кіев. Стар.“ 1895 г., №№ 11 и 12; 1896 г., 2, 5 и 10 и 1897 г., 1, 5, 7—8.

загального збору 1898 р.); условія для созвучной научной работы въ одноплеменной южной Россіи слишкомъ хорошо извѣстны, чтобы на нихъ останавливаться здѣсь. Такимъ образомъ, общество Шевченка, не имѣя серьезной научной поддержки и съ этой стороны, должно было сосредоточить свои пока немногочисленныя силы почти исключительно на почвѣ галицкихъ отношеній. Между тѣмъ тяжелая національная борьба въ предѣлахъ Галичины требуетъ много силъ, отвлекая ихъ отъ научной работы. Въ концѣ 1896 г., въ виду текущихъ политическихъ интересовъ, общество Шевченка пережило тяжелый кризисъ и самое существованіе его было поставлено на карту, но общество вышло изъ этого кризиса съ честью, доказавъ жизненность свой идеи и необходимость продолженія своей дѣятельности для развитія народнаго самосознанія и обезпеченія народу лучшей будущности.

Научная работа общества въ 1896 и 1897 г.г. развивалась безостановочно. Въ секціяхъ общества было 26 засѣданій въ 1896 г. и 25 въ 1897 г. Число референтовъ дошло до 44, рефератовъ—до 89. Явились новыя научныя силы и самостоятельнныя научныя работы, обязанныя своимъ происхожденіемъ той же объединяющей и организующей дѣятельности общества Шевченка. По мѣрѣ возможности, общество оказывало матеріальную помощь молодымъ работникамъ на полѣ науки путемъ стипендій, субсидій для поѣздокъ съ ученою цѣлью и т. п. Заботами общества учреждена библіотека по всѣмъ отраслямъ наукъ, служащая могущественнымъ подспорьемъ для мѣстныхъ работниковъ. По мѣрѣ увеличенія круга послѣднихъ «Записки» общества стали нынѣ выходить регулярно шесть разъ въ годъ, при чемъ для юридическихъ наукъ издается особо «Часопись правнича», для естественныхъ — «Збірник математично — природописно—лікарськоі [секциі» (вышли двѣ книги). Редакція «Записокъ» предполагаетъ ввести въ своемъ изданіи особый отдѣлъ научной хроники, которая должна держать читателей въ курсѣ современной науки, особенно по отношенію къ Украинѣ. Секція филологическая издала въ текущемъ году первый томъ своего «Сборника». Археографическая коммиссія выпустила томъ памятниковъ украинскаго языка и литературы (ветхозавѣтные апокрифы подъ редакціей д-ра Франка, 29 печ. листовъ), второй томъ источниковъ для исторіи Украины—Руси (люстраціи перемышльскія и саноцкія, ред. проф. М. Грушевскаго, 23 печ. листа), печатается четвертый томъ источниковъ (акты

временъ Хмельниччины), подготовляется изданіе дальнѣйшихъ люстрацій и сборника драматической литературы 17 и 18 столѣтій. Начатый въ 1895 г. этнографическій сборникъ вышелъ уже въ двухъ томахъ (26 печ. листовъ), третій томъ долженъ появится на дняхъ (матеріалы, собранные В. Гнатюкомъ въ Угорской Руси). Собрано много этнографическаго матеріала для дальнѣйшихъ изданій; для разработки этихъ матеріаловъ являются молодыя силы благодаря научному импульсу общества. Изданіе общества «Руська історична бібліотека» продолжалось—вышли 18 и 19 томы (19 печ. листовъ—окончаніе перевода «Мазепы» Костомарова, В. Б. Антоновича о послѣднихъ временахъ козачества на правомъ берегу Днѣпра и пр. Въ XX томѣ будетъ помѣщенъ переводъ монографіи Я. Н. Шультина о коліивщинѣ). Принадлежащій обществу литературно-научный журналъ «Зоря» преобразованъ въ «Литературно-науковый Вістник», выходящій въ 12 книгахъ по 12 печ. листовъ.—Общество Шевченка поддерживаетъ правильный обмѣнъ изданіями съ 50 учеными учрежденіями въ другихъ странахъ, особенно въ Россіи и Чехіи.

Уже изъ этихъ главныхъ данныхъ можно видѣть, что общество Шевченка во Львовѣ встрѣчаетъ свой первый юбилейный годъ въ полномъ разгарѣ дѣятельности на пользу родного языка и литературы и съ чувствомъ нравственнаго удовлетворенія можетъ оглянуться на пройденный нелегкій путь, не унывая предъ трудностями еще предстоящими. Милостивъ Богъ! Въ планы природы, очевидно, не входитъ погибель живыхъ народныхъ организмовъ, способныхъ къ самостоятельному и оригинальному развитію.

Въ «Запискахъ», издаваемыхъ подъ редакціей профессора львовскаго университета М. Грушевскаго, продолжаютъ печататься менѣе обширные по объему труды членовъ общества Шевченка, не вошедшіе въ составъ перечисленныхъ выше сборниковъ и спеціальныхъ изданій. Отмѣчу прежде всего статьи самого редактора въ настоящихъ четырехъ томахъ. Въ «Описи перемышльскаго староста 1494—7 г.г.» (т. XIX, 1—24) авторъ сообщаетъ съ объясненіями два неизвѣстныхъ еще документа изъ архива варшавской казенной палаты. Акты эти интересны по богатству данныхъ о податяхъ и панщинахъ мѣщанъ и крестьянъ въ концѣ 15 вѣка и представляютъ цѣнный вкладъ для характеристики разницы экономическихъ порядковъ въ селахъ на русскомъ и нѣмецкомъ правѣ. Изъ того же архива почерпнутъ авторомъ

актъ 1456 г. о выкупѣ Каменецкаго староства (т. XX, отд. miscellanea). Въ статьѣ «Галицкое боярство XII—XIII в.» (т. XX, 1—20) г. Грушевскій даетъ живой и интересный очеркъ вопроса, не разъ затронутаго въ нашей исторической литературѣ, но далеко еще не освѣщеннаго со всей той полнотой, какой онъ безспорно заслуживаетъ. Всѣ существенныя данныя по этому вопросу сведены авторомъ въ цѣльную картину, и если чего не достаетъ въ послѣдней, такъ это сравненія галицкаго боярства съ соотвѣтственными общественными слоями и теченіями въ сосѣднихъ западныхъ земляхъ той эпохи. По этому вопросу имѣетъ появиться въ «Запискахъ» спеціальная работа одного изъ сотрудниковъ. Въ XXI томѣ (1—16) г. Грушевскій помѣстилъ отрывокъ изъ подготовленнаго имъ обширнаго труда по исторіи древней Руси, посвященный вопросу объ антахъ. Критически сводя имѣющіяся извѣстія объ этомъ народѣ, авторъ приходитъ къ положительному заключенію, что анты были предками сѣверянъ, уличей и тиверцевъ и такимъ образомъ составляли южную вѣтвь славянства въ предѣлахъ древнѣйшей Руси.—Много мѣста въ своихъ работахъ удѣляетъ г. Грушевскій подробнымъ критическимъ отчетамъ о важнѣйшихъ трудахъ въ области русской исторіи. Не говоря о многочисленныхъ его рецензіяхъ, отмѣчу обстоятельные и цѣнные его отчеты о сочиненіяхъ Самоквасова (Изслѣд. по ист. рус. права), Сергѣевича (Рус. юр. древности), Равиты—Гавронскаго (Госуд.-обществ. строй Руси въ XI и XII в.), Голубовскаго (Смолен. земля), Даниловича (Полоцкая земля) и даже Филевича (яко бы о древней Руси).

Въ томахъ XVIII и XX закончена печатаніемъ обширная и цѣнная монографія д-ра Франка о литературной исторіи духовнаго романа «Варлаамъ и Іоасафъ». Авторъ критически изслѣдуетъ вопросъ объ авторѣ романа, усвоеніе его въ европейскихъ литературахъ, происхожденіе романа въ первоначальной обработкѣ и восточные элементы въ его составѣ и подробно излагаетъ разнообразныя теоріи, предложенныя по этимъ вопросамъ западно-европейскими и русскими учеными. Не подлежитъ сомнѣнію, что работа г. Франка займетъ видное мѣсто въ ряду сравнительно-историческихъ изученій по этому предмету.

Перу г. Стеф. Томашивскаго принадлежитъ обстоятельная и съ большимъ знаніемъ дѣла написанная статья въ XIX томѣ (стр. 1—70). «Податкові ухвали за Казиміра Ягайловича в Польщі». Въ

первой части статьи авторъ излагаетъ податную исторію Польши на протяженіи всего XV в., во второй изслѣдуетъ формы податного обложенія, обложеніе отдѣльныхъ сословій и финансовую технику эпохи. Прекрасная метода работы, хорошее знакомство съ источниками и осторожность выводовъ заставляютъ указать на изслѣдованіе г. Томашивскаго, какъ на явленіе выдающееся въ историко-экономической литературѣ.

Г. Евг. Барвинскій снабдилъ предисловіемъ и напечаталъ in extenso 22 неизданныхъ документа изъ XXIII тома рукописнаго сборника Acta Tomiciana, хранящагося въ музеѣ кн. Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Всѣ эти акты относятся къ малоизвѣстному нападенію козаковъ на турецкій Очаковъ въ 1545 г. и представляютъ не лишенный значенія вкладъ для ранней исторіи козачества и отношеній послѣдняго къ Польшѣ (т. XVIII, 1—32).

Въ XXI томѣ «Записокъ» помѣщена статья г. Ал. Лотоцкаго: «Общественное положеніе бѣлаго духовенства въ Украйнѣ и Россіи въ XVIII в. (стр. 1—46). На основаніи изданныхъ источниковъ и обработокъ, авторъ послѣдовательно разсматриваетъ отношенія къ духовенству русскаго правительства, духовнаго управленія и различныхъ классовъ общества и обрисовываетъ причины и признаки приниженнаго положенія духовнаго сословія въ эту эпоху, выдѣляя при этомъ нѣкоторыя особенности въ отношеніяхъ духовенства къ обществу на Украйнѣ. Статья читается съ живѣйшимъ интересомъ.

Въ приложеніи къ XXI тому напечатана прекрасно составленная сводка г. Вяч. Будзиновскаго оффиціальныхъ данныхъ объ урожаяхъ въ Галичинѣ и Буковинѣ въ 1896 и 1897 гг. (стр. 1—36).

Во всѣхъ 4-хъ томахъ «Записокъ» помѣщенъ рядъ небольшихъ статей и замѣтокъ по разнымъ вопросамъ (гг. Франка, Гнатюка, А. Маркевича, Н. Княжевича, Охримовича, Томашивскаго и др.).

Отдѣлъ библіографіи отличается обычною обстоятельностью и добросовѣстностью отзывовъ, часто очень подробныхъ и цѣнныхъ въ смыслѣ критики. Въ разсматриваемыхъ томахъ даны отчеты и отзывы о 57 періодическихъ изданіяхъ и 118 книгахъ и статьяхъ, касающихся Галичины и южной Россіи.

Н. М.

Архивъ Государственнаго Совѣта. *Т. IV. Ч. 3. СПБ. 1897.*

Какъ видно изъ помѣщеннаго въ началѣ настоящаго тома «Архива» краткаго предисловія, «вошедшіе» въ составъ его «журналы департамента гражданскихъ и церковныхъ дѣлъ, съ 1810 г. по 1825 г.», описаны въ той-же системѣ, какая была принята въ предшествующей второй части того-же тома [1]. Всѣ журналы сгруппированы по предметамъ и затѣмъ, въ каждомъ отдѣлѣ, помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ, съ необходимыми подъ строкой поясненіями, съ указаніемъ №№ Полн. Собр. Зак., подъ которыми помѣщены упоминаемыя въ журналахъ правительственныя распоряженія. Въ особомъ приложеніи помѣщены указатели: 1) именъ личныхъ, 2) географическій и 3) предметный. Настоящій томъ изданъ подъ прежней редакціей члена археографической комиссіи Г. Ф. Штендмана.

Всѣ матеріалы, отпечатанные въ настоящемъ томѣ «Архива», расгруппированы, подъ общимъ заглавіемъ — «Законы гражданскіе» и частнымъ «О правахъ имущественныхъ», на три отдѣла: а) о духовныхъ завѣщаніяхъ, б) объ учрежденіи фидеикомиссовъ и в) объ наслѣдствѣ по закону. Такъ какъ подобнаго рода актовъ въ архивѣ Государственнаго Совѣта имѣется, по всей вѣроятности, много, то нельзя не пожалѣть, что редакція не поясняетъ, чѣмъ руководствовались составители при выборѣ напечатанныхъ, сравнительной ли ихъ важностью или тѣмъ, что они попались прежде всего подъ руку.

Къ южнорусской территоріи относятся слѣдующіе акты:

1) 8 сентября 1810 г.—По дѣлу о духовномъ завѣщаніи генерала-отъ-инфантеріи Тимоѳея Тутолмина относительно пожалованнаго ему по службѣ имѣнія при м. Рашковѣ и с. Белочѣ Балтскаго уѣзда Подольской губерніи.

2) 16 декабря 1812 г.— По дѣлу подполковника Ивана Васильевича Кондратьева и поручицы Прасковіи Яковлевны Лесевицкой съ женою тайнаго совѣтника Анной Андреевной Комбурлей о недвижимомъ имѣніи въ Слободско-Украинской губерніи.

3) 23 февраля 1814 г.—По дѣлу поручика Дублянскаго съ подпоручицей Васильковской о землѣ, принадлежавшей умершему бригадиру Занковскому.

---

[1]) Кіевская Старина 1897 г., январь.

4) 26 февраля 1814 г.—По дѣлу объ имѣніи, оставшемся послѣ бунчуковаго товарища Осипа Стефановича.

5) 3 ноября 1821 г.—По дѣлу графини Констанціи Дульской и княгини Эмиліи Радзивиллъ о духовномъ завѣщаніи отца ихъ, графа Ворцеля, по которому графъ завѣщалъ с. Юшковцы Кіевской губерніи въ пожизненное пользованіе дѣвицѣ Крушевской, а послѣ ея смерти въ потомственное владѣніе воспитывавшемуся у графа Станиславу Сиротке, «если сей послѣдній», по всеподданнѣйшему прошенію завѣщателя, удостоится получить дворянское достоинство и фамилію фонъ-Теммерштейнъ.

6) 15 ноября 1822 г.—По дѣлу жены коллеж. рег. Медвѣдовской о духовномъ завѣщаніи отставн. прапорщика Ничка на домъ въ г. Харьковѣ.

7) 15 іюня 1825 г.—По дѣлу о раздѣлѣ между губерн. секр. Игнатіемъ и губерн. регистр. Иваномъ Худобріями имѣнія при с. Команѣ Новгородъ-Сѣверскаго уѣзда и при с. Погребкахъ, Кролевецкаго уѣзда

Н. С.

О. Кониський. *Тарас Шевченко-Грушівський. Хроника його життя. Т. І. У Львові, 1898 (Збірник фільольогічної секциї наукового товариства імени Шевченка. Т. І. Ювилейне виданне товариства)*. Стр. 252.

Матеріалы для біографіи знаменитаго малорусскаго поэта значительно увеличились въ послѣднее время. Большею частью они появлялись въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и углѣдить за ними—уже теперь трудъ не легкій. Кромѣ разбросанности данныхъ, изслѣдователь неизбѣжно наталкивается на массу противорѣчій, произвольныхъ или невѣрныхъ догадокъ и просто вымысловъ. Въ этой грудѣ извѣстій самыхъ разнокалиберныхъ и разноцѣнныхъ давно уже необходимо разобраться, чтобы возстановить полный образъ человѣка и поэта. Безъ такой предварительной работы критическое изученіе творчества Шевченка не можетъ быть поставлено на твердую почву и не удовлетворитъ современнымъ научнымъ требованіямъ.

Исполнить этотъ нелегкій трудъ систематической сводки имѣющихся матеріаловъ—такова задача г. Кониского, скромно назвавшаго

свою книгу хроникою жизни поэта. Авторъ располагаетъ свой матеріалъ въ строго хронологическомъ порядкѣ, преслѣдуя главную цѣль—дать читателю возможность ясно судить, что за человѣкъ былъ Ш., какъ относился онъ къ современникамъ, что вліяло на его развитіе и творчество, подъ какими впечатлѣніями онъ писалъ и что влекло къ нему сердца. Исторіи творчества Ш., критическаго изученія его поэзіи авторъ не обѣщаетъ, полагая, что для нея еще не собрано достаточно данныхъ.

Работа г. Кониского первоначально печаталась отдѣльными очерками въ «Запискахъ» львовскаго ученаго общества имени Шевченка (съ 1892 года). При обзорѣ «Записокъ» въ «Кіев. Старинѣ» своевременно указаны были положительныя достоинства этихъ очерковъ и сдѣланы замѣчанія по поводу нѣкоторыхъ неровностей изложенія и спорныхъ пунктовъ. Изданный нынѣ къ 25-лѣтнему юбилею общества первый томъ біографіи обнимаетъ періодъ жизни поэта до ссылки въ Орскъ въ іюнѣ 1847 года. Второй томъ вѣроятно появится въ этомъ же году.

Книга разбита на шесть главъ: дѣтство поэта (1814—19 г.), юношество до выкупа изъ крѣпостнаго состоянія (1829—39 г.), отъ выкупа до перваго изданія «Кобзаря» (1839—40 г.), отъ выхода «Кобзаря» до окончанія академіи художествъ (1840—45 г.), пребываніе поэта на Украйнѣ (1845—47 г.), арестъ (17 апрѣля—23 іюня 1847 г.).

При сравненіи настоящаго тома съ первоначальными очерками г. Кониского въ «Запискахъ» оказывается, что авторъ, не измѣняя общаго плана и метода работы, значительно дополнилъ и частью переработалъ нѣкоторыя главы, въ особенности послѣднюю. Дѣло въ томъ, что за послѣдніе два—три года появились въ печати и поступили въ распоряженіе біографа новые матеріалы, нѣсколько измѣнившіе взглядъ его на тѣ или другія подробности трагической судьбы поэта и полнѣе характеризующіе роль людей, съ которыми Шевченко встрѣчался въ эту пору. Самое изложеніе также переработано, устраненъ по возможности полемическій элементъ, безъ нужды нарушавшій цѣльность впечатлѣнія, разсказу придано больше ровности. Въ результатѣ мы имѣемъ книгу строго продуманную, хорошо написанную и очень цѣнную по обилію сведенныхъ въ ней, какъ извѣстныхъ раньше, такъ, частью, еще неизвѣстныхъ матеріаловъ, критически провѣренныхъ и систематизированныхъ. Какъ видно, неутомимому автору пришлось немало поработать надъ новымъ изданіемъ не только въ

отношеніи стиля и изложенія, но и путемъ собиранія новыхъ литературныхъ указаній и данныхъ, еще неопубликованныхъ, получать отдѣльныя свѣдѣнія посредствомъ частной переписки и усиленныхъ поисковъ. Невольно приходится пожалѣть, что эти добросовѣстные усилія и труды не могутъ обращаться на пользу также и нашей письменности, такъ какъ галицкія изданія по какимъ то непостижимымъ причинамъ недоступны нашей читающей публикѣ.

Книга г. Конискаго написана хорошимъ языкомъ и читается съ неослабѣвающимъ интересомъ, несмотря на суровый критицизмъ автора и стремленіе его внести въ изложеніе даже мельчайшія черты жизни поэта. Это отсутствіе слащавой идеализаціи, ясное разумѣніе реальнаго хода отношеній, хорошее знаніе людей вѣка и обстановки дѣйствія свидѣтельствуютъ объ умственной зрѣлости общества, для котораго книга предназначена. При всемъ увлеченіи своимъ предметомъ, авторъ рѣдко сходитъ съ почвы фактической; среди тысячи подробностей мелкихъ и повидимому второстепенныхъ, онъ не забываетъ своей задачи—дать изображеніе дѣйствительнаго, а не фантастическаго Шевченка. И по мѣрѣ чтенія образъ поэта вырисовывается ярко, во всей присущей ему нравственной красотѣ и оригинальности, въ обстановкѣ убійственно тяжкой и безпросвѣтной. И если малорусскому поэту суждено дождаться полной біографіи и всесторонней научной оцѣнки, то настоящій опытъ г. Конискаго безъ сомнѣнія сослужитъ хорошую службу будущимъ изслѣдователямъ.

Отдавая должное достоинствамъ настоящей книги, не могу не указать на одно утвержденіе автора, на мой взглядъ, недостаточно обоснованное. Какъ извѣстно, гр. Орловъ въ извѣстной своей докладной запискѣ имп. Николаю I заявилъ, что общество кіевскихъ славянистовъ существовало три мѣсяца въ умахъ трехъ ученыхъ мечтателей—Костомарова, Гулака и В. Бѣлозерскаго. Г. Конискій полагаетъ, что гр. Орловъ добросовѣстно ошибался, что въ дѣйствительности общество было широко распространено, обнимало чуть-ли не сотню лицъ. На основаніи данныхъ, приводимыхъ самимъ же авторомъ, можно съ увѣренностью сказать, что въ данномъ случаѣ было лишь покушеніе на образованіе тайнаго панславянскаго общества и что участники послѣдняго понесли кару исключительно за свои идеи, случайно попавшія на бумагу, но не за организованную дѣятельность, предполагаемую обществомъ фактически существующимъ. Можно согласиться съ догадкой автора, что Шевченко зналъ объ этомъ покушеніи и сочувствовалъ его отдаленнымъ

цѣлямъ, насколько послѣднія обнимали реальное интересы его родины (уничтоженіе крѣпостнаго права, развитіе просвѣщенія въ простомъ народѣ), но затѣмъ характеристика покушенія, оффиціально представленная начальникомъ III отдѣленія, должна быть признана фактически вѣрной и вполнѣ соотвѣтствующей общему ходу умственныхъ теченій въ тогдашнемъ Кіевѣ. Что касается до Шевченка, то, мнѣ кажется, не слѣдуетъ въ частности оттѣнять его увлеченія т. наз. славянофальскими идеями: въ жизни его идеи эти не играли никакой дѣятельной роли, отраженіе ихъ въ поэмахъ Шевченка—чисто искусственное, внѣшнее. Отношеніе его къ этимъ идеямъ лучше всего характеризуется извѣстнымъ выраженіемъ поэта: «я ничого не хочу тильно хочу, щобъ люды свого не забувалы».

Въ книгѣ г. Кониснаго помѣщены недурно исполненные портреты Шевченка, Гребенки, А. Лизогуба, Кухаренка, Кулиша, Костомарова, В. Бѣлозерскаго, Н. Гулака, Пильчикова и рисунокъ хаты въ с. Кириловкѣ.

Н. М.

Professor Alexander Barwińskij. *Das Volksleben der Ruthenen (Народная жизнь русинь). Wien, 1898. (Стр. 65. in-4. Съ 22 иллюстраціями въ текстѣ).*

Новая работа извѣстнаго галицкаго писателя г. Ал. Барвинскаго напечатана въ XVIII т. прекраснаго нѣмецкаго изданія «Die österreichisch—ungarische Monarchie in Wort und Bild» (стр. 376—440). Статья г. Барвинскаго, какъ предназначенная для популярнаго иллюстрированнаго изданія, не задается учеными цѣлями, но извѣстно хорошо, что нѣтъ ничего труднѣе, какъ писать популярно. Издатели описанія австро-венгерской монархіи обратились къ галицкому ученому, близко знакомому съ бытомъ и исторіей своей родины, и тѣмъ дали полезный урокъ нашимъ издателямъ, книги которыхъ часто страдаютъ неудовлетворительностью текста при блестящей и иногда даже роскошной внѣшности.

Въ живыхъ и интересныхъ очеркахъ авторъ знакомитъ читателя съ общей характеристикой населяющаго Галичину южно-рус-

скаго племени и съ его внѣшнимъ бытомъ, костюмомъ, постройками. Переходя къ народнымъ обычаямъ, авторъ подробно описываетъ крестины, свадьбу, погребеніе, праздничныя игры и увеселенія, болѣе употребительные танцы и т. п. Статья оканчивается характеристикой народной поэзіи и пѣсеннаго творчества. Положенія свои авторъ подтверждаетъ удачно подобранными выдержками изъ пѣсенъ и думъ (въ нѣмецкомъ переводѣ или подражаніяхъ, напр., Боденштедта). Изложеніе простое, ясное и свидѣтельствующее о хорошемъ знакомствѣ автора съ предметомъ. Поэтому статью можно рекомендовать интересующимся, какъ поучительное чтеніе.

По поводу нѣкоторыхъ подробностей описанія можно возражать. Такъ, напр., авторъ говоритъ, что по лѣвому берегу Сана живутъ бужане, въ галицкой Подоліи—подоляне и ополяне, далѣе упоминаются волыняне и побережцы (будто-бы жители побережные, Uferbewohner), нистровяне (стр. 380). По поводу такой терминологіи желательны были-бы нѣсколько болѣе подробныя поясненія. Тоже относится и солнечному миѳу, какъ основѣ галицкихъ сказаній и преданій (стр. 432).

Статья снабжена прекрасно исполненными и удачно подобранными иллюстраціями. Кромѣ рисунковъ, изображающихъ народные типы и костюмы, можно указать въ особенности на снимокъ скородинецкой православной церкви (стр. 407), Склеповой улицы въ Чортковѣ (419), гуцульскаго свадебнаго поѣзда (423), крестьянскихъ похоронъ у Коломыи (427), освященія пасхальныхъ яицъ въ Хмеліовой (433) и народнаго обычая «церковки» въ Тышковцахъ (427).

Желательно было-бы, чтобы авторъ съ такимъ же успѣхомъ продолжалъ свою работу, такъ какъ матеріалъ для описанія еще далеко не исчерпанъ [1]).

Н. М.

---

[1]) Слѣдуетъ назвать при этомъ другую подобную работу, имѣющую въ виду ту же Галичину и принадлежащую Владисл. Завадскому (Tygodn. Illustrow. 1864 г., №№ 223—231). Кромѣ обстоятельнаго текста, тамъ помѣщено болѣе 20-ти рисунковъ (сцены изъ народной жизни), принадлежащихъ извѣстному польскому художнику Юлію Коссаку.

X. **Wacław**, *kapucyn. O cudownym obrazie Najśw. Maryi P. Berdyczowskiej. Wiadomość historyczna. Kraków, 1897.* (Стр. 33).

Брошюра о. Вацлава представляетъ нѣкоторый интересъ потому, что въ ней сведены главныя данныя о дѣятельности босыхъ кармелитовъ въ Бердичевѣ. Обитель заложена въ 1634 г. иждивеніемъ кіевскаго воеводы Тышкевича, вызвавшаго въ Бердичевъ кармелитанскихъ монаховъ. Образъ Богородицы, подаренный монастырю Тышкевичемъ, представляетъ копію съ римской иконы въ храмѣ Матери Божіей Majoris (рисунокъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, работы св. евангелиста Луки) Въ 1648 г. кармелиты вынуждены были удалиться съ иконой во Львовъ, возвратились въ 1663 г., но черезъ годъ были изгнаны уже наслѣдниками Тышкевича и возвратились только въ 1717 г. Собственники Бердичева не благоволили къ кармелитамъ, стремясь завладѣть фундушемъ. Тѣмъ не менѣе въ 1721 г. образъ Богоматери былъ перевезенъ въ Бердичевъ. Въ 1732 г. онъ былъ увезенъ въ Люблинъ, возвращенъ въ 1736 г. Черезъ три года началась постройка новаго костела при монастырѣ, оконченная только въ 1654 г. По исчисленіямъ самихъ кармелитовъ, до 1756 года зарегистровано 263 чуда при образѣ, въ томъ числѣ 14 воскрешеній мертвыхъ. Образъ былъ коронованъ установленнымъ порядкомъ въ 1756 году. Авторъ подробно описываетъ этотъ торжественный обрядъ на совершеніе котораго истрачено 83.665 злотыхъ, пожертвованныхъ 24 лицами. При взятіи Бердичева Кречетниковымъ кармелитанскій монастырь остался нетронутымъ. Въ 1820 г. костельныя драгоцѣнности и короны для образа, присланныя папой Бенедиктомъ XIV украдены, но короны отыскались. Въ 1831 г. короны вновь украдены и уже не отысканы. Въ 1866 г. убитъ днемъ въ своей кельѣ послѣдній пріоръ монастыря, о. Салезій, послѣ чего монастырь закрытъ по распоряженію Безака. Костелъ оставленъ.

Уже въ 1758 г. Бердичевскіе кармелиты устроили у себя типографію, просуществовавшую до 1844 г. По исчисленію г. Руликовскаго, изъ нея вышло до 650 изданій, въ томъ числѣ нѣсколько капитальныхъ. Типографія доставляла кармелитамъ большой доходъ [1]).

---

[1]) Болѣе подробныя свѣдѣнія о бердичевской типографіи см. въ статьѣ покойнаго Розле—„Drukarnia i sztycharnia w Berdyczowie“, напечатанной въ сборникѣ Rocznik dla archeologów, numismatów i bibliogr. polsk. Rok 1871. Wyd. St. Krzyżanowski. (Kraków, 1874), стр. 14—26.

Въ свое время пользовались большою извѣстностію бердичевскіе календари, издаваемые кармелитами. Послѣдніе завели также бумажную фабрику, библіотеку и школы, число учениковъ которыхъ доходило до тысячи. Школы закрыты въ 1832 г.

Изложеніе о. Вацлава не отличается критичностью. Къ извѣстіямъ своихъ источниковъ онъ относится съ излишнею довѣрчивостью не только по вопросамъ спеціально-духовнаго характера, но и при разсказѣ о суровыхъ фактахъ внѣшняго міра. Поэтому выставленныя въ заголовкѣ слова: «историческое извѣстіе» было-бы правильнѣе выпустить.

Н. М.

П. Л. Юдинъ. *Къ біографіи Т. Г. Шевченка. („Русскій Архивъ" П. Бартенева. 1898 г., вып. 3, стр. 463—476).*

Цѣль настоящей замѣтки г. Юдина—исправить нѣкоторыя неточности въ сообщеніяхъ гг. Гаршина и Матова («Истор. Вѣст.» 1886, янв. и «Камско-Волж. край» 1897 г. №№ 306, 313 и 318) о пребываніи Шевченка въ ссылкѣ. Полемическій тонъ г. Юдина нѣсколько рѣзокъ. Приведу лишь фактическія указанія его, основанныя на дѣлахъ штаба 23 пѣхотной дивизіи № 372—1848 г. и № 779—1849 г. и представляющія интересъ для установленія нѣкоторыхъ хронологическихъ и біографическихъ подробностей.

Шевченко былъ доставленъ въ Оренбургъ 9 іюня въ 11 часовъ ночи и зачисленъ въ батальонъ № 5 въ Орскѣ; 14 іюня отправленъ этапнымъ порядкомъ въ Орскъ, куда прибылъ 22 іюня; 23 числа онъ зачисленъ въ списки батальона и опредѣленъ въ роту.

Въ началѣ 1848 года сдѣлано было распоряженіе о посылкѣ въ Раимское укрѣпленіе транспорта изъ крѣпости Илецкая Защита, подъ прикрытіемъ 4-го линейнаго батальона. Для укомплектованія послѣдняго вызывались охотники изъ 5-го батальона, но желающихъ не оказалось. Въ маѣ составленъ списокъ 200 чиновъ, назначенныхъ для этого укомплектованія, и въ числѣ ихъ находился Шевченко. Въ походъ выступили 11 мая, 16-го дошли до Оренбурга и въ ночь на 20-е число мая, въ 2 часа, транспортъ вышелъ въ степь подъ

прикрытіемъ укомплектованнаго 4-го батальона и подъ командою подполковника Маркова (а не Шрейбера, какъ полагаетъ г. Гаршинъ). Такимъ образомъ уже съ 1 мая 1848 г. Шевченко числился въ 4-мъ батальонѣ.

Одновременно съ транспортомъ выступила и извѣстная аральская экспидиція подъ начальствомъ Бутакова, въ которой принялъ участіе Шевченко. Возвратившись изъ этой экспедиціи вмѣстѣ съ унтеръ-офицеромъ Ѳомой Вернеромъ въ Оренбургъ (а не въ Орскъ) 12-го ноября 1849 г., Шевченко былъ прикомандированъ къ № 2 линейному батальону. 22 января 1850 г. корпусный командиръ Обручевъ распорядился «препроводить нижнихъ чиновъ Ѳому Вернера и Тараса Шевченку въ Гурьевъ городокъ, ко времени открытія по Каспійскому морю навагаціи, для отправленія ихъ въ Ново-Петровское укрѣпленіе для (из)слѣдованія каменнаго угля». 8 февраля Шевченко и Вернеръ высланы изъ Оренбурга въ Гурьевъ-городокъ, но почему то не могли отправиться въ Ново-Петровское съ открытіемъ навигаціи. Въ началѣ мая они возвращены въ Оренбургъ, а 12 мая Шевченко препровожденъ къ командиру бригады для отправленія въ крѣпость Орскую, въ № 5 батальонъ, и лишь въ октябрѣ 1850 г. высланъ изъ Орска на Мангашлыкъ и 17 числа записанъ во 2-й полубатальонъ № 1-го оренбурскаго линейнаго батальона, квартировавшій въ Ново-Потровскомъ, гдѣ поэтъ и пребылъ до 1 августа 1857 г. Разсказы о связи высылки поэта въ Ново-Петровское съ романтическимъ приключеніемъ г-жи Г-ной, мужъ которой служилъ адъютантомъ у Обручева, не заслуживаютъ, по мнѣнію г. Юдина. довѣрія: если бы это было такъ, то въ бумагѣ 22 января 1850 г. не было бы надобности упоминать, это онъ отправляется туда «для изслѣдованія каменнаго угля».

Въ Оренбургѣ Шевченко велъ собя тихо, скромно. По разсказамъ автору старушки Кутиной, поэтъ ходилъ по городу всегда въ солдатской шинели и «только подъ низомъ ея» надѣвалъ синія широкія шаровары и бѣлую, вышитую на груди и по рукавамъ, малороссійскую рубаху. Былъ у него одинъ пріятель, офицеръ—малороссъ, квартировавшій у Кутиной. Шевченко чуть не каждый день навѣщалъ его. Вдвоемъ они коротали длинные зимніе вечера за чайкомъ и водочкой. «Придетъ бывало онъ къ намъ (говорила старушка), сейчасъ шинель долой, повѣситъ ее въ передней на гвоздикъ, расправитъ свои длинные черные усы, и первый его вопросъ

въ шутливомъ тонѣ: «Ой чы живы, чы здоровы вси родычи гарбузови?» Когда пріятеля нѣтъ дома, онъ, въ ожиданіи его, ходитъ изъ угла въ уголъ по всѣмъ комнатамъ. Потомъ придетъ на мою половину, а я тѣмъ временемъ водочки приготовлю и закусочку смастерю.— А що, хозяюшка, кысленька капустка е?—всегда спрашивалъ онъ.— Есть, батюшка, есть.—Оце добре!—До смерти онъ любилъ эту кислую шинкованную капусту. Никакихъ другихъ угощеній ему не надо. Придетъ хозяинъ, сядутъ они за столъ, и пойдутъ у нихъ разговоры, иногда далеко за полночь; но всегда тихо, скромно, безъ шума».

Разсказамъ о недоброжелательствѣ къ Шевченку гр. Перовскаго г. Юдинъ не придаетъ никакого значенія, такъ какъ графъ никогда не видалъ Шевченка и не бывалъ въ Ново-Петровскомъ.

Въ заключеніе авторъ жестоко подсмѣивается надъ довѣрчивостью г. Матова, передавшаго (въ № 318 «Кам.-Волж. Края») легенду о посылкѣ Шевченку изъ Малороссіи въ Ново-Петровское писемъ, посылокъ и «шпиковъ изъ свиного сала, кусковъ, величиною въ кубическую четверть».

Было-бы весьма желательно, чтобы г. Юдинъ опубликовалъ точныя выдержки изъ дѣлъ оренбургскихъ корпуснаго и центральнаго архивовъ, касающіяся нашего поэта, судьба котораго такъ живо интересуетъ автора настоящей замѣтки въ «Русскомъ Архивѣ».

Н. М.

Отчетъ Комитета по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II при Императорскомъ Харьковскомъ университетѣ. *Харьковъ, 1898. 8 д. л. 99 стр.*

Исторія этихъ премій въ отчетѣ изложена слѣдующимъ образомъ: «Въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ среди акціонеровъ Харьковскаго Земельнаго Банка возникла мысль ознаменовать истекавшее тогда 25-лѣтіе царствованія Царя-Освободителя какимъ либо полезнымъ дѣломъ. Первоначально предполагалось осуществить это намѣреніе учрежденіемъ при мѣстномъ Харьковскомъ сельско-хозяйственномъ обществѣ премій, съ цѣлью содѣйствовать изученію экономическаго

состоянія губерній, входящихъ въ раіонъ дѣятельности Харьковскаго Земельнаго Банка. Составленная для обсужденія этого предмета комиссія изъ представителей правленія Харьковскаго Земельнаго Банка, предсѣдателя Харьковскаго сельско-хозяйственнаго общества проф. В. А. Кочетова, профессоровъ А. Е. Зайкевича и А. П. Шимкова пришла однако къ заключенію, что болѣе цѣлесообразно было бы учредить названныя преміи при главномъ просвѣтительномъ учрежденіи въ краѣ, т. е. при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Мысль эта была одобрена общимъ собраніемъ акціонеровъ Харьковскаго Земельнаго Банка, которое 19 марта 1880 года постановило пожертвовать десять тысячъ рублей на учрежденіе премій при Императорскомъ Харьковскомъ Университетѣ. Капиталъ этотъ въ 1889 году былъ увеличенъ до 20,000 рублей и вслѣдъ затѣмъ комиссіей, составленной изъ представителей Харьковскаго Земельнаго Банка А. Г. Шиманова, А. Л. Пестржецкаго и профессоровъ университета М. М. Алексѣенка, К. К. Гаттенбергера, А. Е. Зайкевича и Г. М, Цѣхановецкаго—былъ выработанъ проектъ положенія о преміяхъ, который и утвержденъ былъ 19 марта 1889 года общимъ собраніемъ акціонеровъ Банка. Переданный затѣмъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ Харьковскому Университету 17 мая 1889 года капиталъ на учрежденіе премій, 20,000 рублей, возросъ къ 2 іюня 1893 года, вслѣдствіе приращенія процентовъ, до суммы 26,700 рублей. Въ виду такого значительнаго увеличенія капитала, предназначеннаго для учрежденія премій, а также пониженія процентовъ, вслѣдствіе конверсіи 6% облигацій Харьковскаго Земельнаго Банка, въ которыхъ первоначально былъ помѣщенъ пожертвованный на преміи капиталъ, Правленіе Императорскаго Харьковскаго Университета по соглашенію съ правленіемъ Харьковскаго Земельнаго Банка должно было сдѣлать соотвѣтствующія измѣненія въ первоначальномъ проектѣ положенія о преміяхъ и въ такомъ видѣ, это положеніе было, на основаніи Высочайшаго повелѣнія 1-го мая 1894 года утверждено 13-го мая 1894 года, г. Министромъ народнаго просвѣщенія».

Затѣмъ образованъ былъ Комитетъ по присужденію премій, который открылъ свою дѣятельность въ октябрѣ 1894 года, «По открытіи дѣйствіи Комитета, первое присужденіе премій должно было состояться черезъ три года. Но такъ какъ первое трехлѣтіе оканчивалось 15 октября 1897 года, а по положенію о преміяхъ присужденіе премій назначается черезъ три года, считая отъ 19 февраля

1895 года, слѣдующаго за утвержденіемъ этого положенія, то поэтому первый періодъ до присужденія премій продлился нѣсколько болѣе трехъ лѣтъ. Въ послѣдующіе годы присужденіе премій должно будетъ происходить точно по трехлѣтнимъ періодамъ».

«Комитетъ началъ свою дѣятельность съ того, что принялъ мѣры для возможно широкой публикаціи о предстоявшемъ 19 февраля 1898 года присужденіи премій. Кромѣ объявленій въ мѣстныхъ изданіяхъ и въ столичной прессѣ, Комитетъ отпечаталъ извѣщенія объ учрежденіи премій, разославъ въ столичныя и провинціальныя изданія съ просьбой помѣстить ихъ въ текущей хроникѣ. Всѣ изданія, въ количествѣ болѣе ста, къ которымъ обращался Комитетъ, любезно исполнили его просьбу. Тѣ же печатныя извѣщенія были разосланы во всѣ городскія думы губернскихъ городовъ Юга Россіи, а также въ сельско-хозяйственныя общества и во всѣ губернскія и нѣкоторыя уѣздныя земскія управы южныхъ губерній. Кромѣ того такія-же печатныя извѣщенія были разосланы во всѣ отдѣленія и агентуры Харьковскаго Земельнаго Банка черезъ посредство правленія послѣдняго и во всѣ среднія учебныя заведенія Харьковскаго Учебнаго Округа черезъ посредство Управленія Округа».

«Послѣ этихъ публикацій, повторенныхъ въ болѣе узкихъ предѣлахъ къ 19 февраля 1897 года въ Комитетъ стали поступать просьбы о присылкѣ подлиннаго положенія о преміяхъ. Такихъ просьбъ было прислано и удовлетворено въ количествѣ двадцати трехъ, а до 19 февраля 1897 года, т. е. до предѣльнаго срока для представленія сочиненій на соисканіе премій, въ Комитетъ поступило пять сочиненій. Изъ нихъ одно, посвященное общимъ теоретическимъ вопросамъ политической экономіи, какъ неотвѣчающіе требованіямъ положенія о преміяхъ, было по постановленію Комитета возвращено обратно автору, а остальныя четыре сочиненія поступили на разсмотрѣніе комитета. Для спеціальной оцѣнки этихъ сочиненій Комитетъ избралъ четырехъ рецензентовъ, по одному на каждое сочиненіе. При назначеніи рецензентовъ комитетъ, руководствуясь цѣлями учрежденія премій и желая привлечь возможно большее вниманіе къ изслѣдованію общественнаго и экономическаго быта части Россіи, входящей въ раіонъ дѣятельности Харьковскаго земельнаго банка, не ограничился кругомъ членовъ Комитета, но рѣшилъ обратиться и къ другимъ лицамъ извѣстнымъ своими изслѣдованіями мѣстнаго раіона. Такимъ образомъ составленіе рецензій на представленныя для соисканія премій сочиненія было поручено членамъ комитета проф. А.

Е. Зайкевичу, проф. И. П. Скворцову, кромѣ того, члену Кіевской Судебной Палаты, А. М. Лазаревскому и земскому статистику, завѣдывающему губернскимъ Статистическимъ Бюро Черниговскаго Земства А. А. Русову».

«Въ засѣданіяхъ 10 ноября и 27 ноября 1897 года Комитетъ, выслушавъ представленныя ему рецензіи о двухъ сочиненіяхъ, а также ту оцѣнку, которая была сдѣлана въ сужденіяхъ объ этихъ сочиненіяхъ нѣкоторыми членами Комитета, единогласно призналъ невозможнымъ удостоить ихъ премій. Комитету оставалось еще высказать свои сужденія относительно двухъ другихъ сочиненій, о которыхъ поступили одобрительныя рецензіи А. М. Лазаревскаго и А. А. Русова. Въ засѣданіи 31 января 1898 года Комитетъ, основываясь на рецензіи А. М. Лазаревскаго о сужденіяхъ, высказанныхъ его членами, въ томъ числѣ спеціалистомъ по исторіи Южной Россіи Д. И. Багалѣемъ, единогласно присудилъ большую премію въ 1000 рублей Д. П. Миллеру за его сочиненіе «Очерки изъ исторіи быта старой Малороссіи» въ 2-хъ частяхъ. I) Суды земскіе, гродскіе и подкоморскіе, и II) Превращеніе казацкой старшины въ дворянство. Въ томъ же засѣданіи Комитетъ единогласно присудилъ половинную премію въ 500 руб. г. санитарному врачу Херсонскаго земства Н. И. Тезякову за его изслѣдованіе «Сельско-хозяйственные рабочіе и организація за ними санитарнаго надзора въ Херсонской губерніи», рецензированное проф. И. П. Скворцовымъ, при чемъ и рецензентъ, и члены Комитета отмѣтили благотворную дѣятельность Херсонскаго земства въ дѣлѣ постановки статистическаго изслѣдованія положенія сельско-хозяйственныхъ рабочихъ и организаціи санитарнаго надзора надъ пришлыми рабочими».

Въ приложеніи къ отчету напечатаны и самыя рецензіи проф И. П. Скворцова и А. М. Лазаревскаго. Послѣдняя раздѣляется на двѣ части: «О малорусскомъ дворянствѣ» и «О статутовыхъ судахъ.» Первая часть рецензіи имѣетъ въ виду, такимъ образомъ, монографію Д. П. Миллера, напечатанную на страницахъ нашего журнала прошлаго года. Вторую часть рецензіи А. М. Лазаревскаго на монографію, напечатанную въ 8-мъ томѣ Сборника харьковскаго историко-филологическаго общества, мы предполагаемъ перепечатать въ нашемъ журналѣ, въ виду новыхъ данныхъ, имѣющихся въ этой рецензіи относительно судопроизводства въ старой Малороссіи и—по малораспространенности харьковскаго отчета».

